

M. Webranka

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТИ ТОМАХ

Под редакцией

А. Дейча, М. Рыльского и Н. Ушакова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1955

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ

СТИХОТВОРЕНИЯ

И

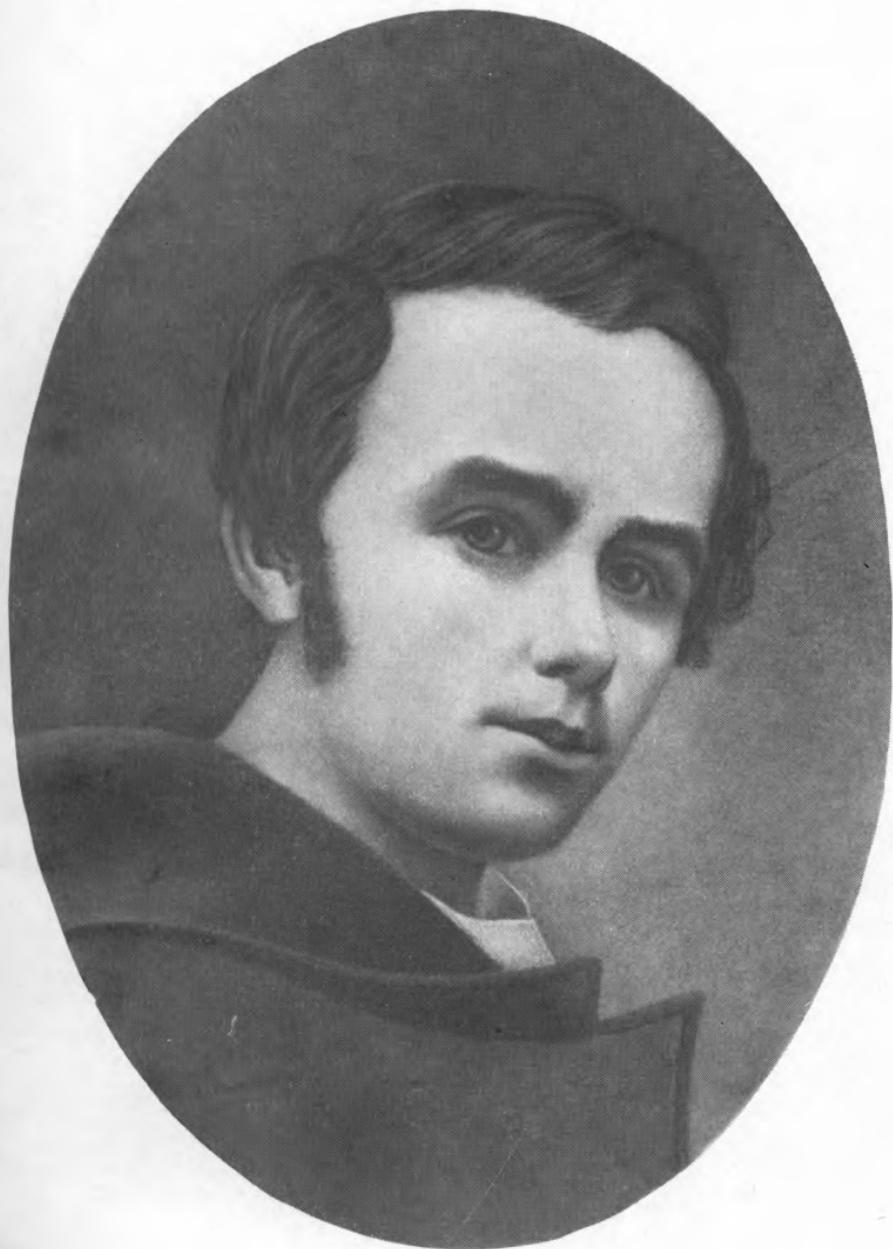
ПОЭМЫ

1847—1861

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1955

Комментарии
И. Айзенштока

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Автопортрет

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я

И

П О Э М Ы

1847—1861

Думы мои, думы мои,
Самые родные!
Вы меня хоть не бросайте
В эти годы злые.
Прилетайте сизокрылой
Стаей голубиной
Из-за Днепра широкого
Погулять в пустыне
С киргизами убогими.
10 Хоть они убоги,
Хоть и голы... Да на воле
Еще молят бога.
Прилетайте ж, мои думы!
Тихими речами
Приголублю вас, как деток,
И заплачу с вами.

[1847
Орская крепость]

КНЯЖНА

Поэма

Звезда моя вечерняя!
Взойди над горою —
Поговорим тихонечко
В неволе с тобою.
Расскажи, как за горою
Солнце догорает;
Как радуга днепровскую
Воду набирает;
Как высокий тополь ветви
10 Раскинул красиво...
А над самою водою
Наклонилась ива,—
Чуть не по воде постлала
Сеть ветвей зеленых,
А на ветвях баюкает
Детей некрещеных;
Как средь поля на кургане
Вурдалак ночует;
Как сычи кричат по лесу —
20 Недоброе чуют;
Как сон-трава по долинам
В ночи расцветает;
А про людей — ну их вообще!
Кто же их не знает?
Я-то знаю!.. Звезда моя!
Ты мой друг единый!
Ведь кто знает, что творится

Там — на Украине...
Расскажу тебе, что знаю,
30 Я и спать не стану,
А ты богу тихонечко
Скажешь утром рано.

Село! Пришел конец кручине...
Село на нашей Украине —
Пестрее писанки село,
Зеленой рощей поросло;
Цветут сады, белеют хаты,
А на горе стоят палаты,
Как диво дивное; кругом
40 Кудрявых тополей вершины;
А там и лес,— леса, долины,
Холмы синеют за Днепром.
Сам бог витает над селом.

Село! Село! Веселье в хатах!
Веселье, издали, в палатах —
О, чтоб вы терном поросли!
Чтоб люди следу не нашли,
Чтоб не искали вас, проклятых.
И в это тихое село
50 На нашей славной Украине
Невесть откуда занесло
Когда-то князя, с ним — княгиню,
Людей не старых; им жилось
Привольно, мирно и богато:
На горке светлые палаты,
Пруд многоводный на лугу,
Зеленый сад на берегу,
И тополя, и ивы,
И мельниц ряд шумливый,
60 А там широкой полосой
Село тянулось над рекой.

Там шел, бывало, пир горой.
Бывало, летом и зимою
Гром музыки, вино рекою:
Гостей без удержу поят...

А князь среди гостей гуляет,
Несмелым чаши наливает,
А то еще «виват» кричит.
Гуляет князь, гуляют паны.
70 Вот повалились на пол спьяну...
А завтра снова прежний вид,
Опять шумят, опять гуляют,
И так за днями дни мелькают.
По селам мужики кряхтят...
Приказный шлет молитву богу...
Гуляки, знай себе, кричат:
— И патриот и брат убогих!
Наш славный князь! Виват! Виват! —
А патриот, убогих брат...
80 И дочь и телку отнимает
У мужика,— и бог не знает...
А если знает, то молчит.

Княгиня взаперти сидит.
Ее и в сени не пускает
Убогих брат. Себя вини:
Сама бежала, обвенчалась;
Отец и мать не отпускали:
«Зачем высоко забралась?»
Так нет,— за князя! Вот и князь!
90 Вот и гордись теперь, княгиня!

Погибнешь, милая, в пустыне,
Цветком подснежника весной
Заглохнешь, радости не зная,
Жизнь проживешь, не понимая,
Как люди любят всей душой.
А жить — так, господи, хотелось,
И любви отдаться,
Хоть годочек, хоть часочек
Миром любоваться!
100 Не пришлось — а все ведь было,
Мать для дочки милой
Ничего не пожалела,
Красой наделила,—

Хоть молись перед тобою,
Как перед святою...
Краса моя молодая,
Горюшко с тобою!
Жить бы, жить да славить бога
Добрыми делами,
110 Чтобы люди любовались
Юными очами,—
Не придется! Очам карим
Назначена доля
В одиночестве зачахнуть...
Божья ль это воля?
Боже, боже! Волю, разум,
Красу посылаешь,
Сердце чистое, а сердцу
Жить не позволяешь!
120 Не даешь на рай веселый,
На мир бесконечный
Наглядеться, намолиться
И заснуть навечно.

Невесело на свете жить,
Коль сердцу некого любить.
Вот так и ей пришлось отныне,
Моей молоденькой княгине,
Красу и сердце засушить,
Напрасно гибнуть, как в пустыне,—
130 Не страшно ль? А она молилась
И жить у господ просилась.
Казалось, есть кого любить:
Она уже дитя носила,
Уже гордилась и любила
Младенца. Дал ей бог дожить
До лучшей радости на свете:
Увидеть и поцеловать
Свою единственную дочь
И первый крик ее услышать.
140 Ох, дети! Дети! Деги!
Великая вы благодать!
Слезы высохли, пропали,
Солнце засияло,

И княгиня с дочуркою
 Словно новой стала.
 Словно вновь на свет родилась —
 Пела, веселилась...
 И княжне, своей малютке,
 Рубашечки шила,
 150 И малые рукавчики
 Шелком вышивала,
 И купала, и качала,
 И сама кормила.
 Ведь княгини — уж известно —
 Лишь родить умеют,
 А выкормить да вынянчить
 И не порадеют,
 А после стонут: «Ах, забудет
 Меня мой Поль или Филат!»
 160 За что ж тебя он помнить будет?
 За то ль одно, что родила?
 А моя свою дочурку
 Сама воспитала,
 А пьяного мужа-князя
 И не подпускала.
 Словно яблочко в садочке,
 Дитя выростало,
 Лепетало понемногу.
 И княгиня стала
 170 Учить ее слову *мама*.
Папа — не учила...
 И разных книг с картинками
 В Ромнах накупила,
 Рассказами забавляла;
 Стала дочь учиться
 И азбуке по картинкам
 И богу молиться.
 Каждый день ее купала,
 К ночи усыпляла,
 180 Ни пылинке на малютку
 Упасть не давала:
 И всю ночь над нею
 Очей не смыкала,
 Все глядела, любовалась

- Княжнюю своею...
Уж о свадьбе стала думать,
Радовалась с нею
И плакала: вот и косы
Расплетут ей вскоре...
190 Да пьяного мужа-князя
Вспомнила на горе —
В мундире... и зарыдала,
И глаза закрыла.
А девочка словно знала,
Словно говорила:
«Не плачь, мама! Кос роскошных
Расплетать не надо:
Посекутся...» Дни за днями
Великую радость
200 Дочь-красавица приносит
Матери счастливой.
Словно тополь, вырастает
Всем людям на диво.
Вырастает... Да недолго
Мать повеселится:
Бог княгиню покарает,
Грозой разразится...
А за что? Чудно нам, людям,
Ведь люди не знают,
210 Зачем добро умирает,
А зло оживает.
Расхворалась княгиня,
И князь встрепенулся,
За бабами-знахарками
По селам метнулся.
Наехали. Суетились.
Лечили, лечили
До тех пор, пока беднягу
В гроб не положили.
- 220 И нет уже княгини кроткой,
И снова гусли — что ни ночь.
Ее единственная дочь
Осталась на селе сироткой,
Как лист, слетевший с ветки прочь.

Полуголодная, босая,
 Рубашку носит, не снимая,
 На солнце жарится весь день,
 Траву сосет, в песок играет,
 С детьми полощется в воде...
 230 Дружок, умойся! Мать родная
 Глядит, и не узнать уж ей
 Свое дитя в толпе детей,
 И думает: тебя не стало...
 Дружок, умойся, чтоб узнала
 Единственную дочь свою...
 И господу б благословляла
 За добрую судьбу твою.
 Умылась. Постарались люди,
 Одели, в Киев, в институт
 240 Отправили. А там что будет —
 Посмотрим. Гусли вновь ревут...
 Гуляет князь с гостями вместе,
 В его палатах шум и песни,
 А в селах голод, люди мрут...
 И стонет он, стонет по всей Украине
 Божья кара, голод; тысячами гибнут
 Голодные люди. А скирды гниют.
 А паны мякину купцам продают
 Да молятся богу — так голоду рады, —
 250 Чтоб хлеба хоть годик еще не рожал, —
 Тогда б и в Париже и всюду, где надо,
 Наш брат-хуторянин себя показал!
 И бог это знает? Ведь было бы диво —
 И слышать, и видеть, и не покарать.
 Да, видно, он слишком долготерпеливый...¹
 Проходят годы, люди гибнут:
 Терзает голод Украину,
 В селе у князя люди мрут,

¹ После этого в ранней редакции имеются еще следующие строки:

Веруйте и мрите? — пророки гласят.

Веровать — то как же?

Закрывая очи?

Ох, рад бы я верить, да сердце не хочет!

И скирды у него гниют,
260 А он беспечно пьет, гуляет,
Купца-еврея поджидает;
Его все нет... Хлеба растут;
Крестьяне рады, бога просят...
Как вдруг из Киева привозят
Княжну. Не солнце ли взошло
Над обворованным селом?

Черной бровью, карим оком
Мать напоминает;
Только грустна, невесела...

270 О чем же вздыхает?
Или, может быть, такую
Она уродилась?

Или, может, молодая
Сердцем полюбила
Кого-нибудь? Нет, не это...

Весело гуляла,
Как ласточка из гнездышка,
Весь свет озидала
Из Киева, пока дома

280 На нищие села
Не взглянула; с той минуты
Стала невеселой.

Сизокрылою голубкой
Село облетела;
У всех была, всех видела,
Все повеселело.

Тех словами обласкала,
Того наплатала.
Каждый божий день ходила

290 В село. Помогала
Всем и каждому; сироты
У нее в покое

Толпились, и матерью
Своею святою

Ее звали, и все село
За нее молилось...

А меж тем в селе евреи
С казной появились.

Князь доволен, продает им
300 С мякиною жито,
На работу выгоняет
Людей недобитых.
Смолотили — чтоб не сглазить —
За один часочек,
И все дотла провеяли...
К той же самой ночи
Князь опять гостей сзывает,
И пьет, и гуляет
С ними в парке: нельзя дома —
310 Дочка засыпает.

Гремят, галдят, гудят буяны
Срамные песни; верещит
Визгливый хохот девки пьяной.
— Гуляй! — хозяин голосит.—
Покуда наша дочка спит.

А дочка взаперти сидит
В своей светелке одинокой
И смотрит: над горой высоко
Луна багряная горит,
320 Из тучи тихо выплывает,
И горы словно оживают;
Дубы в долину из лесов
Отходят, привидений тише,
И много филинов и сов
В ночь вылетает из-под крыши,
Лягушек крик со всех сторон...
Смотрите, очи, как светлеет,
Как полн огнями небосклон,
Как, восходя, луна алеет;
330 Смотрите же, пока вас греет,
А звезды отгоняют сон.
Голову склонив на руку,
У окна сидела
И до полночи печально
На звезды глядела
Княжна моя... Нагляделась,
Да и плакать стала...

Верно, сердце о невзгоде
Тихо прошептало?
340 Все равно уж! Поплакала
Малость, усмехнулась,
Помолилась и спать легла,
И тихо заснула.

А в парке влежку все лежало —
Бутылки, гости: где упало,
Там и легло. А сам стоял,
Стакан до капли допивал,
Допил. Идет, не запинаясь,
В покои... Гадина дрянная!
350 Куда же лезешь ты? Очнись!
Нет, не очнулся, вынимает
Ключи, и двери отмыкает,
И лезет к дочери... Проснись,
Проснись же, чистая, проснись!
Убей гадюку — искушает!
Убей — и бог не покарает!
Как Ченчи, за кинжал возьмись.
Отца зарезав, кардинала,
Она небес не испугалась.
360 Нет, не проснулась, крепко спит!
А бог хоть видит, да молчит,
Грехам великим попускает...
Все тихо... Время пролетает,
А после крик, а после гвалт
И плач слышали из палат,—
Слыхали совы... После снова
Все стихло... В этот тихий час
Солома в клуне занялась,
Померкли звезды. Хоть бы слово,
370 Хоть голос бы отозвался.
Но паны в парке все храпели,
Сбежались люди и смотрели,
Как дым до неба поднялся...

Проснулись утром гости,
Увидели — плохо;

Покинули они князя
Без слова и вздоха...
Так и мы его покинем,
Так и бог покинет.
380 Тебя только не покинет
Невзгода отныне,
Княжна моя, горемыка,
Поломанный цветик!
Грехов тяжких искупленье
Удел твой на свете,—
Грехов отчих. Доля, доля,
Лукавая доля!
Покинь ее хоть под старость,
Хоть на чужом поле,
390 На безлюдье. Не покинешь,
Повсюду нагонишь,
Не отстанешь до могилы,
Сама похоронишь.

Никто не видел и не слышал,
Куда она делась,—
Думали, что на пожаре
Бедняга сгорела.

Стоит село невесело,
Стены почернели
400 У палат. И князь хворает,
Не встает с постели.
Никто к нему не заглянет,
Не придет на помощь,
Без призора старый грешник
В проклятых хоромах.
Чуть пришли в себя крестьяне,
Бога умоляют,
Чтобы к ним княжна вернулась,
Откуда — не знают.
410 Но святая не вернется...
Куда ж она скрылась?
В древнем Киеве навеки
В черницы постриглась.

На свет родиться — жить, любить,
Сиять господней красотой,
Парить над грешными святою
И всякому добро творить.
А кончить вот чем: понапрасну
Себя в монастыре сгубить...

- 420 Скитаяся по Украине,
Забрел я как-то в Чигирин,
В тот монастырь, что за песками,
Среди болота, меж кустами
В уединении стоит.
Вот там-то мне и рассказала
Черница старая о том,
Как год тому назад пришла
В их монастырь из-за Днепра
Одна княжна. Заночевала
- 430 И богу душу отдала.
— Она скончалась молодою
И хороша была собою,
От солнца жаркого смугла;
Да вот занемогла — лежала
Недолго, лишь недели две,
И все до крошки рассказала
Сестрице Ксении и мне
И умерла. Где ни ходила!
В каких-то праведных местах...
- 440 А здесь, сердечная, почила...
Вон в стороне ее могила...
Еще не ставили креста.

[1847
Орская крепость]
1858 февраля 24
[Нижний-Новгород]

N. N.

Солнце заходит, горы чернеют,
Пташки стихают, поле немеет;
Отдых приходит — люди довольны.
А я лишь гляну... и сердцу больно
И на Украину стремлюсь невольно,
Думаю думу, вдаль улетаю,
И словно сердцем я отдыхаю.
Поле чернеет, и сад, и горы,
Звезда восходит в синих просторах.
10 Звезда святая! лью слезы тайно.
Уже вошла ль ты и на Украине?
Карие очи тебя нашли ли
В просторе синем? Иль позабыли?
Если забыли,— лучше бы спали,
Про мою долюшку и не слышали.

[1847
Орская крепость]

Н. Н.

Тогда мне лет тринадцать было,
За выгоном я пас ягнят.
И то ли солнце так светило,
А может, просто был я рад
Невесть чему. Все походило
На рай небесный...
Уже давно на полдник звали,
А я в бурьяне, в тишине,
Молился богу, и едва ли
¹⁰ Хоть раз еще на свете мне
Так сладко, радостно молилось,
Так сердце весело цвело,
Казалось, небо и село
И даже стадо веселилось,
И солнце грело — не пекло!
Да не долго солнце в небе
Ласковое было:
Поднялось, побагровело,
Рай мой опалило.
²⁰ Осмотрелся как спросонок:
Село почернело,
Божье небо голубое
И то потемнело.
На ягнят я оглянулся —
Не мои ягнята!
Оглянулся я на хату —
Нет у меня хаты!

- Ничего господь мне не дал!..
Горький и убогий,
30 Я заплакал!.. А девушка
Рядом у дороги
Посконь дергала, родная.
Она услышала,
Увидала, что я плачу,
Пришла, приласкала,
Слезы вытерла ребенку
И поцеловала.
И снова солнце засияло,
И словно все на свете стало
40 Моим... дуброва, поле, сад!..
И мы, шутя, смеясь, погнали
На водопой чужих ягнят.

- Пустяк! А вспомню, и сегодня
Тоска наполнит грудь мою,—
Ведь не пришлось в таком раю
Мне жить по милости господней.
Пахал бы я родное поле,
Не слыл юродивым, своей
Не знал бы горемычной доли,
50 Не проклял бога и людей!..

[1847
Орская крепость]

* * *

Не греет солнце на чужбине,
А дома слишком уж пекло.
Мне было очень тяжело
И там — на славной Украине:
Любви и ласки я не знал,
Я сам от многих отдалился,
Блуждал тихонечко, молился,
Панов-злодеев проклинал.
Передо мною проходили
10 Глухие, давние лета:
Тогда повесили Христа,
Его бы и теперь казнили!
Теперь мне счастья нет нигде,
А может, счастья и не будет
И на Украине нашей, люди,
Как на чужбине! Как везде!
Но мне хотелось бы другого:
Чтоб люди сделать не могли
Мне гроб из дерева чужого...
20 Чтобы хоть горсточку земли
Ко мне из-за Днепра святого
Святые ветры принесли,
И это все. Вот так-то, люди,
Хотелось бы... Да что гадать...
Зачем и бога утруждать,
Когда по-нашему не будет!

[1847

Орская крепость]

СОН

Горы мои высокие!
Вы не так высоки,
Как прекрасны, голубые
В дымке, издалика —
С переяславских просторов,
С Выблого кургана,
Вы виднеетесь как тучи
За Днепром туманным.

- Иду я тихо над рекою,
¹⁰ Любуюсь — вот передо мною,
Как будто призраки всплывают,
Из тучи тихо выступают
Обрыв высокий, лес, овраг;
И хатки белые мелькают,
Как дети в жмурки на лугах
В рубашках беленьких играют;
А понизу седой казак,
Наш Днепр, среди полей сверкает.
А дальше, дальше за Днепром,
²⁰ Часовней малою маяча,
На горке церковка казачья
Стоит с покривленным крестом.
Все стоит и ожидает
Запорожца с Луга...
Днепр широкий окликает,
Жалуется другу.
И тускнеют окна храма,
Так мертвец упрямо

Даль степную озирает
30 Из могильной ямы.
Обновленья ждешь в печали?
Не дождешься славы!
Твои люди ограблены,
А панам лукавым
Нету дела до великой
До казацкой славы?!

И Трахтемиров под горою
Свои хатенки вдоль реки
Раскинул горестной рукою,
40 Как нищий пьяненький куски.
Монастырище — вон, когда-то
Казацье старое село.
А так ли было, так ли шло?..
Все отдано царям проклятым:
И Запорожье, и село,
И монастырь, и все богатства:
Все осквернили, разнесли!..
А вы, вы, горы, не спасли!!
Дай бог вовек не любоваться
50 На вас, проклятые!.. Нет, нет...
Не вам проклятье!.. Окаянным
Магнатам, гетманам поганым!..
Простите же, простите мне
Высокие и голубые,
На свете самые святые!
Простите! Богу помолюсь...
Я так, я так ее люблю,
Украину, мой край убогий,
Что прокляну святого бога
60 И душу за нее сгублю!

Над Трахтемировом, высоко,
На круче, будто сирота,
Что ищет гибели в глубоком
Днепровском омуте, вот так
Белеет хата из-за тына...
Видна из хаты Украина
И гетманщина вся кругом.

- Старик столетний возле хаты
 Сидит, а солнышко к закату
 70 Уже склонилось над Днепром.
 Сидит старик, и зреют думы,
 И слезы капают. «Ай, ай! —
 Промолвил старый. — Недоумы!
 Испакостили божий рай!..
 Гетманщина!!.» И старое
 Сердце загрустило...
 Может, чем-то тяжким-тяжким
 Вылиться просилось?
 И не вылилось...
- 80 «Блуждал я по свету немало,
 Носил и свитку и жупан.
 На что уж худо за Уралом
 Киргизам бедным, но и там,
 Ей же богу, жить привольней,
 Чем нам на Украине.
 Может, потому — киргизы
 Все не христиане?..
 Зла принес Христос немало,
 А переиначил
 90 Людей божьих? Ведь катились
 Глупые казачьи
 Наши головы за правду,
 За веру Христову,
 Упивались и своею
 И чужою кровью!..
 Стали лучше разве? Где там!
 Куда хуже стали.
 Без ножа и аутодафе
 Людей заковали
 100 И терзают... Ой, ой, паны,
 Паны христиане!..
 Затих мой старый, убит тоскою,
 Поник седою буй-головою.
 Под вечер солнце лес золотило
 И Днепр и степи золотом крыло;
 Собор Мазепы в лучах сияет,
 Курган Богданов, грустя, мечтает;

Где путь на Киев, там сиротливо
К холмам Трех Братьев склонились ивы,
110 Трубайло с Альтой между речною
Слились осокой, как брат с сестрою,
И все-то, все-то радует очи,
А сердце плачет, взглянуть не хочет!

Солнце светлое простилось
С черною землею;
Выступает ясный месяц
С сестрою-звездою;
Веселея и яснее,
Тучи расступились.
120 А старик на небо глянул,
Слезы покатались...
«Я хвалю тебя, мой боже,
Господи великий!
Что не дал ты мне погибнуть,
Небесный владыко!
Что вложил ты в сердце силу
Пересилить горе
И привел меня, седого,
На святые горы —
130 Одинокó поселиться
И тебе молиться,
И твоею красотою
Сердцу веселиться...
И прибитое грехами
Тяжкими, людскими
Схоронить на кручах сердце
И витать над ними...» —
Вытер слезы огневые,
Хоть не молодые,
140 И припомнил, старый, годы
Давние, благие...
Где, как, зачем и что творилось?
Что было въявь, а что приснилось?
Моря какие повидал?
Он вспомнил темную дуброву
И очи юной, чернобровой,
И месяц между звезд сиял,

И соловейко на калине
То затихал, то распевал,
150 Святото бога восхвалял;
И это все на Украине!..
И усмехнулся старый дед...
Знать, некуда ту правду деть,
Что справить свадьбу собирались
Да разошлись, не повенчались...
Ушла, и он на склоне лет
Один и помнит все утраты.
Старик мой снова загрустил;
Ходил в раздумье до заката,
160 Потом молитву сотворил
И тихо спать поплелся в хату,
А полог туч луну прикрыл.

Вот такой мне на чужбине
Нынче сон приснился.
Будто снова я на волю,
На свет народился.
Дай мне, боже, приютиться
В старости глубокой
На тех кручах ограбленных
170 В хате одинокой,
Чтоб замученное сердце,
Выжженное горем,
Принести перед кончиной
На днепровы горы.

[1847
Орская крепость]

ИРЖАВЕЦ

Было время, добывали
Себе шведы славу,
Убегали с Мазепою
За Днестр из Полтавы,
А за ними Гордиенко...
Раньше бы учиться,
Как повыкосить пшеницу,
К Полтаве пробиться.
Выкосили б, если б дружны
¹⁰ Меж собою были,
Да с фастовским полковником
Гетмана сдружили,—
У Петра тогда б у свата
Копий не забыли
И, с Хортицы убегая,
Силу б не сгубили.
Их не предал бы прилуцкий
Полковник поганый...
Не плакала б мать божья
²⁰ В Крыму об Украине.
Когда бежали день и ночь,
Когда бросали запорожцы
Родную мать-Сечь и прочь
Спешили, только мать божью
С собою взяли и пошли,
И в Крым к татарам принесли
К другому горе-Запорожью.

Туча черная, густая
Белую закрыла.
30 Пановать над казаками
Орда порешила.
Хоть позволил хан селиться
Им на голом поле,
Только церковь запорожцам
Строить не позволил.
И поставили икону
В палатке высокой
И украдкою молились...

Край ты мой далекий!
40 Роскошно цветущий, прекрасный, богатый!
Кто только не мучил тебя? Если взять
Да вспомнить злодеяния любого магната,
То можно и пекло само испугать.
Последний приказчик большого вельможи
И Данта жестокостью б мог поразить.
И все, мол, все беды — от бога! О боже,
Зачем тебе нужно невинных губить?
Замучены дети Украины сердечной.
За что они гибнут, и в чем они грешны?
50 И ты ль осудил их оковы носить?

Пели кобзари про войны,
Битвы и пожары,
Про тяжкое лихолетье,
Про лютые кары,
Что терпели мы от ляхов —
Обо всем пропели.
А что было после шведов!..
Словно онемели
С перепугу горемыки,
60 Слепые умолкли.
Так Петровы воеводы
Рвали нас, что волки...
Издалека запорожцы
Ухом уловили,
Как в Глухове зазвонили,
Как пушки палили;

Как людей погнали строить
Город на трясине.
Как заплакала седая
70 Мать о милом сыне,
Как сыночки на Орели
Линию копали,
Как в холодном финском крае
В снегу погибали.
Услыхали запорожцы
В Крыму на чужбине,
Что и гетманщина гинет,
Неповинно гинет.
Услыхали горемыки,
80 Да только молчали,
Потому что рты им крепко
Мурзы завязали.
Убивались бедняги,
Плакали, и с ними
Заплакала мать божья
Слезами святыми.
Заплакала пресвятая,
Словно мать над сыном.
Бог увидел эти муки,
90 Пречистые муки!
Отдал он царя-злодея
Лютой смерти в руки.
Воротились запорожцы,
Принесли чудесный,
Чудотворный старый образ
Царицы небесной.
И в Иржавце ту икону
Поставили в храме.
И доньне она плачет
100 Там над казаками.

[1847
Орская крепость]
14 марта [1858
Москва]

N. N.

О думы мои! О слава злая!
Из-за тебя я напрасно страдаю,
Терзаюсь, мучаюсь... но все ж не каюсь!..
Люблю, как подругу, как дорогую,
Бедную Украину свою родную!
Что хочешь делай с темным со мною,
Не покидай лишь,— я за тобою
Готов хоть в пекло
.

Ты принимала

- ¹⁰ Нерона лютого, Сарданапала,
Ирода, Каина, Христа, Сократа.
О непотребная! Кесаря-ката
И грека доброго ты полюбила —
Всех одинаково... они платили.
А я, убогий, что принесу я?
Меня за что же ты поцелуешь?
За песню, что ли? Пели напрасно
Певцы получше, чем я, несчастный.
И лишь подумаю, грусть подступает:
- ²⁰ Буйные головы ведь с плеч слетают
Все из-за славы... Как псы грызутся,
Родные братья — не разойдутся!
А эта слава с ее дурманом —
В шинке блудница, а люди пьяны!

[1847
Орская крепость]

* * *

Когда мы были казаками,
Еще до унии,— тогда
Как весело текли года!
Поляков звали мы друзьями,
Гордились вольными степями;
В садах, как лилии, цвели
Дивчата, пели и любили,
Сынами матери гордились,
Сынами вольными... Росли,
10 Росли сыны и веселили
Печальной старости лета,
Покуда с именем Христа
Ксендзы, придя, не подпалили
Наш край, пока не потекли
Моря большие слез и крови...
Сирот же именем Христовым
Страданиям не обрekli...

Поникли головы казачьи.
Как будто смятая трава,
20 Украина плачет, стонет, плачет!
Летит на землю голова
За головой. Палач лютует,
А ксендз безумным языком
Кричит: *Te deum! Аллилуйя!*..

Вот так, поляк, и друг и брат мой!
Несытые ксендзы, магнаты

Нас разлучили, развели,—
Мы до сих пор бы рядом шли.
Дай казаку ты руку снова
30 И сердце чистое отдай!
И снова именем Христовым
Возобновим наш тихий рай.

[1847

Орская крепость]

14 марта [1858

Москва]

ЧЕРНЕЦ

На киевском на Подоле
Так бывало... и уж боле
Этого не будет. Было,
Было это все, да сплыло,
Позабылось... А я, братцы,
Буду все-таки стараться
С тем, что было, повидаться,
Буду грусти предаваться.

10 На киевском на Подоле
Казацкая наша воля,
Без холопа и без пана
Ни пред кем не клонит стана.
Стелет бархатом дороги,
Вытирает шелком ноги,
Сама собой управляет
И пути не уступает.

20 На киевском на Подоле
Казачки гуляют,
Словно воду ушатами
Вино разливают.
Погреба с вином, с медами
Откупили всюду
И устроили гулянье
Киевскому люду.
А музыка гремит, стонет,

Даже мертвых тронет.
Из окошек на веселье
Бурса чубы клонит.
Нету голой школе воли,
30 А то б удружила...
Кого же это с музыкою
Толпа окружила?

В штанах атласных яркочерных,
Мотню по пыли волоча,
Идет казак. Как вы ужасны,
Ох, годы! годы! Сгоряча
Старик ударил каблуками,
Да так, что пыль взвилась! Вот так!
Еще и подпевал казак:

40 «По дороге рак, рак,
Пускай будет так, так,
Если б нашим молодежицам
Сеять один мак, мак!
Бей землю каблуками,
Дай ходу каблукам,
Достанется и носкам.
Чтоб за теми каблуками
Пыль ходила облаками,
Бей землю каблуками!
50 Дай ходу каблукам,
Достанется и носкам!»

Так до Межигорского спаса
Шел впрысядку сивый,
А за ним и казачество
И весь честной Киев.
До ворот дошел, танцуя,
Крикнул: «Пугу! Пугу!
Принимайте, черноризцы,
Товарища с Луга!»
60 Монастырские ворота
Перед ним открылись,
Потом снова затворились,
Навек затворились.

Кто же этот поседелый
В битвах да в несчастьях?
Семен Палий, казак, вздумал
С волей попрощаться.

Ой, высоко солнце всходит,
Низенько заходит,
70 В длинной рясе седой чернец
По келии бродит.
Идет, бредет он в Вышгород
Ближнею дорогой,
Чтобы посмотреть на Киев,
Погрустить немного,
К Звонковой ¹ идет кринице,
Чтоб воды напиться,
Жизнь свою он вспоминает
В яру над криницей.
80 И опять идет он в келью,
Под немые своды,
Перебирать веселые
Молодые годы.
Священное писание
Громко он читает,
А мыслями чернец седой
Далеко летает.

И тихнут божии слова,
И голос Сечи снова зычен,
90 Свобода давняя жива;
И старый гетман, как сова,
Глядит в глаза. Монаха кличут
Музыка, танцы и Бердичев...
Оковы лязгают... Москва...
Леса, снега и Енисей...
И покатались из очей
На рясу слезы... Бей поклоны!
Плоть стариковскую смирай,
Писанье божие читай

¹ Звонковой называлась криница недалеко от [Межигорского] монастыря. (Прим. Шевченко.)

- 100 Под монастырские трезвоны,
А сердцу воли не давай.
Оно тебя в Сибирь водило,
Весь век тебя в обман вводило.
Сдави ж его, не вспоминай
Своей Борзны и Фастовщины.
Все смертны, и твоя кончина
Близка, тебя забудет свет...
И мыслям грустным он в ответ
Заплакал, книгу отодвинул.
- 110 Ходил по келии, ходил
И тяжело на скамью склонился:
«Зачем же я на свет родился,
Свою Украину любил?»

Уж колокол завыл бессонный,
Зовя к заутрене святой.
И встал чернец, слыша звоны,
Надел кlobук, взял посох свой...
И в храм побрел он — бить поклоны,
Молиться за свой край родной.

[1847
Орская крепость]
[1858 *Москва*]

* * *

А мы всё думаем, решаем:
«Зачем нас породила мать?
Для зла, добра? Не разгадать!
Зачем живем? Чего желаем?»
И, не дознавшись, умираем,
Чтоб дело жизни покидать.

Дела какие, боже милый,
Меня бы осудить могли?
О, лучше б дети не росли,
¹⁰ Тебя, святого, не гневили,
Что в злой неволе народились,
Твой стыд с тобою разделить.

[1847
Орская крепость]

* * *

Сам удивляюсь. Кто ответит,—
Что делать мне, с чего начать?
Людей и долю проклинать
Напрасно. Но как жить на свете
В цепях, в далекой стороне.
Вот если перегрызть бы мне
По силам было цепи эти,—
Грыз понемногу б... Так не те,
Не те их кузнецы ковали,
¹⁰ Не так железо закаляли,
Чтоб перегрызть их. Горе нам,
Невольникам и сиротам,
В степи бескрайной за Уралом!

[1847

Орская крепость]

* * *

Ой строчечку да к строчечке,
Работаю три ноченьки,
Работаю, вышиваю,—
В воскресенье погуляю.

Ой, клеточки на плахточке,
Любуйтесь-ка, дивчаточки,
Любуйтесь-ка, пареньки,
Запорожцы-казаки.

Ой, любуйтесь, ласкайтесь,
¹⁰ С другими же венчайтесь,—
Уж отданы рушники...
Вот так-то вот, казаки!

[1847
Орская крепость]

ПЛАТОК

Иль на то господня воля?
Иль такая ее доля?
Росла внаймах, век трудилась,
Сиротину полюбила.
Был бедняк, как голубь, с нею,
С бесталанною своею.
От зорюшки до зорюшки
Сидят себе у вдовушки,
Сидят себе рассуждают,
¹⁰ Пречистую поджидают.
Дождалися... Из Чигрина
По всей славной Украине
Колокола реветь стали,
Чтобы все коней седлали,
Чтобы сабельки точили
Да на свадьбу выходили,
На веселое гулянье,
На кровавое свиданье.

В воскресеньице да ранехонько
²⁰ Горны-трубы заиграли,
В поход, в дорогу славных компанейцев
До рассвета провожали.
Провожала вдова своего сына
На далекую чужбину.
Провожала сестра своего брата,
А сироту сиротина

Провожала: пить коню давала
До денницы из криницы,
Выносила сбрую, саблю золотую
30 И рушницу-гаковницу.
Провожала три мили, три поля,
Прощалася у раздолья.
Вышитый шелком платочек дарила,
Чтоб не позабыл, говорила:

— Ой, платок ты, платочек мой,
Узорами шитый!
Вся и слава казацкая —
В седельце покрытом.

Возвращалась, тосковала,
40 На дорогу взгляд бросала,
Наряжалась, прибиралась,
Каждый день все дожидалась.
В воскресенье раным-рано
Поджидала у кургана.

Год прошел, другой и третий —
И летят с чужбины
Преславные компанейцы,
Дети Украины.
Идет войско и другое,
50 А за третьим вскоре —
Не смотри, не жди, бедняга! —
Везут тебе горе:
Гроб казачий расписанный,
Китайкой покрытый,
А за гробом с старшиною
Идет знаменитый
Сам полковник в черной свитке,
Характерник с Сечи,
За ним идут есаулы.
60 Идут они, плачут,
Несут паны есаулы
Казацкую сбрую:
Литой панцырь порубанный,
Саблю золотую,

Три рушницы-гаковницы
И три самопала...
На оружие... казацкая
Кровь позасыхала.
Ведут коня вороного,
70 Разбиты копыта...
И седельце казацкое
Платочком покрыто.

[1847

Орская крепость]

Нижний-Новгород 1858 марта 8

А. О. КОЗАЧКОВСКОМУ

Бывало, в школе я когда-то,
Лишь зазевается дьячок,
Стяну тихонько пяточок.
Ходил я весь тогда в заплатках,
Таким был бедным — и куплю
Листок бумаги. И скреплю
Я ниткой книжечку. Крестами
И тонкой рамкою с цветами
Кругом страницы обведу,
¹⁰ Перепишу Сковороду
Или «Три царие со дары»
И от дороги в стороне,
Чтоб обо мне кто не судачил,
 Пою себе и плачу.
И довелось снова мне,
Под старость с виршами таиться,
Опять исписывать страницы,
И петь, и плакать в тишине,
И тяжело плакать. Я не знаю,
²⁰ За что меня господь карает?
Учеником я в муках рос,
Учеником сесть пришлось,
Учеником и закопают.
Все это из-за пяточка,
Украденного у дьячка.
Вот так господь меня карает.

Слушай же, мой голубь сизый,
Орел мой, казак мой!
Как страдаю я в неволе,
30 Как томлюсь на свете.
Слушай, брат, и накажи ты
Своим малым детям.
Накажи, чтоб с малолетства
Стихов не писали.
Если же кому придется,
Чтоб люди не знали,—
Пусть себе он в уголочке
И плачет и пишет,
Чтоб и бог его не видел,
40 Чтоб и ты не слышал,
Чтоб ему не привелось
Маяться, страдая,
Как страдаю я в неволе
Без конца, без края.

А в день воскресный я за валами,
Как вор, прокрадываюсь в поле.
Тала́ми выйду я вдоль Урала
В простор широкий, как на волю.
И разбитое, больное
50 Сердце встрепенется,
Словно рыбка над водою,
Тихо усмехнется.
И полетит голубкою
Над чужим раздольем,
И я словно оживаю
На поле, на воле.
И на гору высокую
Взойти тороплюся,
Вспоминаю Украину
60 И вспомнить страшуся.
И там степи, и тут степи,
Да тут не такие —
Рыжие, аж красные,
А там голубые,
Зеленые, расшитые

Нивами, полями,
Высокими курганами,
Темными лугами.

- А тут — талы, песок, репей...
70 Хоть где б нибудь курган-могила
О давнем прошлом говорила.
Здесь будто не было людей.
С начала мира и поныне
Таилась от людей пустыня,
Но все же добрались мы к ней.
Остроги возвели повсюду,
А значит, и могилы будут,
Теперь дела пойдут быстрее!
О край родной мой! Моя судьбина!
80 Когда я вырвусь на Украину?
Иль, может, о боже,
Тут я и сгину!
И почернеет рыжее поле...
«Айда в казармы! Айда в неволю!»
Как будто крикнет кто надо мною.
И вдруг очнусь я, и под горою
Крадуся воров я за валами
И возвращаюсь вновь вдоль Урала.

Вот так-то праздную в мученье
90 Я здесь святое воскресенье.

- А понедельник?.. Но покуда
Всю ночь в казарме душной будут
Тревожить думы. Разобьют
Надежду, сердце вместе с нею
И то, что вымолвить не смею...
И все на свете разметут.
Ночь остановят. И веками
Часы глухие потекут,
И я кровавыми слезами
100 Не раз подушку омочу.

Дни и года пересчитаю,
Кому добро я сотворил?
Кого я, где, когда любил?

Добра не делал, любви не знаю.
Как будто по лесу ходил!
Была когда-то воля, сила,
Долгами силу задавило,
А воля пьяной напилась,
У Николая очутилась...

- 110 И напиваться зареклась.
 Не поможет, милый боже,
 Не дождешься: «Кайся,—
 Так говорит пословица,—
 Да не зарекайся».

- Молю я бога, чтоб светало,
И, как свободы, солнца жду.
Сверчок замолкнет; зорю бьют.
Молю я бога, чтоб смеркалось,—
Ведь дурня старого ведут
120 Солдатским шагом поле мерить,—
 Чтоб знал он, как в свободу верить,—
 Чтоб знал, что дурня всюду бьют.

- Пора минула молодая,
Минуло счастье, но святая
Надежда силу придает.
А горе вновь меня терзает,
Покоя сердцу не дает.
А может, все ж увижу волю?
Слезами горе перемою?
130 Да из Днепра воды напьюсь,
К тебе, товарищ мой, вернусь
И обниму тебя, родного,
И в нашей старой хате снова
Мы время проведем. Боюсь!
Боюсь о том промолвить слово!
 Совершится ли все это,
 Иль с небес высоких
 Я взгляну на Украину,
 На тебя, мой сокол?
140 А иногда так бывает,
 Что слез вдруг не станет,

И просил бы я о смерти...
Так ты и Украина,
Днепр с крутыми берегами,
Надежда святая,
Господа просить о смерти
Мне не позволяют.

[1847

Орская крепость]

16 марта [1858 Москва]

СОЛДАТОВ КОЛОДЕЦ

Я. Кухаренко

«Зачем, ей-богу, жить на свете?..»
«Что ж, утопись...» — «А как же дети,
Жена?» — «Ну, то-то, не бреши,
А сядь-ка лучше, запиши
Одну бывальщину... Быть может,
Она кой-что понять поможет».

Пиши вот так: цвело
Село...

Да чтоб не шляться по чужбине,

¹⁰ Пиши: у нас, на Украине.

А в том селе вдова жила,

А у вдовицы дочь была

И сын семилеток.

Имеючи деток

При достатке, хвалишь бога...

А вдове убогой

Где молиться много?..

Ну, словом, так вдове досталось,—

Едва не пропала:

²⁰ Думала в черницы

Или утопиться,

Так жаль ей малых деток стало!

Известно, мать, что и сказать,
Быть может, снился ей и зять:
Уже Катруся подрастала...

Что ж, ей без пары вековать,
Напрасно молодость терять?..
Нет, девушка она не та!

В селенье том же, у хозяев
30 (Сироты, говорят,— лентяи.
Неверно!) вырос сирота
Прилежный. Хоть жилось не сладко,
Но так и сяк

Поднакопил батрак деньжат,
Одежду справил для порядка.
Да не отсель и не отголь —
С того сиротского достатка
Сад небольшой купил и хатку,
Сказал спасибо за хлеб-соль

40 И за науку добрым людям,
Да к вдовьей дочке напрямиком
Тотчас же и пустился.
Не то что барин,— не рядился
Со сватами, договорился
Без торга всякого с попом.
И обвенчался сиротина,—
Вот чудеса! — За три полтины!..

Глаза просохли у вдовы.

Вот так-то и живите вы,

50 И весело на свете будет,
И будет толк на свете жить,
Когда научишься любить.
Хоть и твердят тебе, быть может:
Люби себя, и бог поможет.
А как придется умирать?
Сдыхать над золотом? Нет, все же
Любовь — господня благодать.
Люби, мой друг, жену, ребяток,
Дели с убогими достаток,
60 Так легче будет добывать.

Повенчались горемыки,
Удивлялись люди:
Как безродный, бесталанный
Жить на свете будет?
Год прошел, другой проходит —
Снова удивлялись,
Что сиротские достатки
Быстро умножались.
И на поле, и в застолье,
70 И в дому обновы;
И сыночки, как цветочки,
Сами чернобровы,
Принаряжены гуляют,
Нищих зазывают
На обед, а богатеи
Их так посещают.
Посещали себялюбцы,
Сирот осуждали,
Что сироты таким добром
80 Нищих угощали.
«Если гниет, так продали б.
У них-то ведь дети!..
Ты послушай-ка, что часто
Делают на свете
Люди в зависти несытой!
Ходили, ходили
Да, жалея, темной ночью
Хату подпалили.
Немудрено, что злоба гложет
90 Панка, ученого вельможу,
Не диво и не жаль — ведь так?
Так нет же, серый наш серяк
Лютует тоже. Брат, несладко
Седым узнать людей повадку.
Горше смолоду поддаться
На гадючьи чары:
Очарует, околдует
Карими очами.
Фу ты, пропасть! Забыл дурень,
100 Что смерть за плечами.

Хата, дети — все сгорело;
Ни добра, ни сада.
А соседи — и богатый
И убогий — рады.
Богатеи вишь довольны,
Что богаче стали,
А убогие довольны,
Что с собой сравняли.
Собрались на пепелище,
110 Охали, рядили:
«Жалко, жалко! Кабы ведать,
Деньги бы копили,
Вот и было б так и этак.
Что ж, Максим, тужить-то?
(Сироту Максимом звали.)
Продавай пожиток,
Приходи рядиться внаймы,
Что будет, то будет,
Снова, брат, зачумакуем,
120 Пока выйдешь в люди,
А там вновь...» Сказал спасибо
Максим за советы:
«Погляжу, как дальше будет,
Подожду с ответом;
Не уладится, придется
Наниматься снова...
Посоветоваться б с Катрей
Моей чернобровой...
Что всегда мне помогала
130 И теперь рассудит!.. —
Но совет ее последний
Мне помехой будет».
Волы твои и коровы
Вскоре разом пали,
А солдаты Катерину
С собой в поход взяли.

«Теперь вот так напишешь: что же
Максим? Погоревал немного,
Подумал, помолился богу,

140 Промолвил дважды: — Боже, боже! —
Ни слова больше...

От царицы
Пришел указ — в солдаты брить»,
«Не дал вдовице утопиться,
Не дам же и с сумой ходить!» —
Сказал Максим, село покинул;
У той вдовы-то, видишь, сына
В солдаты община сдала.

Такие темные дела
150 Творят везде тишком и ладом,
А вас, ученых, бить бы надо,
Чтоб не кричали: «Ах, аллах!
На этом свете нет отрады!»
Что ж темный не начнет кричать?

Второй

Так что ж: живут они и знают,
Как вы сказали, — благодать,
Любовь...

Первый

Что? Что? Не понимаю...

Второй

Они, скажу вам, прозябают,
160 Или, по-вашему, растут,
Как бы капуста в огороде.

Первый

Ты так надумал? Чушь городишь!
Пускай они и не живут,
А я скажу: в ученой дури
Ваш брат им жизни не дает,
А только для себя живет,
Глаза на наше горе жмурит.

Второй

Ну, если будем так писать,
То и до вечера не кончим.
170 А где же бесталанный зять?

Вернулся вдовый сын обратно,
А зять в солдатчину идет.
Никто не пожалел, понятно,
Смеялся вслед ему народ.

Только точно я не знаю,
На селе бывала
Катерина у вдовицы
Или запропала.

Слышал: стриженую будто
180 В Умани водили:
Кого-нибудь обокрала.
Потом утопилась.
Все едино — знаешь, люди
Доведут, задушат,
А быть может, это правда,
Как на вербе груша.
Только знаю, что сложили
Песенку дивчата.
Слышал сам, на вечерницах

190 Распевали в хатах:
«Шум в дуброве шире, шире,
Шапки хлопцы обронили;
А батрак не обронил,—
Вдовью дочку полюбил...»

Да бог с ней — с песнею срамною
Шли годы тихой чередою,
И за грехи (напишешь так)
Карался господом поляк,
Пугач явился на Урале,
200 Пииты в одах восхваляли
Войну, царицу,— только мы
Сидели тихо, слава богу!

В село после большой зимы
Вернулся и Максим убогий.
В походе ногу потерял,
С крестом домой приковылял.

«Зачем он приплелся? Не ждет его хата,
Ни друга, ни брата — один меж людьми,
Зачем он тащился? Пойди вот пойми!

210 Слышал ты, что легче и смерть и утрата
Хоть на пепелище в родной стороне,
Чем в чужой — в палатах. Смекнул или нет?
Эх, дядя, не кончим писать до заката!
И вам на покой бы скорее, и мне».

Затужил солдат. Калеку
Некому приветить.
Вдовиченко в пикинерах,
Нет вдовы на свете.
Где ж он голову приклонит,
220 Где перезимует?
Уже осень. Скоро в поле
Вьюга забушует.
Нет ему на свете доли,
Потеряна в поле...
Попросился на зимовку
У дьячка при школе.
Ведь письму его, спасибо,
В полку научили.
В парике ходил — солдаты
230 Как один носили
Парики; была с кудрями
Коса привязная,
И мукою посыпали,
Для чего — бог знает!
А Максим, бывало, в церкви
Дьячку помогает,
И на клиросе подтянет,
И псалтырь читает
По покойным; приношенья
240 С школярами носит,
А в филипповки, бедняга,
Христа ради просит.
Ну ладно, знай себе, пиши,
Да добрым людям не бреши:
От калеки злого слова
Не слышали даже...
«Счастье людям и несчастье,
Все от бога», — скажет...

И не охнет, не заплачет
250 Тихий, нелюдимый.
И собаки не кусали
Солдата Максима.
В воскресенье или в праздник
Словно оживает,
Посмотреть на вдовью хату
Тихо ковыляет.
И сидит себе в садочке...
Блиzkих вспоминает,
На помин души вдовицы
260 Псалтырь почитает.
И о здравье Катерину
Шепотом помянет.
Утрет слезы: «Все от бога!» —
И веселым станет.
В пост петровский и успенский
Не задремлет в школе:
Берет заступ и лопату,
Ковыляет в поле.
У дороги, при долине,—
270 И не угадаешь,
Что калека замышляет,—
Колодец копает!
Да и выкопал. В то лето
Колодец святили,
На самого маковея,
И дуб посадили
На примету всем проезжим.
Во второе лето
В балке мертвого солдата
280 Увидали дети,
Возле самого колодца.
Бедняга-голога
Вышел глянуть напоследок
На свою работу.
Миром сирого в долине
В землю закопали
И солдатovým колодец
И лужок назвали.
Будет память... И на спаса,

290 И на маковья
До сих пор там святят воду,
И дуб зеленеет.
И никто не объезжает
Зеленого дуба,
Сядет в тени, отдыхает,
Да тихо, да любо,
Ключевой воды отведав,
Максима помянет...

Так вот, дети, жить учитесь —
300 И жизнь не увянет.

[1847
Орская крепость]

* * *

Привыкнет, говорят, собака за
телегой бежать, так побежит и за
санями.

Вот так и я теперь строчу:
Бумагу порчу да чернила...
А прежде! Врать вам не хочу,—
Лишь вспомню — так и накатило:
До слез, бывало, доходило.
И словно вдруг перелечу
На час хоть тайно на Украину,
Взгляну, увижу, умилюсь —
И словно чью-то жизнь продлю,—
¹⁰ Душе легко необычайно.
Добро б сказать, что не люблю,
Что Украину забываю,
Что недругов я проклинаяю
За все, что я теперь терплю;
Ей-богу, братья, все прощаю
И милосердному молюсь:
Не поминайте лихом, братцы!
Хоть я вам и не делал зла,
Но с вами жил,— и ведь могла
²⁰ Заноза где-нибудь остаться.

[1847
Орская крепость]

* * *

Давайте вновь стихи писать.
Тайком, конечно. Будем снова,
Пока новинка на основе,
Старинку божью лицевать,
Ну, то ёсть... как бы вам сказать,
Чтоб не соврать?.. Давайте снова
Людей и долю проклинать!

Людей корить, чтоб нас знали,
Знали-уважали.

¹⁰ Долю — чтобы не дремала,
Нас не забывала.

А то вон что натворила:
Бросила в дороге
Малое дитя — и бог с ним!

А оно убого,
А оно хоть седоусо,
Все ж — малый ребенок!
И пошло, вздохнув тихонько,
Вдоль чужих хатенок —

²⁰ За Урал! И очутилось
В пустыне, в неволе...
Как не клясть тебя, не хаять,
Лукавая доля?

Только я не проклинаяю;
Таясь за валами,
Буду снова, доля злая,
Дружить со стихами,

Тосковать и ждать с надеждой,
Что в гости в неволю
30 Из-за Днепра широкого
Придет счастье-доля!

[1848
Орская крепость]

* * *

Топор был за дверью у господ бога.

(А бог тогда с Петром ходил

И чудеса везде творил.)

Беды-кары строгой

Кайсак не предвидел,

Топор он похитил

У господ бога

И решил в дуброве

Дровец заготовить;

¹⁰ Наметил дерево — и тюк!

Как вырвется топор из рук —

И страх и горе: косовица

Тут началась, и валиться

Деревья разные пошли,

Дубы столетние легли,

Как травы под косой; а пламя

И дым закрыли облаками

Святое солнце от земли —

И стала тьма, и от Урала

²⁰ И до Тангиза, до Арала ¹

Кипела в берегах вода.

Пылают села, города,

Рыдают люди, звери воют,

Спешит укрыться все живое

В снега сибирские. Семь лет

¹ Аральское море. (Прим. Шевченко.)

Косьба господня бушевала,
Пожарище не угасало,
И мерк от дыма божий свет.

-
В воскресный день восьмого лета
30 Над степью в дольней дали этой
Святое солнышко взошло,
Все в белом, как дитя, одето.
Где город был или село —
Теперь их и в помине нету,
И пепел ветром разнесло,
Пустыня, как цыган, чернела;
Но, колыхаясь, зеленело
В пустыне дерево одно.
И краснеет средь пустыни
40 На обожженной красной глине
Колючий всяческий сорняк,
Да кое-где ковыль с осокой
Чернеют в рытвине глубокой,
Да дикий изредка кайсак
Проедет в гору на убогом,
Измученном верблюде тут.
И сразу чудеса пойдут:
Заговорит пустыня с богом,
Верблюд заплачет, а кайсак
50 Нахмурится и грустно взглянет
На степь и на Кара-бута¹.
Сингич-агач² кайсак помянет,
Тихонько спустится с горы
И сгинет в глиняной пустыне...

Лишь одинокое в долине,
В степи, при дороге,
Дерево стоит большое,
Позабыто богом,
И топором нетронуто
60 И божьим пожаром,

¹ Небольшая река. (Прим. Шевченко.)

² Одно дерево. (Прим. Шевченко.)

И шепчется с долиною
О времени старом.
И кайсаки почитают
Дерево святое,
Любоваться приезжают
Зеленою листвою
И молятся под деревом,
Его умоляя,
Чтобы поросли пустило
70 В их убогом крае.

[1848
Орская крепость]

ВАРНАК

Блуждая по чужой земле,
Я встретил деда над Елеком.
Он дряхлым был — тот наш земляк
И недомученный варнак.
Мы как-то в поле повстречались
Со стариком и заболтались
В то воскресение. Старик
Припоминал Волынь святую
И волю-долю молодую,
10 Свое минувшее. И мы
Сидели на траве, за валом,
Рассказывали о бывалом,
Делясь друг с другом: «Долог век,—
Старик промолвил,— все от бога!
Все! Ведь без господя немного
Содеет грешный человек!
Лишь одному тебе признаюсь:
Я даром загубил свой век.
Но я живу — не обижаюсь,
20 Ни от кого я не стараюсь
Чего-нибудь добиться. Так,
Мой сын и друг ты мой единый,
Так и умру в степях чужбины,
В неволе...» — И старик варнак
Заплакал, отвернувшись. «Братец!

Пока живет надежда в хате,
Пускай живет, не выгоняй.
Пусть холодный кров порою
Согреет в морозы,
30 Пусть из старых глаз прольются
Молодые слезы;
И, умытое слезами,
Сердце возродится,
И помчится, будто птица,
В край родной помчится!»

«Да, много уже не стало! —
Сказал старик. — Воды немало
Из Иквы [в море] утекло.
Над Иквой высилось село,
40 И в том селе лишь для страданий,
Лишь на погибель вырос я,—
Судьба проклятая моя!..
В селении у старой пани
Два сына славно жизнь вели
(В одних годах они со мною).
И пани старая в покои
Взяла меня к сынкам. Росли,
Росли панята, подрастали,
Как щенята. Искушали
50 Не одного меня они.
Настали и ученья дни
Для панычей. Я с панычами
Писать учуся — и слезами
Письмо лилось и кровью! Как
Нас, что дешевле их собаки,
Письму учить?!

Молиться богу
Да за плугом спотыкаться —
Вот твоя дорога,
60 Твой удел, бедняк-невольник,
И вся твоя доля.
Вот так я выучился, вырос,
Прошу себе воли —

Не пускает... Хоть в солдаты
Сдала б меня, что ли!
Не сдает. Что делать? Взаялся
Я пахать сначала.

А пани деток в гвардию
Поопределяла...

- 70 Пора тяжелая настала!
Настали тяжкие лета!
Ходил за плугом я немало.
Я был убогий сирота;
А у соседа подрастала
Батрачка-девушка. И я...
Судьба несчастная моя!
О господи! она, мой боже,
Была почти дитя. Негоже
Нам осуждать твои дела,
80 Судить святое провиденье!
Та девушка лишь на мученье
И на погибель мне росла.
Не удалось и наглядеться,
А думал я утешить сердце:
Жениться, жить и не тужить,
Людей и господу хвалить!
А вышло...

- Мы обнов купили,
Хмельного пива наварили,
90 Не довелось только пить.
Друг барынин, старик блудливый,
Украл обновы, розлил пиво,
Пустил покрыткой в божий свет
Ту девушку... Прошло, что было.
И вспоминать не надо. Нет!
Прошло и не вернется боле...
Забросил я и плуг и поле,
Забросил хату, огород,—
Нечистая, должно быть, сила
100 Стать писарем мне пособила.
То так, то сяк проходит год.

Пишу себе, с людьми братаюсь
Да верных хлопцев подбираю.
Прошел второй. И панычи
На третье лето посъезжались,
Уже засватаны. Мои
Панята свадьбы дожидались,
Но с картами не расставались
И девушек, как бугаи,
110 В своем сельце перебирали,—
Известно, панычи. И мы
Той свадьбы дожидаться стали.
На троицу и обвенчали
Торжественно и пышно их —
Двух панычей, поляков наших —
В домашнем их костеле. Краше
Венчания и молодых
Сам бог не видывал великий,
А мы и видеть не могли...
120 Раздались музыка и клики,
Панков с венчанья повели
В возобновленные покои.
А мы навстречу. Панычей
Зарезали и всех гостей.
Умылась свадьба не простою,
Господской кровью. И в этот час
Никто не смог уйти от нас.
Католики, как поросята,
В грязи валялись. Ну, а мы?
130 Управившись, пошли ребята
Искать убежища. Нашли
Лесную хату, что палаты...
Нам в темных рощах и лесах,
В степях широких и ярах
Крутых была повсюду хата!
Там веселились мы когда-то
И отдыхали тоже там.
Меня хозяином избрали,
И с каждым днем семья росла,
140 Уже до сотни вырастала.
А поросычья кровь текла!
Я резал все, что паном звали,

Без милосердия и зла,—
Я просто резал... Сам не знаю,
Чего хотел я в эти дни.
Ходил три года я с ножами,
Ходил, как во хмелю мясник.
К слезам, и крови, и пожарам —
Я ко всему давно привык.
150 Младенца насадив на пику,
Его я жарил на огне,
Шутил с паненкой белолицой:
Распнешь нагую на коне
И пустишь в степь.
Всего, всего тогда бывало,
И все постылым стало мне...
Изнемог я, тяжело стало
В вертепах томиться.
Думал сам себя зарезать,
160 Со светом проститься,
И зарезал бы, но диво
Тут со мной случилось.
Для меня — злодея — небо
Зарей озарилось.
С ножиком из лесу вышел
Я под Броварами,
Чтоб зарезаться. И вижу
Киев пред глазами.
Будто в воздухе повис он,
170 Святые сияют
Храмы, словно с самим богом
В беседу вступают.
Я смотрю — и цепенею.
Тихо зазвонили
В Киеве — как бы на небе...
О боже мой милый,
Сколь ты дивен. И я плакал,
До полудня плакал...
И легко мне сразу стало:
180 И малого знака
Прежней тоски не осталось,—
Как переродился...
Во все стороны я глянул

И перекрестился.
Пошел себе тихо в Киев —
Святым помолиться
Да суда просить людского,
Людям поклониться»¹.

[1848 *Орская крепость*]

[1858 *Петербург*]

¹ Так в рукописи 1858 г., в рукописи же 1848 г. эти строки читаются:

Не святым молиться,
А суда просить людского.

* * *

Ой, гляну да погляжу я
На степь и на поле:
Может, даст бог милосердный
Хоть под старость волю?
Пошел бы я на Украину,
К родимому дому,
То-то были б дома рады
Бедняге седому! —
Смог бы малость отдохнуть я,
¹⁰ Богу помолиться;
Там бы... да подумать страшно:
Этому не сбыться.
Как в неволе, без надежды
Жизнь прожить? Не знаю.
Друзья мои, научите,—
Голову теряю!

[1848
Орская крепость]

* * *

Не дай ты никому того же,
Что мне, старому, дал, боже,—
На чужбине, без свободы
Понапрасну тратить годы.

По лугам-степям пойду я,
Разгоню кручину злую.
Только вот беда какая —
Погулять-то не пускают.

[1848
Кос-Арал]

ЦАРИ

Сестрица бога Аполлона!
Когда б случайно вы хоть раз,
Старушка, навестили нас
И, как бывало во дни оны,
Возвысили б свой божий глас
До оды пышно-величавой,
Я тоже начал бы, пожалуй,
Особ высоких воспевать.
А то, уж если вам сказать
10 Чистосердечно, по-простому
Мне надоели мужики,
Покрытки все и барчуки,
Хотелось бы мне сбить оскому
На главах батюшек-царей,
На всех помазанниках божьих...
Да не решусь, а коль поможешь,
Покажешь мне, как тех гусей
Ощипывать, то я, быть может,
За чуб схвачу рукой своей
20 Святопомазанников этих.
Покиньте же святой Парнас,
Побудьте здесь, на грешном свете,
И старенький свой божий глас
Возвысьте, тетенька. И складно
И ладно, ну хотя бы раз,
Хоть на минуту напоказ

Всех венценосцев выставляя
И ничего не пропуская,
О них расскажем. В добрый час
30 Начнем, советчица родная!

I

Безлюдно и тихо в Иерусалиме.
Врата на запоре, как будто в дома
Давидова града, что богом хранимы,
Чума ворвалась. Но то не чума;
Еще пострашнее лихая година
Сошла на Израиль: царева война!
Собравши немощные силы,
Князья царевы, весь народ,
Закрывши в городе кивот,
40 На поле брани выходили,
На поле бились, сиротили
Своих покинутых детей.
А в городе молодые вдовы
В светлицах плачут, чернобровы,
От малых чад своих очей
Не отведут они. Пророка
И ненавистного царя,
Клянут Давида-главаря.
А он, уперши руки в боки,
50 По кровле царственных палат
В одеждах пурпурных гуляет,
Как кот на сало, взор бросает
На Гурия соседа сад.
Там под деревьями в прохладе,
В своем веселом вертограде,
Вирсавия купалася,
Как Ева средь рая,
Гурия жена, царева
Купалася тихо-мирно,
60 Раба молодая.
Грудь белую мыла,
Своего царя святого
Ловко окрутила.

На улице смерклось. И, тьмою объятый,
Тоскует и дремлет Иерусалим.
Давид, как безумный, царские палаты
Меряет шагами... Властитель проклятый
Себе говорит: «Я... Нет, мы повелим!

⁷⁰ Я царь над всем народом божьим!
И сам я бог моей земли!
Я — всё!..» Давиду позже
Рабы трапезу принесли,
Внесли сикер — питье хмельное,
И царь сказал, чтобы в покои
Рабы рабыню привели
К нему. И как бы ненароком
К святейшему царю-пророку
Сама Вирсавия пришла,

⁸⁰ Откушала, питья хмельного
С пророком выпила, пошла,
Чтоб после ужина такого
Прилечь с царем. А Гурий спал.
Ему, бедняге, и не снилось,
Что в тайне от него творилось,
Что из дому Давид украл
Не золото, не серебро,
А лучшее его добро —
Его Вирсавию украл.

⁹⁰ А чтоб о том он не проведал,
Давид-пророк убил соседа.
И после перед целым светом
Пролил слезу, обворожил
Псалмом седого Анафана...
И вновь веселый, снова пьяный
С своей рабыней закутил ¹.

¹ В рукописи 1848 г. следовали строки, в дальнейшем опущенные Шевченко:

Цари святые так живут!
Ну, а простые как? Кто знает...
Я вам советую не знать,
Ни у кого не узнавать.
Чтоб избежать беды, бывает!

- Давид, святой пророк и царь,
 Не слишком был благочестивый.
 Дочь у него была Фамарь
 100 И сын Амон. Что тут за диво?
 Бывает так и у святых,
 Да все ж не так, как у простых,
 А вот как. Сын Амон счастливый,
 Красивый первенец царя,
 Хворает, видно слег не зря.
 Давид и стонет, и рыдает,
 В печали ризу раздирает,
 И сыплет пепел на главу.
 «Я без тебя не проживу,
 Мой сын, возлюбленное чадо,
 110 Моя единая отрада!
 Умрешь,— я солнца не узрю,
 Я без тебя — умру! Умру!» —
 И царь спешит, рыдая, к сыну.
 Хоть ковыляет, а бежит,
 А сын его, как бык здоровый,
 Во храмине своей кедровой
 Лежит,— и трудно, а лежит.
 В душе смеется, а вздыхает,
 Отца, рыдая, умоляет,
 120 Чтобы сестра Фамарь пришла.
 «Молю отца и государя!
 Вели сестре моей Фамари,
 Чтоб мне лепешек испекла,
 Да чтоб сама и принесла,
 А я, вкусивши их, восстану
 С одра недуга». Утром рано
 Фамарь спекла и принесла
 Опреснок брату. Он за руку
 Ее хватает, и ведет,
 130 И в темной храмине кладет
 Сестру на ложе. В горе руки
 Она ломает, из груди
 Крик вырвался: «О, пощади,
 Амон, о брат мой, брат лукавый!»

Мой брат единственный! Я! Я!
Сестра родимая твоя!
Где от дурной я скроюсь славы
И от стыда? Такого брата
И бог и люди проклянут!..»
140 Не помогло ничуть,— куда там!
Так припеваючи живут
Царевичи на свете.
Запоминайте, дети.

III

И дожил царь Давид на свете
До многолетия.
Одрях совсем; и покрывали
И грели ризами его,
Но ими все ж не согревали
Рабы владыку своего.
150 Но отроки не оплошали
(Они натуру волчью знали),
Чтоб греть его, девиц нашли,
Царевен лучше красотою,
И к старику их привели —
Да греют кровью молодою
Они царя. И разошлись,
Замкнувши двери за собою.

Облизнувшись, кот старый
Слюни распускает
160 И к одной сунамитянке
Лапы простирает.
А она себе на горе
Лучшая меж ними,
Меж подругами, как будто
Лилия в долине
Меж цветами. Так вот она
Собой согревала
Царя-старца, а девицы
Меж собой играли

170 Голенькие. Как там она
Грела, я не знаю,
Знаю только, что царь грелся
И... и не позна ю.

IV

Перед дворцом своим гуляет
Веселый старый Рогволод.
Дружина, отроки, народ
Во злате вокруг него сияют.
У князя праздник: ожидает
Литвина — князя-жениха,
180 Что сватается за Рогнеду.

Перед богами Лель и Ладо
Огонь Рогнеда развела,
Драгим елеем полила
И сыпала на пламя ладан.
Вокруг, валькириям подобно,
Танцуют, тешатся подруги.
И поют себе:

«Гой, гоя, гоя!
Новые покои
190 Мы украсить рады
Гостям на усладу».

Встает густая туча пыли
За Полоцком. И стар и млад
Навстречу князю поспешили,
Бояре с челядью спешат.
Сама Рогнеда с Рогволодом
Пошла с подругами, с народом.
Не литовский князь ожидаемый,
Сердцем избранный, хоть неведомый,
200 А из Киева туром-буйволом
Идет веприщем за Рогнедою
Володимир князь с киевлянами.
Пришли, и город обступили
Кругом, и город подпалили.
Владимир князь перед народом

Убил седого Рогволода.
Поя народ, княжну поя,
Отыде в волости своя,
Отыде с шумом. И растли ю,
210 Рогнеду эту молодую,
И прогони ю, и княжна
Блуждает по миру одна...
Кто ей поможет... Вот какие
Те венценосные, святые
Князья-цари!

V

Чтоб палачи их покарали,—
Царей — проклятых палачей!
Возни с царями, чтоб вы знали,
Как дурень ходишь вокруг царей,
220 Как подступиться к ним — не знаешь...
И все никак не угадаешь,
Что делать с поганью? Скажи,
Сестрица бога Аполлона,
Открой, голубка, укажи,
Как пресмыкаться перед тронем
Тебе, коль денег припасу,
Монисто к пасхе поднесу.
Запишемся с тобой в лакеи,
Наденем новые ливреи,
230 Да и начнем царей любить.
Карандаши мне жаль тупить.
Где воли нет для человека,
Не будет там добра вовеки.
Зачем себя в обман вводить?
Пойдем в селения — там люди,
А там, где люди — славно будет,
Там будем жить, людей любить,
Святого господа хвалить.

.

[1848 Кос-Арал]
[1858 Петербург(?)]

* * *

Когда есть дом родной, а дома
Сестра родная или мать —
Какая это благодать!
Она мне, правда, незнакома,
Ее не знал я никогда,
И кое-как прошли года.

.
Но довелось однажды мне
В чужой далекой стороне
¹⁰ Заплакать, что судьба сурова,
Что ни хозяйки нет, ни крова!

.
Мы долго в море пропадали.
Пришли в Дарью, на якорь стали.
С Ватаги письма принесли,
И все тихонько их читали,
А мы с коллегою легли,
Беседовали, вслух мечтали.
Я думал: где б ту благодать
²⁰ Письмо иль мать добыть на свете?
«А ты один?» — «Жена, и дети,
И хата, и сестра, и мать!
А писем нет...»

[1848
Кос-Арал]

ДОЧЬ КТИТОРА

I

То было в давние года,
Когда по деревням ходили
Борцы, дивчат с ума сводили,
Мир изводили, хлопцев били
И верховодили всегда,—
Точь-в-точь гусары на постое;
В правленье гетманов святое
То было — в давние года.

Праздник выдался в селе,
¹⁰ И в аренде на столе
Слепые лирники играли,
А за танец брали грош.
Там пыли облака вставали,
Дивчата танцевали
И хлопцы... «Всё одно и то ж,
Другой начнем!» — «Хорош и этот!»
И снова лиры залились,
Трещат дивчата-щеголихи,
А хлопцы, подбоченясь лихо,
²⁰ Вприсядку понеслись...
· · · · ·
Стоит красавец в серой свите,—
Ну, право, равных нет Никите!
Красавец-малый, да байстрюк,
Байстрюк, да и бедняк при этом,

И позабыт он целым светом.
Стоит в ряду, как тот... ¹
А плечи — потолку подпора.
Он оторвать не в силах взора
От дочки ктитора... Она,
В цветы и ленты убрана,
30 Стоит картиною чудесной,
Как будто на него глядит...
Никите в свите стало тесно,
Горит Никита наш, горит.
 Грошик вынимает,
 И на медный, на последний
 Слепцов нанимает,
 Он богачку, он гордячку
 Плясать приглашает!
 «Прочь отсюда, прочь, приبلуда!»
40 И захохотала
 Дочка ктитора: «Батрачек
 Для тебя не стало!»
 Осрамила да при людях
 Гордячка Никиту,
 Осрамила, оттого что
 Хлопец носит свиту!
 Дочка ктитора, ты будешь
 Наказана строго
 За насмешку!..
50 Где ж Никита?

 Далекой дорогой
 Он ушел. С тех пор не знали,
 Что с хлопцем случилось...
 Только ктиторова дочка
 Покоя лишилась!
Домой рыдаючи пошла
И спать рыдаючи легла,
Есть не хотела... Сна не знала,
Какой легла, такой и встала,
60 Как в одури! Что делать ей?
Понять не может! А Никита,

¹ Неоконченная строка в оригинале.

Сычу подобно, в серой свите,
Стоит все время перед ней.
Вот наваждение! Оказалось,
Что над неровней ты смеялась
В недобрый час. И стало жаль
Тебе его... Тоска, печаль
И стыд — всё душу обступило.
Ты зарыдала. Отчего?

⁷⁰ Да оттого, что полюбила
Никиту бедного того!

Диво дивное на свете
С тем сердцем творится.
Кажется, вчера чуралось,
Сегодня — томится,
Так томится, — на край света,
Только прикажите, —
А пошла бы!.. Вот на дочку
Ктитора взгляните:

⁸⁰ Свет не мил ей. Пусть бы в воду
Но только к Никите...

.
Берегитесь над неровней,
Дивчата, смеяться,
Чтоб и вам, как той горячке,
С бедой не спознаться!

Она былинкой сохла, вяла,
Отца и мать перепугала, —
На богомолье повезли,
⁹⁰ Святые травы ей давали
И все-таки не помогли!
Взбиралась на курган в печали,
Дорожку протоптав к могиле,
Глядела вдаль, ждала, ждала...
Травой дорожка поросла,
Слегла красавица в бессилье...
Вот что насмешки натворили!
Он же канул, провалился;
Может, где и бродит, —
Нету вести. Год за годом,
Три года проходит.

- 100 На четвертый год настали
 Те же праздники в селе.
 И в аренде на столе
 Те же лирники играли;
 По грошику брали
 И так же играли,
 Как в позапрошлом. И дивчата
 Все так же дробно танцевали,
 Как в позапрошлом...
 Вдруг в богатом
- 110 Жупане, в синей шапке, в красных,
 Как ягода, штанах атласных,
 Вприсядку залетел казак,
 Да припевал еще вот так:
 «Да спасибо батюшке,
 Да спасибо матушке,
 Что добыли нас.
 А как добывали,
 Жито рассыпали
 В ночи на печи!»
- 120 «Эй, водки! меду! ставь стаканы!
 Мне надо видеть атамана!
 Эй, погань,— как пристало людям,—
 Мы драться иль бороться будем?
 Борец пред вами!..»
 Вот не ждали!
 И много дней без перерыва,
 Как злой болячке, как нарыву
 Всем миром угождали
 Борцу. Ну, и разборчив был он,—
- 130 Что твой паныч! Откуда зло
 Взялось такое? Все село
 Проклятого б не накормило!
 А он поет, гуляет, пьет
 Да хлопцам жару задает
 Перед дивчатами. Дивчата
 По гостю высохли совсем:
 Такой хороший и богатый!
 Уже не борется ни с кем,

А так себе гуляет
140 Да часто ктитора садочек
Ночами посещает.

А дочь в садочке поджидает,
Припеваает, прибавляет:

«То не ты ли, Никита,
Не твоя ль это свита?»

Тот он, тот, кого при всех
Подымала ты на смех!

А теперь сама в садочке
Его поджидает.

150 Байстрюку сама, как пану,
Теперь угождаешь!
И не день, не два, как пану,
Ему угождала,
И не день, не два Никиту
В саду поджидала!
Дождалась ты, поджидая:
Набежало горе,—
Не очнешься!

Дни проходят,

160 Месяц минул вскоре,
Лето, а за летом осень,
Месяцев проходит восемь,
Пришел девятый за восьмым,
Пришел он с горюшком твоим!

.

Там, у ктитора в садочке,
Там, где верба гнется,
Есть колодец... Не напиться
Воды из колодца,
Нет,— бедняжка ищет места,

170 Где бы порыдать ей
Хоть немного да подумать:
Как же девовать ей?
Как ей спрятаться от срама
И куда бежать ей?

.

Зимним вечером однажды
Вышла в свитке тонкой

Дочка ктитора босая
И несла ребенка;
То приблизится к колодцу,
180 То вновь отступает...
А в калине, как гáдина,
Байстрюк поджидает!
И бедняжка на колоду
Положила сына —
И скорей бежать... Никита
Вылез из калины,
Как щенка, дитя родное
В колодец он кинул!
А сам пошел он к сотскому,
190 Распевая звонко,
Сказать, чтоб шел отыскивать
Всем миром ребенка!

Только солнышко взошло,
Собиралось все село,
Ведро в воду опускали
И ребеночка искали.
Воду ведрами тащили, —
Отыскали в темном иле!
200 Горемышную забрали
И в оковы заковали,
Прегрешенья отпустили,
Мать, отца стыдом стыдили,
И всем миром осудили,
А потом ее, живую,
Вместе с сыном закопали
В землю темную, сырую!
Столб высокий возводили,
Чтобы все о ней узнали,
210 Детям правду рассказали,
Как подобных грешниц мучат;
Молодых дивчат учили,
Если мать с отцом не учат.

Борца в селе не стало больше.
А люди повстречались в Польше
С каким-то панычем. Спросил:
«Что с дочкой ктиторовой случилось,
Что над неровней насмехалась?»
Так это он! Господь казнил
Его за грех: наказан был
Не смертью, нет! Он будет жить
220 И сатанюю-человеком
По свету будет он ходить
И вас, дивчат, с ума сводить
Вовеки.

[1848
Кос-Арал]

* * *

Ну что, казалось бы, слова?
Слова и голос — что такое!..
Но вот заслышишь их едва —
И сердце бьется. Может, слово
И голос тот от божества
Явились в мир!..

На борт склоняясь,
Не то чтоб грусти предаваясь,
А так на палубе стоял,
¹⁰ Стоял я, на море взирал,
Как на Иуду. Из тумана
Тут стала, видите ль, всплывать
Румяноликая Диана...
Я было собирался спать,
Да вот остался: круглолицей
Залюбовался женщицей,
То бишь девицею... Матрос,
Земляк из Островной ¹, тоскуя
В ту ночь глухую —
²⁰ Он, подневольный, вахту нес,—
Вдруг начал петь и пел покуда
Негромко: не было бы худа
(Строг капитан, хоть и земляк).
И пел матрос, как тот казак,
Что вырос внаймах сиротою,
Солдатом горемычным стал!..

¹ Оренбургской губернии. (Прим. Шевченко.)

Когда-то я слышал,
Как под ракитою дивчина
Ту песню старую несмело
30 Про казака-беднягу пела;
И я, малыш, его жалел,
Что он умирался,
К тыну прислонился,—
Люди смотрят, говорят:
«Может быть, напился!»
Я, мальчик, плакал над судьбою,
Над злою долей сироты.

.
О чем теперь-то плачешь ты?
О чем грустишь, старик? Седого
Какие думы тяготят?
40 Что счастье от тебя сокрыто?
Что ты и сам теперь солдат?
Что сердце вдребезги разбито?
Что разлилось без следа
Все доброе, что в сердце было?
Что вот и старость наступила?..
Не так ли, голубок мой?..— Да...

[1848
Кос-Арал]

* * *

Как за подушным, правый боже.
Ко мне на дальней стороне
Пришли тоска и осень. Что же
Придумать, что же сделать мне,
Что мне затеять? По Аралу
Уж я брожу, тайком пишу
И, стихотворствуя, грешу,
И все, что некогда бывало,
Припоминаю вновь, сначала,
10 Записываю вновь подряд,
Гоню тоску, чтоб как солдат
Не лезла в душу... Стражник лютей
Не отстает ни на минуту.

[1848
Кос-Арал]

П. С.

Я не досажаю на злого,
Его и так молва клеймит,
А речь про доброго такого,
Что и молву перехитрит.

Мне тошно и сейчас припомнить
Готический с часами дом,
Село убогое кругом;
Завидя флаг, мужик снимает
Скорей шапчонку: значит, пан
¹⁰ С своею челядью гуляет.
Такой откормленный кабан —
Распутный знатный этот пан!
Он гетмана-глупца потомок,
Завзятый, ярый патриот,
Христианин чуть не с пеленок:
Он в Киев ездит каждый год,
Он в свитке ходит меж панами,
В шинке пьет водку с мужиками
И вольнодумствует порой.
²⁰ Вот тут он весь перед тобой!
Да на селе своем дивчаток
Перебирает, да спроста
Пригульной ребятни с десятков
Окрестит за год... Срамота!
Он подлецом и был и будет.
Зачем же он иным слывет?

Зачем никто не наплюет
Ему в глаза?.. О люди, люди!
Готовы вы родную мать
30 За колбасы кусок продать.
Нет, не на доброго такого,
На пьяного Петра хромого,—
Моя досада на людей,
На тех юродивых детей!..

[1848
Кос-Арал]

Г. 3.

Нет горше доли, чем в неволе
Про волю вспоминать. А я
Все помню, волюшка, тебя,
Все о тебе тоскую. Воля,
Ты никогда не мнилась мне
Такою свежей-молодою
И привлекательной такою,
Как нынче — в дальней стороне,
К тому ж в неволе. Доля! Доля!
¹⁰ Пропетая ты моя воля!
Хоть погляди из-за Днепра,
Хоть улыбнись из-за... ¹

И ты, моя единая,
За далью морскою
Встаешь за мглой туманною
Розовой зарею!
И ты, моя единая,
Ведешь за собою
Годы мои молодые,
²⁰ И предо мною
Расстилаются, как море,
Широкие села,
А в них сады вишневые
И народ веселый.
И те люди, то селенье,

¹ В оригинале строка не окончена. Возможно ли мана.

Где меня, лаская,
Братом звали. Мать, родная,
Старая, седая!
Собираются ль доселе
30 Веселые гости
Погулять у тебя дома,
Как бывало, просто,
По-давнему, по-былому,
Сойдясь спозаранку?
А вы, мои молодые
Милые смуглянки,
Веселые подруженьки,
У старой, как прежде,
Танцуете? А ты, радость!
40 Ты, моя надежда?
Ты, мой праздник чернобровый,
И теперь меж ними
Ходишь плавно и своими
Очами, такими,
Ну, дочерна голубыми,
И теперь чаруешь
Души все? Небось доселе
Любуются все
Станом гибким? Ты, мой праздник!
50 Праздник мой пригожий!
Как обступит тебя, радость,
Гурьба молодежи,—
Все, как пташки, защебечут,—
Таков их обычай,—
Может, кто-нибудь случайно,
С шуткою девичьей
И меня припомнит. Может,
Помянет и лихом.
Улыбнись ты, мое сердце,
60 Тихонечко-тихо,
Чтоб никто и не заметил...
И не думай много,
А я, доленька, в неволе
Помолюся богу.

* * *

Когда бы встретились мы снова,
Ты испугалась бы иль нет?
Какое тихое ты слово
Тогда промолвила бы мне?
Нет. Ты меня и не узнала б,
А, может, вспомнив, и сказала б,
Что все приснилось лишь во сне!
А я бы радовался снова
Подруге, доле чернобровой!
¹⁰ Когда бы вспомнил и узнал
Веселое и молодое
Былое, горькое такое,
Я зарыдал бы, зарыдал,
Благодарил, что не правдивым,
А сном лукавым разошлось!
Водой-слезами разлилось
Далекое святое диво!

[1848
Кос-Арал]

МАРИНА

Как гвоздь в груди кровоточащей
Марину эту я ношу.
И написал бы о пропащей,
Так что ж? Сказали б, что грешу,
Что это я по злобе вящей
Такое про господ пишу,
Про то, как душу баре тешат...
Сказали бы, что дурень брешет,—
Ведь сам он крепостной,
10 Необразованный, простой.
Но, видит бог, мужик не брешет;
Стыдиться ль мне, что я не пан?
Но стыдно мне, стыд сердце гложет
За просвещенных христиан.

.
Зверь сотворить того не может,
Что вы, кладя поклоны,
Творите с братьями... Законы
Писали палачи за вас...
А вам-то что... Вы в добрый час
Спешите в Киев, чтоб получше
20 Грех замолить на всякий случай
У схимника!..

И то сказать,—
Что плакаться буду!
Ведь уже мне не увидеть
Ни добра, ни худа,
А кому, скажу, не видеть,
Все тому едино...

Так спеши ко мне скорее
30 С милой Украины,
Моя дума пречистая,—
Прилети, поведай,
Верная моя подруга,
О Марине этой:
Что у пана злого с нею,
С беднягою, случилось,
Да шепотом, чтоб чужие
Люди не дознались.
А то скажут, что мы грабить
40 На дорогах стали...
И сошлют еще подальше,
Поминай как звали...

.
.

. На днях в краю одном
Справляли свадьбу всем селом,
А из костела ехал
Приказчик, пан — кто разберет!
Сменялся пляской хоровод,
За гиком да за смехом
Никто не видел, как проехал
50 Тот управитель остроглазый.
А он, проклятый, сразу
Приметил молодую!
Что ж не придавит небосвод
Дрянную тварь такую,
Как этот лях? Второй лишь год,
Как он с немецкими плугами
Худым приехал из худых
Сюда, а девушек простых
Пустил по свету с байстрюками
60 Немало, хоть женат... К тому же
Имеет миленьких таких
Двух деток — вылитых
Двух ангелочков. Встретить мужа
Выходит пани молодая,
За ручки деточек ведет.
А пан из брички вылезает,
Слугу за новобрачным шлет,

Потом детей своих ласкает,
Жену, голубку молодую,
70 Три раза бедную целует.
Беседуя, домой пошли.
Злодей не ожидает кары.
Вот молодого привели
 (Из-под венца — в гусары),
Наутро в город отвезли,
В солдаты сдали — в москали!
Вот так, недолго размышляя,
 У нас порой кончают!
А молодая? Что ж без пары
80 Растратить ей судил господь
Красу и молодость? Как чары,
Распалось все и растеклось...
Так что же, вновь ей довелось
Батрачить? Нет, не довелось!
При пане место ей нашлось.
Уж не Мариною зовут
Ее — Марысей — не иначе...
Всплакнуть сердечной не дают,
Она ж забьется в угол, плачет,
90 Чудная! Жжет ее печаль,
Ей мужика простого жаль.
А оглянулась бы, взгляделась —
И рая бы не захотела:
Чего угодно пожелай,
Всего дадут, да и помногу.
«Не надо,— скажешь,— мне, убогой,
И в хате рай...» И не мечтай,
Самой смекнуть об этом можно...
Смотри, как ходит жеребцом
100 Вокруг тебя сам пан вельможный:
Как хочешь — худом иль добром —
А будешь панскою роднею,
Хоть в петлю полезай!.. С мольбою
 В панские палаты
 К пану мать ходила.
 Бить велел проклятый,
 Гнать старуху силой...
 Что тут делать было?

- Рыдаючи в село пошла.
110 Одна лишь доченька была —
И та погибла...
.
Как ворон в поднебесье кричет,
Суля дожди и неудачи,
Так я про слезы да печаль
О тех — без племени, без роду —
Пишу, хотя кому их жаль?
И слезы лью без счету.
Мне жаль несчастных! Боже милый,
Дай словесам святую силу —
120 Людское сердце пробивать,
Людские слезы источать,
Чтоб милость душу осенила,
Чтоб тихая легла печаль
На их глаза, чтоб стало жаль
Моих дивчаток, чтоб учились
Путями добрыми ходить,
Святого господа любить
И брата миловать...
Насилу
130 Домой старуха дотащилась:
Цветы — за образом святым,
И на окне стоят цветы,
На стенах красками кресты,
Как будто добрая картина,
Понамалеваны... Марина!
Марина это, все она.
И нет Марины, мать — одна!
И поплелась она из хаты,
Чтоб вновь на барский дом проклятый
140 С пригорка глянуть; подошла
К хоромам, подле тына села
И всю-то ноченьку сидела
И плакала! Вот из села
Отару пастухи погнали,
А мать сидела и рыдала;
Уже и солнышко взошло,
Зашло, и сумерки сгустились —
Все не идет она в село,

Сидит под тыном... Гнали, били,
150 Собаками ее травили,
Сидит — и все тут...

А Марина в платье белом
Невестой Христовой
Плачет под замком, возносит
К всеблагому слово.
Никому войти в светлицу
Пан не позволяет,
Сам ей пить и есть приносит.
Просит, умоляет,
160 Чтобы на него взглянула,
Чтоб утерла очи...
И взглянуть она не хочет,
Пить и есть не хочет.
Приступиться к ней не может,
Бесится проклятый.
А Марина вянет, сохнет
В палатах богатых.
Уже лето миновало,
Зима наступила,
170 А Марина сидит себе,
Все слова забыла
И уже не плачет даже...
Вот так втихомолку
Пан допек ее, а все же
Не добился толку.
Хоть зарежь ее — упряма,
Горда не по чину...

Поздно вечером зимою
Глядела Марина,
180 Как за черным лесом в небе
Красною бадьею
Луна всходит... «И я тоже
Была молодою»,—
Прошептала, задумалась,
А потом запела:
«Хата — что палаты.
Гости пришли в хату,

Расплетали косы,
Ленты вынимали,
190 А пан просит сала,
А черт хлеба просит.
А гуси, гусята
В теплый край куда-то
За море стремятся!..»

.
Собаки лают, злятся,
Гогочут на дворе псари,
А пан побагровел, горит
От ярости, идет к Марине,
Как Кирик пьяный...

200 А у тына,
Не чуя стужи, мать Марины
Как в хате знай себе сидит.
Совсем старуха одурела,
Мороз от ярости трещит,
Луна из красной стала белой,
С опаской сторож в било бьет —
Не потревожить бы господ...
Ан глядь, хоромы запылали.
Пожар! Пожар! Повеырастали
210 Тут люди — как из-под земли.
А может, здесь они росли,
Как будто волны, прибывали
И не напрасно удивлялись! —
Ведь было видно людям тем:
Марина, голая совсем,
Со старой матерью плясала
Перед хоромами и — страх! —
Запела вдруг, держа в руках
Нож окровавленный... . . .

220 «То не ты ли, кумася,
Так разубралася!..
Как была я пани,
Ходила в жупане,
Паны увивались,
Руку целовали!»

(Матери.)

- «А вы с того, должно быть, света
Марину обвенчать пришли?
Уже мне косу расплели,
Да пан приехал... Гуси это!
230 Совсем не гуси, а паны
Летят в края, где стужи нету,—
Их в пекле ждут у сатаны.
Гей, тега-тега! Слышишь? Слышишь?
Все церкви в Кieve звонят.
Смотри, а там огонь горит,
А пан лежит себе, читает
И просит пить... А ты не знаешь,
Ведь я зарезала его?..
А он, хоть обгорел, хохочет...
240 Смотри,— вон, на трубе?.. Чего,
Чего глядит, как будто хочет
Сожрать тебя! Мать, берегись!
Нà выкуси, нà подавись!»

(Показывает фигу и поет.)

- «Я москалика люблю,—
Даже сердце веселю!
Москали, москали
Юбок нам навезли,
Барчуки —
Денежки,
250 А сыночки поповы —
Ожерелья, обновы!..
В колокол бей!
Тучи развей,
Неси яром
К злым татарам,
А солнышко — к христианам!
В колокол бей!»

М а т ь

Мариночка, пора домой!

М а р и н а

- Пора домой, ведь завтра рано
260 Мне надо в церковь; глянь, поганый

Вновь лезет, тянется за мной,
На... выкуси!..

М а т ь

Пора домой.

(К людям.)

Ой, люди добрые, спасите!

М а р и н а

Берите же меня, вяжите,
Скорее в дом ведите к пану!
А ты не хочешь разве глянуть,
Какою панною Марина
В палатах под замком сидит?
270 Как гибнет, гибнет неповинно,
Как вянет, сохнет беспричинно
Твоя Мариночка...

(Поет.)

«Ой, тега-тега, серые гуси,
Тева, на Дунай!
Повязала головоньку,—
Теперь думай да гадай».
И пташкам воля в чистом поле,
И пташкам весело летать,
А я завяла в злой неволе.

(Плачет.)

280 Мне ожерелье бы достать,
Да и повеситься... Иначе
Теперь беда.. хоть утопись!
Чего же ты, голубка, плачешь?
Не плачь, родимая, взглядишь,
Здесь я, Мариночка твоя!
Взгляни-ка: черная змея
Ползет по снегу... Захочу,
На юг как пташка полечу,
Ведь я уже кукушкой стала...
290 А на побывке он и не был?
Убили, может, на войне?

А знаешь, что приснилось мне? —
Что в небе днем луна сияет,
А мы над морем с ним гуляем.
И вдруг гляжу — не понимаю:
Все звезды покатались в воду,
Лишь одинешенька-одна
Осталась на небе, а я-то,
Как бы рассудка лишена,
300 Бреду, ищу в Дунае броду,
В лохмотьях с байстрюком бреду:
Смеются люди надо мною,
Зовут покрыткой и чудною...
И ты смеешься, а я плачу,
Да нет, не плачу, хохочу...
Взгляни: сейчас я полечу,
Ведь я сова...— И замахала,
Как будто крыльями, руками
И тотчас убежала прочь,
310 Завыв, как волк в глухую ночь.
Заковыляла мать за нею,
За дочкой бедною своею.
Все баре смерть в огне нашли,
Изжарились, как поросята.
Сгорели белые палаты,
А люди тихо разошлись.
Марины с матерью не стало.
Уже весной, когда пахали,
Два трупа на поле нашли
320 И на кургане закопали.

[1848
Кос-Арал]

ПРОРОК

Как будто праведных детей,
Господь, любя своих людей,
Послал на землю им пророка —
Свою любовь благовещать!
Святую правду возвещать!
И как Днепра поток широкий,
Слова его лились, текли
И в сердце падали глубоко,
И души хладные зажгли
10 Огнем незримым. Полюбили
Пророка люди и ходили
За ним, и слезы их лились,
Но люди злобны и лукавы!
Они святую божью славу
Растлили... и чужим богам
Воздали жертву! Осквернились!
И мужа свята... Горе вам!
На стогнах камнями побили.
И праведно господь великий,
20 Как на зверей свирепых, диких,
Оковы повелел ковать,
И тюрьмы темные копать,
И — род лукавый и жестокий! —
Взамен смиренного пророка...
Он повелел царя вам дать!

[1848

Кос-Арал]

1859 года, декабря 18

[Петербург]

* * *

На рожь несжатую в ночи
По придорожным пожням
Слетались осторожно

Сычи

И пошутить
И рассудить,

Как бедных пташек отстоять,
Гнездо орла огню предать,

С землей сровнять,

¹⁰ Орла ж повесить на осине
И навсегда отныне

Республику создать!

И всё бы, кажется? Ан нет!

Чтобы пресечь потравы вред

(И было бы не диво,

Когда бы кто иной), на ниве

Силки поставил, а то, вишь:

Мужик голешенький-голыш

Поставил тихо и пошел

²⁰ Под стог вздремнуть. И, рано

Продрав глаза, зашел

Гостей проведать. А в капканы

Набились сплошь одни сычи!

Изволь — вари, пеки в печи!
Чтобы домой улова
Не приносить, одних убил,
Других на смех воронам сбыл,
Все рассудив толково,
И никому ни слова.

[1848
Кос-Арал]

* * *

Меж скалами, подобно вору,
Во мраке над Днестром идет
Казак. Во тьму бегущих вод
Он смотрит неподвижным взором,
Как бы во вражеские очи,
Как будто он промолвить хочет:

«Мутный Днестр, вода седая,
Вынеси на волю!

Или смерть найди, река, мне,

¹⁰ Коль такая доля!»

И, одежду сняв на камне,
Он в воду бросился, плывет,
И синяя волна ревет.

И, ревя, на дальний берег
Казака бросает.

И бедняк, босой и голый,

Воду отряхает —

И на воле... И от бога

Больше не желает

²⁰ Ничего... Постой, быть может,

В чужедальнем поле

Счастья ты себе попросишь,

Ты попросишь доли...

И пошел он рощей темной

И поет на воле:

«Ой, за горой да за кручей,
За телегой скрипучей,
Шла смуглянка, горько плача
Над бедой неминучей».

- 30 Как вам угодно: хоть ругайте,
Хоть не ругайте, не читайте,—
Мне все равно. Я не прошу —
Сам для себя я напишу,
Свинцовый карандаш потрачу.
Бог даст, быть может, и заплачу,
И хорошо...

Продолжим вновь!

- Семья и мать вдали остались,
Жену оставил — жалость, жалость!
40 Вдоль бессарабских берегов
Идет казак. Доводит горе
До моря. Скажем мы, не споря:
Уж только б плеть в руках была,
А крепостного, как вола,
В ярмо загнать совсем не трудно.

.
Не правда ли, что так?

- Еще в младенчестве с сумою
Скитался с матерью казак,
Да так и вырос сиротою,
50 Все в людях. Сказано — батрак.
Семью завел он кое-как:
Красивую, да без достатка
Взял сироту... А господин
(Несчастье, счастье бог один
Присудит, говорится гладко)
Приметил — разгорелись очи,
И ну — гостинцы посылать.
Она гостинцы брать не хочет,
Не хочет пана приласкать.
60 Ну что же? Муж пойдет к ответу!
И скоро он невзвидит свету...
С женой же можно совладать.
Чуть-чуть не совершилось так.
Дошел до ручки мой казак,

И все на барщине проклятой,
А был хозяин...

- И — господи! — как он любил,
Как нянчился с женою,
Ее как дитяtko какое
70 В мониста нарядил!
Да и выбился из силы,
Хоть продавай хату
Да иди батрачить! Вот как
Пан его, проклятый,
Допек знатно. Жена только
Будто и не знает
И в монистах щеголяет,
По саду гуляет
Королевой... «Что тут делать? —
80 Бедняк размышляет,—
Их оставить — да на волю?
Кто их пропитает,
Защитит? Одна — старуха,
Ей и встать нет мочи,
А другая — молодая,
Гуляет, хохочет!
Как тут быть? Как поступлю я?
Горе мое, горе!» —
И пошел, пошел с сумою
90 За синее море
Искать счастья. Думал жену
Захватить с собою,—
Мать старуха дома будет
Воевать с бедою,
Хозяйничать!..
Да, вот так-то
На земле вершится!
Думал жить да поживать он,
Господу молиться,
100 А пришлось вот на чужбине
Слезами облиться —
Да и только. Тяжко, скучно
В чужедальном поле!
Всем запасся работяга,

Кроме счастья-доли —
 Этого святого дара...
 Душа истомилась.
 Тяжко ему на чужбине
 И ничто не мило.
 110 Хоть бы раз окинуть глазом
 Край родимый, милый,
 И родимые могилы,
 И степные дали,
 Садик, где жена гуляет
 Черноокой кралей.
 И поплыл домой обратно,
 Бросил даже волю:
 Вновь — бродяга... О мой боже,
 Каково-то поле,
 120 Свое поле! Каково ты —
 Широко, широко,
 Словно воля!..

 Добрался до дому в ночи.
 А мать стонала на печи,
 А в горнице жена дремала.
 (Пан болен был.) Жена тут встала,
 Пиявкою в него впиалась
 И зарыдала, залилась
 Неудержимыми слезами.
 130 И так бывает между нами,
 Что в сердце нож готов вонзить,
 А сам целует!.. Ожила
 Моя бедняжка-молодица!
 Не чудом ли смогла явиться
 В их дом роскошная еда!
 Сама ж склонилась головой
 К нему на грудь... И напоила,
 Вкусно накормила
 И спать его, веселого,
 140 В клетки уложила!
 Лежит, дремлет горемыка
 Думает, гадает:
 Каково в дороге будет?
 Лежит, засыпает.

А женушка молодая
К пану поспешила
Рассказать, что муж явился.

.

Тихонько и мило
Пришли, взяли горемыку,
150 Из дома угнали
Проходимца, прощелыгу
И в солдаты сдали.

Не забыт и там судьбою:
Наградили чином.
И в село, оставив службу,
Вернулся с чужбины.
Мать похоронили люди
Миром на кладбище,
И пан умер... А жена-то...
160 Солдаткою... Рыщет
Всюду... Служит у евреев,
У панов... босая...
Нашел ее, глянул старый,—
Ишь беда какая!
Искалеченные руки
Поднял к небу, тяжко
Зарыдал — совсем ребенок —
И простил бедняжку!

Так прощать учитесь, люди,
170 Сердцем умиляться,
Как простак мой!
Где ж нам, грешным,
Доброго набраться?

.
.

[1848
Кос-Арал]

* * *

И сонные волны, и мутное небо,
На берегу в далекой мгле
Камыш, как бы навеселе,
Без ветра гнется. Боже! Где бы
Узнать, придется ль долго мне
В моей незапертой тюрьме
Над никудышным этим морем
Тоской томиться, мыкать горе?
Молчит засохшая трава,
¹⁰ Лишь гнется, будто бы жива,
Не хочет правду мне открыть...
А больше некого спросить.

[1848
Кос-Арал]

* * *

И вырос я в краю чужом,
И на чужбине я страдаю,
И в одиночестве своем
Я не могу назвать, не знаю
На свете лучшего, чем Днепр
И чем родная Украина...
Там хорошо лишь, где нас нет,—
Я вижу. В тяжкую годину
Недавно как-то довелось
10 Заехать мне на Украину,
В то благодатное село,
Где мать качала, пеленала
Меня, младенца, и в ночи
На свечку богу добывала,
Поклоны тяжело кладучи,
Перед иконою молила,
Чтоб доля добрая любила
Ее ребенка... Славно, мама,
Что ты так рано спать легла,
20 А то б ты бога прокляла
За мой удел.

Как неприглядно
Все в благодатном том селе:
Земли чернее, по земле
Блуждают люди; оголились
Сады зеленые; в пыли
Погнили хаты, покосились;

Пруды травкою заросли.
Село как будто погорело,
30 Как будто люди одурели,—
Без слов на барщину идут
И за собой детей ведут!

.
И я заплакал и назад
Поехал снова на чужбину.

И не одно лишь то село,—
Везде на славной Украине
Крутое панство запрягло
Людей в ярмо... И гибнут, гибнут
В неволе рыцарей сыны!
40 А прогоревшие паны
Ростовщикам — друзьям хорошим —
Несут последние штаны...

.
Куда как тяжело, страх как тяжело
В пустыне этой пропадать!
Еще трудней на Украине
Все видеть, плакать и молчать!

.
Пока не видишь, как ужасно
То зло, все кажется прекрасно
На Украине с давних пор,
50 И старый Днепр меж тихих гор,
Как будто в молоке младенец,
Красуется, любит
На всю Украину.
А над ним в садах зеленых
Широкие села,
А в веселых этих селах
Жизнь людей веселых.
Так оно бы, может, случилось,
Если б не осталось
60 Злых панов на Украине!

* * *

Не для людей и не для славы
Свои стихи, что так кудрявы,
Я сочиняю,— для себя
Пишу их, братия моя!

Я пишу стихи в неволе,
Тоску забывая;
Будто с дальней Украины
Слова прилетают
И ложатся на бумагу,
10 Плачут и смеются,
Будто дети, и радуют
Забытую душу,
Несчастную. Хорошо мне,
Хорошо мне с ними,
Как отцу в богатой хате
С детками своими.
И доволен я и весел,
Бога умоляю,
Не забыл бы моих деток
20 В чужедальном крае.
Пускай домой слетаются
Легонькие дети
И расскажут, как им тяжело
Было жить на свете.
И в семье веселой тихо
Детей приласкают,

И старую голову
Отец покачает,
Мать промолвит: «Лучше б детям
30 Не родиться было».
А девушка подумает:
«Я их полюбила».

[1848

Кос-Арал]

[1858 *Петербург (?)*]

* * *

На кургане возле роши,
Где вольная воля,
Будто борются друг с другом
Два тополя в поле.
Ветра нет, но гнутся оба,
Будто ветер дует.
Это сестры-чародейки
Меж собой враждуют.

Они обе полюбили
10 Одного Ивана.
Как водится, были обе
Казаку желанны.
То одну он звал любимой,
То другую милой...
Но однажды над рощею
Солнце заходило,—
И сошлись в овраге трое.
«Это не годится!
Издеваешься над нами!..» —
20 Пошли чаровницы,
Чтобы отравить Ивана,
За злою травую.
Нашли траву, варить стали
Зелье колдовское.
Заплакали, зарыдали,
Да дело такое:

Надо варить! Наварили;
Хлопца отравили,
На кургане возле рощи
30 В поле схоронили.
И довольны? Нет, не больно:
Все они ходили
На курган тот утром рано
Плакать над Иваном.
Да и сами отравились
Проклятым дурманом.
А всевышний для примера,
Карая их злобу,
Превратил сестер в деревья;
40 И деревья оба
В чистом поле, на кургане,
Над Иваном этим
И без ветра склоняются,
И клонит их ветер.

[1848
Кос-Арал]

* * *

Мне б сапожки, я бы тоже
Танцевала, да сапожек
 У бедняжки нет.
Музыканты играют,
Только горя прибавляют,
 И не мил мне свет!
Ой, пойду босая в поле,
Поищу иную долю.
 Долюшка моя,
10 Ты не будь ко мне суровой!
Родилась я чернобровой,
 Бесталанная!
Девушки-дивчата наши —
Все в сапожках красных пляшут,
 Я одна брожу.
Без богатства, без любви я
Брови черные, густые
 Внаймах изношу!

[1848
Кос-Арал]

* * *

И богата я,
И красива я,
Нет лишь друга дорогого,—
Знать, несчастна я.
Тяжко мне на свете жить
И никого не любить,
Да из бархата жупаны
Одинокой носить!
Вот слюбилась бы я,
¹⁰ Обвенчалась бы я
С чернобровым сиротою —
Да неволя моя!
Мать, отец все не спят,
Все на страже стоят
И одну гулять на воле
Не пускают в сад!
А как пустят, так с ним,
С нелюбимым, седым.
С ненавистным тем, богатым,
²⁰ С моим врагом злым!

[1848
Кос-Арал]

* * *

Повстречалася я,
Обвенчалася я
С бесталанным сиротою,—
Вот и доля моя!

Люди взяли — навряд
Он вернется назад:
Люди лоб ему забрили,—
Рад не рад, а солдат!

И солдаткою я,
¹⁰ Одинокою я
Доживаю в чужой хате,—
Вот и доля моя!

[1848
Кос-Арал]

* * *

Мать моя была богата,
Родила меня в палатах,
Нежила меня.

В бархате, в шелках, алмазах,
Тайно от чужого глаза
Подростала я.

Час пришел. И я на диво
Стала до того красива,
Краше не сыскать!

10 Но ведь вот беда какая:
Полюбила бедняка я,
И вмешалась мать.

И теперь, хотя богато,
Да одна живу в палатах,
На пуху не сплю.

Как трава я полевая
Никну, никну, увядаю,
Жизнь едва терплю.

На свет божий не гляжу я,
20 Никого уже не жду я...
 А старуха мать —

Уж пускай она потерпит —
Я ее до самой смерти
 Буду проклинять.

[1848
Кос-Арал]

* * *

Муженька я дорогого
В дорогу послала,
А сама тропу от дома
К шинку протоптала.
За пшеном к куме ходила,
Чтобы успокоить
В хате с печкой ледяною
Деточек едою.

- Накормила малых,
¹⁰ Спать им приказала
И пошла к дьячку потом,
Чтоб разжиться пятаком
Да заночевала.
А из Крыма муженек
Еле ноги приволок;
Волы надорвались,
Телеги сломались,
С кнутиками чумаченьки
Домой возвращались.
²⁰ Как вошел муж в хату,
И невзвидел света:
Дети ползают за печкой
Несыты, раздеты.
Говорит он: «Где же, дети,
Ваша мать родная?»
Отвечают ему дети:
«Мать в шинке гуляет».

[1848
Кос-Арал]

* * *

Ой, наточу товарища —
Да за голенище,
Да пойду искать я правды
И доли почище.
Ой, пойду я не лугами
И не берегами,
Не привычными путями,
Другими путями!
Поговорю с кабатчиком,
10 Да с богатым паном,
Да со шляхтичем поганым
В жупане поганом,
Да с монахом, коль случится,—
Пускай не гуляет,
Жития святых читает,
Людей поучает,
Чтоб друг друга не резали
И не обирали,
Сына вдовьего в солдаты
20 Чтоб не отдавали.

[1848
Кос-Арал]

* * *

На улице снег и ветер,
Метель завывает.
По улице вдоль забора
Вдова ковыляет.
И пошла она на паперть,
И просить пошла-то
У тех самых, у богатых,
Что сына в солдаты
Позапрошлый год забрили.
¹⁰ Думалось иное:
Хоть в старости у невестки
Пожить на покое.
Не пришлось. Вот вымолила
Копейку с поклоном...
Да за сына поставила
Свечку пред иконой.

[1848

Кос-Арал]

[1858 *Петербург (?)*]

* * *

Присяду я на крылечке,
На улицу гляну,
Вижу, как там недалече
Дивчата без Ганны,
Без моей без Ганнусеньки,
В «хрещика» играют.
И что-то им невесело
И что петь — не знают,
Голубоньки. А моей-то
¹⁰ Нет голубки-птицы.
У свекрови все воркует,
Ждет меня, томится.

[1848
Кос-Арал]

* * *

Куковала кукушечка
В зеленом лесочке,
Заплакала дивчинонька —
Нет у ней дружочка.
А девичьи молодые
Годы пропадают,
Как цветочки по теченью,
От нас уплывают.
Были б мать-отец родные
¹⁰ Да были б богаты,
Было б с кем и погулять мне,
Было б кому сватать.
А то нет, и одинокой
Так вот я и сгину —
Горемыкой-сиротиной
Где-нибудь под тыном.

[1848
Кос-Арал]

ШВАЧКА

«Ой, не пьется горилочка,
Не пьются меды,
Как бы шинкарям проклятым
Не нажить беды!
Ой, не пьется нынче пиво,
А я буду пить.
Не будете, вражьи паны,
На Украине жить.
Соберемся в воскресенье,
10 На Фастов нагрянем:
Шляхту в белые рубахи
Одевать мы станем.
Не в белые, а в красные...
Гулять не устанем.
Своего отца родного
Старого помянем,
Полковника фастовского
Славного Семена.
Пойдем, хлопцы! Вам со мною
20 Не будет урона».

У Перепяти поспали,
До света вставали
И в Фастове утром рано
Козаки гуляли.
«Приди к нам из Межигорья,
Палий, поскорее,

Погляди-ка ты на Швачку,
На его затей!»
В Фастове затеял дело! —
30 Есть такие вести,—
Пало шинкарей и шляхты
Не сто и не двести,
А тысячи. И площади
Багровыми стали.
И все шинки, все костелы,
Как свечи, пылали.
В самом замке небольшую
Церковку святую
40 Не сожгли. В той церкви Швачка
Поет аллилуйю.
Хвалит господу веселый,—
А Швачке седлают
Коня его вороного —
Погулять желает
Он в Быхове прославленном
Да с Левченко вкупе
Топтать трупы шинкарские,
Шляхетские трупы.

[1848
Кос-Арал]

* * *

Ой, не пьются мед и пиво,
Не пьется вода,
Приключилась с чумаченьком
В дороге беда:
Заболела головушка,
Заболел живот,
Упал чумак у телеги,
Упал, не встает.
Из Одессы прославленной
10 Завезли чуму;
Покинули товарища —
Пропадать ему!
Волю его у телеги
Понуро стоят;
Стаей вороны степные
К чумаку летят.
«Ой, вороны, вы оставьте
Мертвеца в покое:
Наклюетесь и умрете
20 Вы рядом со мною.
Сизокрылые, летите
В далекие дали,
Моему отцу скажите:
Меня б отпевали,
Надо мной псалтырь читали,
А дивчине милой
Передайте, прикажите,
Меня бы забыла».

[1848
Кос-Арал]

* * *

На улице невесело,
А дома ругают
И к вдове-соседке в гости
Меня не пускают.

Как свободы мне добиться.

Дома не томиться,

Иль в другого мне влюбиться

Или утопиться?

Ой, надену я сережки,

¹⁰ Бусы я надену,

В воскресенье на ярмарку

Пойду непременно.

Прикажу ему посватать

Или отступить!..

Если дома оставаться,

Лучше утопиться.

[1848

Кос-Арал]

* * *

Хата Катри-Катерины
Хороша, богата.
Приехали запорожцы,
Зашли к Катре в хату.
Один — Семен Босый,
Другой — Иван Голый,
Третий — славный вдовиченко,
Иван Ярошенко.

- «Изъездили Польшу
10 И всю Украину,
А никого не видели
Краше Катерины!»
Один молвит: «Братья,
Если б был богат я,
То отдал бы все золото
Этой Катерине
За час за единый».
Второй молвит: «Други,
Мне б сильные руки,
20 Я бы отдал всю их силу
За час за единый
Этой Катерины».
И тут молвит третий,
Говорит он: «Дети,
Все я сделаю на свете
Для вот этой Катерины
За час за единый».
Катерина задумалась,

Ему отвечает:
30 «Есть у меня брат родимый,
Гибнет, погибает
Он в Крыму — в неволе вражьей.
Кто его добудет,
Тот, казаки-запорожцы,
Супругом мне будет».
Гости разом встали,
Коней оседлали
И за братом Катерины
На юг поскакали.
40 Один в Днепре сгинул,
Как в темной могиле,
Другого в Козлове
На кол посадили.
Третий, Иван Ярошенко,
Славный вдовиченко,
Из лютой неволи
Из Бахчисарая
Брата вызволяет.

Утром двери заскрипели,
50 Гости входят в хату:
«Вставай, вставай, Катерина,
Встречай, Катря, брата».
Глянула — и отступила
И заголосила:
«То не брат мой, то мой милый!
Я с тобой хитрила».
«Ты хитрила!» И Катрина
Голова скатилась.
«В хате злой и злая доля,
60 Выйдем, брат, на волю!»
Поехали запорожцы,
Только ветер в поле.
Катерину молодую
В поле закопали,
А славные запорожцы
В степи побратались.

[1848
Кос-Арал]

* * *

Из-за рощи солнце всходит,
За рощу садится.
Казак бродит по долине,
Тоскует, томится.
Битый час он бродит,
Второй начинает,—
Чернобровую напрасно
Казак поджидает.
Не выходит изменница...
10 Из темного леса,
Из оврага выезжает
С дворней пан-повеса.
Травят казака борзыми,
Назад вяжут руки,
И казак тот принимает
Смертельные муки.
Пан в подполье, молодого,
Его запирает...
А девушку, обесчестив,
20 По миру пускает.

[1848
Кос-Арал]

* * *

Ой, пошла я в овраг за водою,
Вижу, милый гуляет с другою.
 А эта другая,
 Разлучница злая —
Богатая соседушка —
 Вдова молодая.
 А я-то вчера-то
 С гадюкой проклятой
В поле дергань убирала
¹⁰ И все рассказала,
 Как он меня любит,
 Как свататься будет,
И к себе такую суку
 На свадьбу просила.
 Иван ты мой милый,
 Голубь сизокрылый!
Побей тебя сила божья
Среди раздорожья.

[1848
Кос-Арал]

* * *

Не так недруги твои,
Как добрые люди —
И обкрадут, жалеючи,
И, плача, осудят,
И попросят тебя в хату,
На ласку богаты,
О твоём здоровье спросят,
Чтоб потом смеяться,
Над тобой смеяться,
¹⁰ Добить смехом этим..
Проживешь на белом свете,
Недруга не встрети,
 А доброму люду
 Тебя найти всюду,—
И на том свете, добряги,
Тебя не забудут.

[1848
Кос-Арал]

* * *

Ой, баю-баю, качаю сына
И день и ночь.
Пойдешь ты, сын мой, по Украине.
Нас проклянешь.
Сын мой, сыночек, лихом отца ты
Не помяни.
Я виновата, мне и расплата,—
Меня кляни.
Меня не станет,— ступай не к людям,
¹⁰ В рощу ступай.
Роща не спросит и не осудит,
Там и гуляй!
Увидишь в роще калину, милый,
Остановись,
Калину эту я так любила,
Ей поклонись.
А как в селенье ты к хатам выйдешь,
То не томись,
А как с ребенком ты мать увидишь,
²⁰ То отвернись.

[1848
Кос-Арал]

* * *

Отчего ты почернело,
Зеленое поле?
«Почернело я от крови
За вольную волю.
Вкруг местечка Берестечка
На четыре мили
Меня хлопцы-запорожцы
Трупами покрыли.
Да еще меня покрыло
10 Воронье с полночи...
Клюет очи казацкие,
А трупа не хочет...
Почернело, зеленое,
Я за вашу волю...
Снова я зазеленею,—
Вам иная доля:
Не вернетесь вы на волю,—
Ее вспоминая,
Вы меня пахать пойдете,
20 Долю проклиная...»

[1848
Кос-Арал]

* * *

Туман плывет долинами,
Любо жить нам с родимыми,
Еще лучше за горою
Быть женою молодою.
Обойду я всю округу,
Поищу себе я друга:
«Где мой добрый, где мой милый
Где мой сокол сизокрылый?»
Пусть бы отец выслеживал,
10 Мол, куда вы, да где же вы,—
Ночка темная укроет
Нашу свадебку с тобою.
Вышла замуж — вся изныла.
Лучше б я и не любила.
Лучше б жить, любви не зная,
Чем с тобою жизнь такая.

[1848
Кос-Арал]

* * *

То пасхальное воскресенье
Помнят люди и поныне:
До рассвета в достославном
Городе Чигрине
В медный колокол звонили,
Из пушки стреляли
И почтенных запорожцев
На совет скликали.
С хоругвями, с крестами
10 И с пречестными образами
Народ с попами
На гòру из церквей спешит,
Словно божья пчела гудит.
Архимандрит святую
Обитель покидает,
Он в золоте сияет,
Акафист читает,
Народ благословляет.
Спокойно и тихо
20 В рассветную пору
На крутую гору
Сходились полковники,
И войско, как море,
Шло рядами, с бунчуками,
С Луга выступало,
И труба пророкотала,
И недвижно войско стало.

Замолкли и пушки
И звон отдаленный,—
30 Бьет казачество смиренно
Земные поклоны.
Молебствие архимандрит
Перед войском правит,
Святого бога просит, славит,
Чтобы ниспослал им указанье
И облегчил бы им избранье.
И гетмана единогласно
Избрали утром рано-рано:
Преславного Лободу Ивана,
40 Рыцаря седого,
Брата войскового.
И трубы затрубили,
И церкви зазвонили,
Пушка загремела;
Знаменами, бунчуками
Гетмана укрыли.
Гетман слезы проливает
И руки к небу вздымает.
Славный гетман отвечает,
50 Поклонившись трижды,
Точно звон могучий
Над кручей:
«Спасибо вам, спасибо, родные,
Запорожцы удалые,
За славу, честь и уваженье,
Что сегодня оказали, —
Только лучше б вы избрали
Не меня, уже седого,—
Вы избрали б молодого
60 Запорожца записного,
Преславного, удалого
Павла Кравченко-Наливайко.
Я стар человек, не смогу сражаться.
Будет со мною он совещаться,
По-сыновьи научаться,
Как за ляха взяться.
Тревожно, братья, стало ныне
На нашей славной Украине.

Нет, не мне воевать с ляхом,
70 Быть вам головою,
Не под силу мне, седому,
Сладить с булавою,—
Пускай правит Наливайко
К нашей вящей славе,
Чтоб от страха лях проклятый
Задрожал в Варшаве».
Как шмель, казачество гудит,
Все церкви зазвонили,
И пушка вновь гремит.
80 Знаменами укрыли
Преславного запорожца
Павла́ Кравчѣнко-Наливайко.

[1848
Кос-Арал]

* * *

В лес-дуброву я ходила
По орехи,
Мельника я полюбила
Для потехи.
Мельник мелет, в ус не дует,
Обернется, поцелует
Для потехи.

В лес-дуброву я ходила
По опенки,
¹⁰ Шорника я полюбила
В той сторонке.
Шорник сбрую подшивает,
Меня сладко обнимает
Он в сторонке.

За дровами я ходила
В лес-дуброву,
Бондаря я полюбила —
Черноброва.
Бондарь ведра подбивает,
²⁰ Меня к сердцу прижимает,
Черноброву.

Мама спросит дочь родную,
Молодую:
«Кто же раньше зятем будет —
Знать хочу я?»
«В воскресеньце святое
У тебя их будет трое», —
Ей скажу я.

[1848
Кос-Арал]

* * *

В вокресение да ранешенько,
Еще солнышко не всходило,
А я, молодая,
На шлях, на дорогу
Невеселая выходила.
Выходила за рощу на поляну,
Чтобы мать не видала;
Чумаченька молодого,
Моего дорогого
¹⁰ В пути я встречала.
Повстречалась я
Вон там за кустами
Да с чумацкими возами:
Идут его волы,
Жуют волы серые,
Идут на рассвете;
А чумаченька молодого
У волов и нету.
Ой, копали ему в степи у дороги
²⁰ Да притыками яму,
Завернули его в простую рогожу,
Опустили Ивана
После в яму глубокую
На кургане-могиле.
Ой, боже милый! милый, милосердный!
А я так его любила.

[1848
Кос-Арал]

* * *

То не буйный ветер в поле
Тополь нагибает,
То дивчина счастье-долю
Корит, упрекает:
«Лучше б тебе, доля,
В море утопиться,
Отчего ты не даешь мне
С кем-нибудь слюбиться!
Как дивчата целуются,
10 Как их обнимают,
Что тогда бывает с ними ---
Я так и не знаю...
Не узнаю ввек. Ой, мама,
Страшно жить на свете
И любви на белом свете
Никогда не встретить».

[1848
Кос-Арал]

* * *

Протоптала тропочку
 Через яр,
Через гору, миленький,
 На базар;
Выносила бублики
 На толчок.
Выручила, миленький,
 Пятачок.
Я четыре денежки
 ¹⁰ Пропила,
Дудочнику денежку
 Отдала.
Задуди-ка, дудочник,
 Ты в дуду,—
Горе свое горькое
 Забуду!
Вот какая дивчина
 Ждет тебя!
Сватай: замуж, миленький,
 ²⁰ Выйду я!

[1848
Кос-Арал]

* * *

И простор степной, широкий,
И в степи курган высокий,
И вечерний час далекий,
И что снилось, говорилось,
 Не забуду я.

Ну так что ж? Не обвенчались,
Разошлись, как не встречались,
И бесплодно молодые
Мимо наши дорогие
10 Пронеслись года.

Мы состарились с тобою,
Я в неволе, ты вдовою;
Не живем, а доживаем
Да бывшее вспоминаем,
 Как жилось тогда.

[1848
Кос-Арал]

* * *

В огороде, возле брода,
Барвинок не всходит.
Почему дивчина к броду
По воду не ходит?
В огороде, возле тына,
Сохнет на жердине
Хмель зеленый; не выходит
Из дому дивчина.
В огороде, возле брода,
¹⁰ Наклонилась ива,—
Стало грустно чернобровой,
Стало сиротливо.
Плачет, плачет да рыдает,
Словно рыбка бьется...
А над нею, молодую,
Негодник смеется.

[1848
Кос-Арал]

* * *

Кабы мне монисто, родная,—
Завтра б утром в город пошла я.
Там играют старым и малым
Громкий бубен, скрипка, цимбалы.
А девушки с молодцами
Милуются... Мама! Мама!
Как несчастна я!

Ой, пойду я богу помолюся,
Да пойду я в батрачки наймуся,
¹⁰ Черевички новенькие справлю,
Музыкантов я играть заставлю.
Вы не удивляйтесь, люди,
Как плясать дивчина будет!
Долюшка моя!

Ты не дай мне одной остаться,—
Косам расплетаться-заплетаться,
Без дружка вековать черноокой
И до гроба жить одинокой.
На чужой работе, знаю,
²⁰ Брови черные линяют,—
И несчастна я!

[1848
Кос-Арал]

* * *

«Не хочу я обручаться,
Не хочу жениться,
Не хочу я, не желаю
С детворой возиться.
Не хочу я, мать родная,
С пахотою знаться,
В своем бархатном жупане
В поле красоваться!
А пойду я обвенчаюсь
10 С моим верным другом,
С славным батьком запорожским
Да с Великим Лугом.
На Хортице, в отчем доме,
Буду жить я паном —
Щеголять своим жупаном,
Напиваться пьяным».
Пошел казак неразумный
Славы добиваться.
Довелось его родимой
20 Сиротой остаться.
«Ой! — вздыхала в воскресенье
Мать его седая.—
Нету моего Ивана,
И где он — не знаю».
И не три-четыре года,
Прошло, миновало:

Воротился запорожец
Больной и усталый.
Оборванный, в заплатах весь,
30 Выплаканы очи...
Вот тебе и Запорожье,
Вот тебе дом отчий!
Не с кем грусть ему развеять,
Горем поделиться,
Надо было б казаченьку
Смолоду жениться!
Прошли года веселые,
Горе подступило...
Кто же нынче обогреет
40 Сердце, что остыло?
Кто же мне растопит печку
На пустом ночлеге,
Даже некому водицы
Поднести калеке.

[1848
Кос-Арал]

ЧУМА

Чума с лопатою ходила
Да все могилы рыла-рыла,
Да трупом, трупом начиняла,
За упокой не поминала;
 По городу и по селу
 Метет, подобно помелу.
Весна. Сады цветут в селе,
Как будто полотном покрыты,
Росою божьею умыты,
10 Белеют. Весело земле:
Цветет, красуется цветами,
Садами темными, лугами.
А люди бедные в селе,
Как всполошенные ягнята,
Позаперлись с испуга в хатах
И мрут. На улицах волю
Ревут без корма; в огороде
Пасутся кони; не выходит
Никто загнать их, корму дать,—
20 Должно быть, людям сладко спать.
Заснули; крепко, зная, заснули,
Воскресный день не помянули,—
Их звоном в церковь не зовут.
И трубам горестно без дыма;
За огородами, за тыном
Могилы черные растут.
За хатами, между садами,

Защиты в шкуру и в смоле,
Гробокопатели в селе
30 Волочат мертвецов цепями
За край села и зарывают
Их без гробов. Дни пролетают,
Проходят месяцы. Село
Навек замолкло, онемело
И все крапивой поросло.
Гробокопатели ходили —
И те за хатами легли.
Никто из хат не встал с зарею,
Сердечных не укрыл землею —
40 Гниют под хатами в пыли.
Как оазис в чистом поле,
Село зеленеет.
Никто в него не заходит,
Только ветер веет,
Листья желтые разносит
По желтому полю.
Долго оно зеленело,
Пока люди с поля
Злого огня не пустили
50 Да не подпалили
Села того зеленого.
Сгорело, сотлело,
Пепел ветром разметало,
И следу не стало.
Вот какое людям горе
Чума причиняла.

[1848
Кос-Арал]

* * *

Мне почта вновь не привезла
Желанных писем с Украины...
За грешные ль мои дела
Меня карает бог? Причину
Жестокой кары знать не мне,
А впрочем, бог за что карает,
И знать не так уж важно мне...
А сердце плачет, вспоминая
Печали все в печальном крае,—
10 Все, что в родимой стороне
Случалось некогда со мною
В еще недавние года...
Клялись мне в верности тогда,
Кто братом звался, кто сестрою,
А разошлись, как туч гряда,
Друг друга слез не удостоив.
И вот опять на склоне лет
Пришлось людей узнать... Нет, нет!
Бедняги все поумирали:
20 Холера там, а то б прислали
Клочок бумаги...
.
От тоски да от печали,
Чтоб не видеть, как читают
Письма эти, погуляю,
Погуляю я над морем,
Поразвею свое горе,

Украину вспоминая
Да песенку напевая.
Скажет человек — обманет,
30 А она хитрить не станет;
Обнадежит, успокоит
И всю правду мне откроет.

[1848
Кос-Арал]

* * *

В неволе я один скучаю,
Мне не с кем душу отвести.
Ищу и сам того не знаю,
Где собеседника найти.
Ищу я бога, а такое
Я нахожу... господь, прости...
Вот что со мной свершили годы,
Да горе, да и то еще,
Что пасмурно, не горячо
¹⁰ Мое святое лето было,
Что жизнь моя прошла уныло,
И нечего мне вспоминать.
А душу надо развлекать,
Душа все о привете молит!
Ни с чьих он не слетает губ.
Не так ли снег в открытом поле
Заносит неостывший труп.

[1848
Кос-Арал]

* * *

«Мой отец спит в могиле,
Мать старуха скончалась,—
Без совета, без помощи
Я на свете осталась.
 Где я горе спрячу,
 Где найду удачу?
 Пойду ли батрачить,
 Дома ли поплачу?
Ой, пойду, пойду в дуброву,
10 Посажу я мяту.
Если примется, не брошу
Я родимой хаты.
Придет в хату мой желанный,
 Хозяйничать будем.
А не примется — пойду я
 Искать счастья к людям».
Принялась в дуброве мята,
Растет-зеленеет.
А девушка в чужих людях
20 Чахнет и дурнеет.

[1848
Кос-Арал]

* * *

Из похода не вернулся
Гусарик-москаль.
Что ж он так мне приглянулся?
Что ж мне его жаль?
Оттого ль, что черноусый,
Что в жупан одет он куций,
Что Машею звал?
Нет, не это грусть наводит,—
Красота моя уходит,
10 Замуж не берут.
А дивчата, как сойдутся,
Всё, проклятые, смеются,
Гусаркой зовут.

[1848
Кос-Арал]

* * *

Во граде Вильно достославном
Вот что произошло недавно...
Тогда стоял... Но трудно мне
В поэму втиснуть это слово...
Тогда в просторный и суровый
Он превращен был лазарет,
А бакалавров разогнали
За то, что шапок не ломали
Пред Острой брамой... Что дурак,
¹⁰ Заметно сразу, но никак
Назвать не смею, правый боже,
Того студента — ну, так что же?
То был сын ясновельможный
Литовской графини:
Мать заботилась о миллом,
Единственном сыне.
Не как пан дитя училось
И шапку снимало
В Острой брaме; было б ладно,
²⁰ Да беда настала!
Он влюбился не на шутку,
Был молод, сердечный,
Выбрал юную еврейку
И хотел, конечно,
Тайну соблюдая,
Чтоб не знала мать родная,
На красавице жениться.

Вот была какая —
Та еврейка. Все сидела
30 До глубокой ночи
Пред окном и утирала
Печальные очи...
И она его любила,
И страх, как любила.
На бульвар гулять ходила
И в школу ходила
Все с отцом. И что тут делать
С долею проклятой?
А банкир один из Любска ¹
40 Евречку сватал.
Что же делать тут влюбленным, —
Идти в Закрет детям?
Утопиться? Без еврейки
Не житье на свете
Панычу. Старик проклятый
Знать того не знает,
Дочь единственную крепко
Дома запирает.
Как идет он утром в лавку, —
50 Сторожила б строже,
Нанимает Рухлю. Что же!
Рухля не поможет.
Где девушка эту книгу,
Где роман читала —
С тонкой лестницей из шелка, —
И Рухля не знала.
Может, сама догадалась,
Только так случилось,
Что себе сплела такую ж
60 И в ночи спустилась
Вниз, на улицу, к студенту.
Тут бы им скрываться,
А они (понятно — дети)
Сразу — целоваться
У ворот немедля стали.

¹ Любск — замок над Вилией. (Прим. Шевченко.)

А отец тут вскоре,
Как безумный, выбегает
С топором. Ой, горе,
Горе матери несчастной!

70 Сына не зови ты:
На улице валяется
Сынок твой убитый.
Он погублен изувером,
Горе приключилось!
Евреечка (что за сила
В девушке открылась?)
Бросилась, топор схватила
И по обух живо
В грудь отцовскую всадила.

80 Вот такое диво
В старом городе преславном,
В Вильне приключилось.
И дивились долго люди,
Где же притаилась
Евреечка та, гадюка,
Что отца убила.
В Вилии она тихонько
Ночью утопилась.
И нашли ее в Закрете;

90 Там и закопали.
А графиня без сыночка
Осталась в печали,
В Рим уехала, я слышал,
Да там и осталась,
Да с маркизом неким нищим,
Молвят, обвенчалась.
Может, люди лгут — не знаю,—
На то они люди,
И вдовицу не забудут

100 И всегда осудят!

[1848
Кос-Арал]

* * *

Завалило черной тучей
Да белую тучу.
Вышли с турками татары
Бедой неминуемой,
Из Полесья шляхта лезет,
А гетман-попович
С Ромоданом напирает,
Глупый Самойлович!
Будто вороны да галки
10 Со всего со свету
Рвут и тащат Украину...
Чигирине, где ты?
Что ты, старый Дорошенко,
Запорожский рыцарь?
Захворал ты иль боишься
С вороньем сразиться?
И заплакал Дорошенко
От тоски-кручины:
«Не боюсь я, атаманы,—
20 Жалко Украину.
Не развею вражью силу
И не стану драться!..
Булаву мою возьмите
Гетманскую, братцы!
Отнесите москвитянам:
Пусть Москва узнает,
Что ей старый Дорошенко

Больше не мешает.
А я что же, запорожцы?
30 Я надену рясу,
Буду бить себе поклоны
У святого спаса».
Зазвонили колокольни,
Пушки грохотали...
В два отряда заднепровцы
С москвичами стали
На всю милю. Показали
Булаву народу...
Будет пить тебе, казаче,
40 Из Тясьмина воду.
Положили булаву ту
Поповичу в ноги...
В монастырь иди, казаче,
Думай там о боге!
Не пустили Дорошенко
И в рясе узнали:
В кандалы его забили,
В Сосницу услали,
А оттуда в Ярополче ¹—
50 Будешь ты спокоен...
Вот, брат, что с тобою случилось,
Запорожский воин!..

Выглянуло из-за тучи
Солнце над Чигрином.
Пошли турки и татары
Домой с Украины.
А поляки с пан-Чарнецким,
С поганым Степаном,
Подпалили церковь божью
60 И кости Богдана
Да Тимоша в Субботове
Сожгли озверело,
И ушли, как будто сделав
Божеское дело.

¹ Село около Москвы. (Прим. Шевченко.)

А московские знамена
В воскресенье рано
За поповичем уплыли
Шляхом Ромоданом.

Как орел с плечом подбитым,
70 Без крыла и воли,
Дорошенко угасает
От тоски в неволе.
Да и умер. Надоело
Носить ему цепи...
И забыли атамана
Широкие степи.
Только ты, святой Ростовский,
Дорошенко вспомнив,
Друга своего большого,
80 Повелел часовню
Над его воздвигнуть прахом
Да, раздувши ладан,
По гетману панихиду
Отслужить, как надо.
С той поры приходят люди
В тот день и, кручинясь,
По гетману панихиду
Правят и поныне
В Ярополче.

[1848
Кос-Арал]

* * *

Как днем осенним чумаки,
Минуя версты, вдаль проходят. —
Так и мои проходят годы;
А мне и горя нет!.. Листки
Расписываю, заполняю
Стихами их. И развлекаю
Дурную голову свою
И кандалы себе кую.
(Вдруг эти господа узнают!)
¹⁰ Да что ж, пускай хотя б распнут,
А я стихам не изменяю,
Уже два года сочиняю
И третий в добрый час начну!

[1849
Кос-Арал]

СОТНИК

Под Оглавом... Кому знаком,
Скажите, Оглав белостенный?
Немногим! Поясню смиренно,
Чтоб вас не насмешить грехом.
Недалеко от Бориспòля —
А в Оглав путь не тяжелей —
И посейчас в пустынном поле
Приметна купа тополей.
Ну, впрямь из Оглава дивчата
¹⁰ Встречать овец пошли куда-то —
И стали. Было то давно...
Вот тут обычно из-за тына
Вился горох по хворостине;
И застекленное окно
В садочек летом открывалось,
И хата, видите, была
За тыном, сотникова хата.
А сотник был старик богатый,
Так у него в дому росла,
²⁰ Воспитывалась, как родная,
Подкидыш-дочка. Или так,
В приемыши седой казак
Сиротку взял и, надзирая,
Следя за нею день и ночь,
Растил себе чужую дочь.
А сына (сотник был женатый,
Да овдовел) он в бурсу сдал
Учиться, в Киев — вон из хаты.

- А сам Настусю поджидал,
30 Сиротку ту, отроковицу,
Готовый с ней соединиться:
Не сына с ней соединить,
А в голову ему, седому,
Взбрело под старость подурить.
Но, сор не вынося из дому,
Не говорит ни с кем чужим,
Лишь сам с собою рассуждает...
А уж бабенки... бес их знает!
Смеются за спиной над ним!
40 Они поживу носом чуют.

.....
Сидит сотник возле хаты,
В тиши размышляет,
А Настуся по садику
Пташкою порхает.
То подсядет, возьмет руку,
Прильнет к ней губами,
То страшными, огромными
Играет усами,—
Ну, понятно, как ребенок,
50 Ласкает седого.
А седому не до шуток —
Хочется иного:
Греховного наслажденья
Плоть, дряхлая, просит.
И пальцами старый сотник
Настусины косы,
Словно две змеи большие,
В одну заплетает,
То расплетет да вокруг шеи
60 Трижды обмотает!..
А она, моя голубка,
Ничего не знает,—
Как котеночек за печкой,
Резвится, играет...

Сотник

Отвяжись ты, баловница,
Все одни проказы,

Как русалка, растрепалась...
А зачем ни разу
Ты ленты не вплела в косицы,
70 Тесьму, что тетка привезла?..

Н а с т у с я

Пустили бы на вечерницы,
Тогда б и ленты я вплела,
Сумела бы принарядиться,
Другие башмачки б взяла,
Барвинком убрала бы косы...

С о т н и к

Как быть с тобой — простоволосой?
Да где барвинок ты б нашла,
Чтоб им украситья богато?

Н а с т у с я

А возле тына! Там такой
80 Зеленый вырос да крещатый,
Да синий! Сине-голубой
Зацвел...

С о т н и к

Скажи «прощай» дивчатам!

Н а с т у с я

Что ж, разве я умру?

С о т н и к

Ну, нет!
А снилось осенью, мой свет,
Когда мы саженцы садили,—
Как примутся... и мне приснилось...
Как примутся, так в тот же час
90 Ты выйдешь замуж.

Н а с т у с я

Вот те раз!!!
И саженцы вам поломаю...

Сотник

А как барвинок даст цветы...

Настуся

Я и барвинок посрываю!

Сотник

А не уйдешь от свадьбы ты!

Настуся

Нет, нет, уйду, мне, право, стыдно!

(Плачет.)

Сотник

Глупа ты, Настя, сразу видно:

С тобой шутить — и не проси!

Не видишь разве, что шучу я?

¹⁰⁰ Ступай-ка скрипку принеси,

Ты с горя славно потанцуешь,

А я сыграю...

Настуся

Ладно, тату...

(И, радостная, — мигом в хату.)

Сотник

Нет, малость погодим тогда!

Повременим! Да вот беда-то:

Года не ждут! летят года!

А мысль проклятая змеею

Глубоко к сердцу приросла...

¹¹⁰ А ты уж скрипку принесла?

Так что же нам сыграть с тобою?

Настуся

Э, нет! Пойдите! Чур молчать.

А то не стану и плясать,

Пока барвинка не нарву.

Я мигом, я сейчас управлюсь!

(Отходит недалеко, рвет цветы, убирается ими и поет.
А сотник настраивает скрипку.)

Сотник

Смотри, одна уж оборвалась.
Постой, и эту оборву...

Настуся

(возвращается, убранный цветами, напевая)

«Ой, когда б мне крылья, крылья
Соколиные,
¹²⁰ Полетела бы за милым
На чужбину я.
Полетела бы в лесочек,
В мой зеленый рай,—
Полетела бы, дружок,
За тихий Дунай!»

В то время как она поет, в садик входит молодой хлопец в соломенной широкополой шляпе, в коротком синем жупане, зеленых шароварах, с котомкой за плечами и с плетью.

Петро. День добрый! Бог помощь!

Настуся. Тату! Тату! Петро! Петро! Из Киева пришел!

Сотник. А, видом-видать, слыхом-слыхать! Волею иль неволею?

Петро. Волею, тату, да еще и богословом.

Сотник. Ого!

Настуся. Богословом? Страх какой!

Сотник. Глупая, чего ты боишься! *(Подходит к сыну, крестит его и целует.)* Боже тебя благослови, дитя мое! Настуся! Отведи его в горницы да накорми, а то он еще, пожалуй, и не обедал.

Петро. Да оно так. *(Идет в горницы с Настусею.)*

Сотник

(один)

И даровал же мне господь
¹⁴⁰ Таковую ветвь, такого сына!
И богослов уже. Причина,
Причина мудрая.

(Задумывается.)

Ну вот,
О чем тут думать? В иереи,
А не захочет, так на Сечь —
И там небось не сломит шею.
И все... Еще забота с плеч:
Заставить надо богослова,
Чтоб дома он баклуш не бил,
150 А между делом обучил
Настусю заповедям, — снова
Дьячка тогда не нанимать,
Как для покойницы. А знаю —
Иначе нас не обвенчает
Отец Хома... Пойти сказать,
А то забуду...

(Идет в дом.)

Жить бы, жить да славить бога,
Детьми любоваться, —
Так нет: надобно под старость
160 Начать бесноваться,
Надо старому жениться
На малом дитяти!
Эй, очнися, не женися:
И ей не жить в хате,
И сам, дряхлый, посмешищем
В своей семье станешь,
Станешь проклинать женитьбу,
Горевать устанешь,
Будешь плакать, только слезы
170 Никто не осушит
Старческие. Не женись же!
Одумайся, друже!
Погляди: все зеленеет,
И дети в расцвете,
За что ж ты им, молоденьким,
Не дашь жить на свете?..
Нет, его так зависть мучит,
Что смотреть наскучит!
А Настуся с богословом
Заповеди учит.
180 Вот смотрите: в тихий садик

Вышли и гуляют,
Словно голубок с голубкой,
Вдвоем рассуждают.
А седого нету дома,
Вот они и рады
Порезвиться. Поглядите:
Около ограды
Стали рядком, любятоя
190 Один и другая.
В небе ангелы святые
На бога взирают,
Как те двое друг на дружку.
Вот голос Петруся.

Петро

Отчего ты не читаешь,
Скажи мне, Настуся?

Настуся. Что я, школяр, что ли? Не хочу — и все!

Петро. Хоть одну маленькую заповедь нынче вы-
200 учи, хоть пятую!

Настуся. Ни пятой, ни шестой — никакой не хочу.

Петро. Ну, так поп и не повенчает никогда, ежели не выучишь!

Настуся. Все равно, пускай не венчает.

Петро. А со мною?

Настуся. И с тобою пускай... Э, нет! Пускай повенчает!..

Петро. Так читай же! А то...

210 Настуся. А то... Что ты сделаешь?

Петро. Поцелую. Вот увидишь!

Настуся. Как хочешь целуй, а я читать не стану!

Петро (*целует ее и приговаривает*). Вот тебе раз!
Вот тебе два!

А сотник выглядывает из-за плетня и входит в дом,
не подав виду.

Настуся (*отбивается*). Хватит уже, хватит!
Скоро отец придет, надо вправду читать.

Петро. А! Теперь и читать!

Сотник (*выходит из дому*). Дети! Будет вам учиться! Не пора ли обедать?

Петро и Настуся молча идут в хату.

Сотник

(*один*)

- 220 Ученье, нечего сказать!
Ай да ребенок! Нет, Настуся!
Теперь я за тебя примуся,
Теперь, дружок, иная статья!
Пока сто раз не поцелует,
Читать не хочет! А бурсак!
Собачий сын, какой мастак!
Сейчас тебя я помуштрую —
Не то, что в бурсе!.. Помелом!
Чтоб... позабыл, где двери в дом!
- 230 Чай, свет велик, найдет дорогу!
Смотри-ка, пес какой, ей-богу!
Вот это вправду богослов —
Отца обворовал! Ну, чадо!
Как люди стали жестоки!..
А что творится за оградой?
Там снова, знать, ученики
Читают... Разогнать их надо.

-
- Такие-то отцы детям!
Для чего, скажите?
- 240 Посмеянье перед богом.
А туда же,— чтите,
Уважайте его, дети,—
Отец справедливый,
Отец мудрый! Хорошо им,
Сиротам счастливым,
Что отцов таких не знают
И в грех не впадают!

Настуся

(*выбегает заплаканная из дому*)

Не дает и пообедать,
В Киев прогоняет.

250 А, боже мой милостивый!
Где найти защиты?
Убегу с ним!

(Смотрит в хату.)

Замахнулся!
Ух, какой сердитый!
Не ударит... А я-таки
В Киев за Петрусем
Побегу, делай, что хочешь!
Я не побоюсь,—
Темной ночью идти буду...
260 А ведьма поймает?!
Нет, не страшно!

(Заглядывает снова.)

Бедняжечка!
Книжки собирает,
Шапку взял, мешок на плечи.
Прощай же, мой любимый,
Мое сердце!.. Так под вечер?
У заставы?.. Буду!
Раньше буду! Вот на, лови!
(Кидает через плетень цветок.)

Слышишь! Дожидайся!

Выходит сотник. Настуся поет.

270 «Не ходи, не ходи, не увивайся!
Не сватай, не пойду, не собирайся!»

С о т н и к

Спокойна! Будто не слыхала!
Хохочет и сорокой скачет.
Настуся! Что же ты не плачешь?
Ведь ты Петруся потеряла.

Н а с т у с я

Смотрите, вот еще печаль!
Ну и заплачьте, если жаль...

Сотник

Жалеть не буду.

Настуся

Что же мне

²⁸⁰ Жалеть — я вовсе в стороне;
А я уж заповеди знаю,
Все выучила!

Сотник

Все? Сама?

Настуся

Пускай хоть нынче проверяет
Горластый ваш отец Хома!

Сотник

Так, значит, свадьба в воскресенье?

Настуся

Нет, надо отговорить; терпенье!
Как отговоримся — тогда.

Сотник

(целует ее)

Моя пригожая голубка!

²⁹⁰ Моя ты ягодка!..

(Пляшет и приговаривает.)

«За селом

Вчетвером

Средь ночи ходила!

А в ночи

Идучи

Монисто забыла».

Настуся. Далось вам то монисто! Шли бы скорее к отцу Хоме да уговорились. Вот что!

³⁰⁰ Сотник. Правда, правда, мой цветик! Побегу ж я скоренько, а ты тут, моя любя, погуляй тихонечко!

Да уберись цветами! Да не жди меня, а то, может, останусь и на вечерню. (*Целует ее и уходит.*)

Н а с т у с я. Ладно, ладно! Ждать не стану.

Ждать не стану, ждать не стану,
Соберусь я раным-рано
Да в монисто уберусь,
Догонять пойду Петруся.

Обнимемся, поцелуемся, возьмемся за ручки, да и пойдем вдвоем прямо в Киев. Надо убраться цв³¹⁰ тами,— может, в последний раз! Ведь он сказал,— в Броварах и повенчаемся.

(*Убирается цветами и поет.*)

«Ой, пойду я не берегом — лугом,
Повстречаюсь с несуженым другом.
Здравствуй, здравствуй, несуженый милый!
Любились мы с тобой до могилы;
Любились мы, да не повенчались,
Только с горем, с печалью спознались».

Вот вспомнила какую! Чур ей, какая нехорошая! Побегу-ка я скорее. Прощайте, мои высокие тополя и ³²⁰ крещатый мой барвинок! (*Уходит.*)

Идет нетвердою стопой
Подпивший сотник, сам с собой,
В ночи, веселый, рассуждает:
«Пускай и наших люди знают!
Пускай и старый и горбатый,
А мы... Хе! Хе! а мы женаты!
А мы!..» Добравшись еле-еле,
Прокрался он к своей постели,
Чтоб Настю, вишь, не разбудить,
³³⁰ Постыдного не натворить.
Уже к *Достойно* отзвонили,
Уже народ идет домой,—
Не видно Насти молодой!
Насилу старца разбудили,
Растолковали: так и так!

Перекрестился наш чудак,
Коня отменного седлает
И скачет в Киев.— В Броварах,
Уже повенчана, гуляет
340 Его Настуся, не одна!
В усадьбу сотник мой вернулся,
Три дня, три ночи не вставал,
Ни с кем словечка не сказал,
Про свой позор не заикнулся.

.
.
Люди барыши считают,
А того не знают,
Что под старость поглупеют
350 И все растеряют
Вот так теперь и с сотником
Неразумным сталось:
Разогнал детей по свету,
А добро осталось,—
Добром не с кем поделиться.
И пришлось бесславно
Промотаться, разориться,
Счастья не доставив
Никому ни на копейку,
360 Притчей во языцех
Слыть в народе и в холодной
Горнице томиться
Под тулупом; никто близкий
Не натопит хаты,
Не подметет... Среди грязи
Слоняйся, горбатый,
Пока филин над стрехою
В окно не завоет,
А батрачка холодного
370 Трупы не накроет
Потрепанной овчиною,
Ключа от коморы
Из-за пояса не вынет...

Такое-то горе
С тем сотником приключилось.
Не прошло и года,
Как Настусенька пропала,
А на огороде
Не осталось и травинки,—
380 Телята да свиньи
Вытоптали... А барвинок
Крещатый да синий,
Потопанный, возле тына
Засыхает, вянет!
А хозяин сам в тулупе,
Опухший да пьяный,
Мимо клуни ковыляет.
А стога не крыты,
И горницы не мазаны,
390 Потолки не мыты,
И челяди нету дома,
И скот пропадает....
Даже грязная батрачка —
И та помыкает
Дряхлым паном... Так и надо:
Не гони ребяток,
Старый дурень! Мало прожил
На прежний достаток
Пьяный сотник. Еще лето
400 Люди пережили,
А к осени на улице
Сотника убили!
Или помер, возвращаясь
Из шинка. Не стали
Узнавать, как было дело.
И онучи взяли
Люди добрые, а старца
С честью схоронили
На лужайке. Крест поставить —
410 И тот позабыли.
Вспомнить горько: жил в достатке,
Есть родня и дети,
А вот крест ему поставить
Некому на свете!

Умер сотник, и хоромы
Сгнили, покосились;
Все пропало, все сгнуло.
Только сохранились
Тополя в пустынном поле:
420 Стоят, как дивчата,
Что из Оглава овечек
Водили когда-то.

[1849
Кос-Арал]

* * *

За солнцем облачко плывет,
Краснеет, полы расстиляет,
И солнце спать оно зовет
В морскую синь — и прикрывает
Розовую пеленою,

Как ребенка к ночи.
Любо глазу. Хоть часочек,
Хоть один часочек
Сердце словно отдыхает

¹⁰ С богом в разговоре...
А туман, как враг лукавый,
Закрывает море
И облачко розовое,
И тьму за собою
Он выводит, расстиляет,
И тьмою немою
Обовьет твою он душу,
И грустишь о свете —
Ждешь его, как мать родную

²⁰ Ожидают дети.

[1849
Кос-Арал]

* * *

Не домой спеша, расставшись
С кумой поздновато,
Не ложиться спать собираясь,
Вспомни, брат, меня ты!
А заглянет скука в гости
И забьется в угол —
Вот тогда-то на беседу
Позови ты друга.
Ты, живущего в пустыне,
10 Далеко над морем,
Друга вспомни веселого,
Как он спорит с горем,
Как свои скрывает думы
Он в сердце убогом,
Как он ходит, как он бродит
И молится богу,
Вспоминает Украину,
Тебя, друг сердечный!
Погрустить порой неплохо —
20 Не сильно, конечно,
А немножко... На дворе уж
Праздник наступает.
Горько тем, кто этот праздник
В пустыне встречает
Одиноко... Завтра рано
Звоном колокольным
Загудит вся Украина,

И люд богомольный
Хлынет в церковь... Завтра ж рано
30 Завоеет голодный
Зверь в пустыне, и задует
Ураган холодный,
И шалаш — мое жилище —
Закачает ветер.
Так, дружище, мне придется
Этот праздник встретить.
Как же быть? На то и горе,
Чтобы с ним сражаться!
И как станешь, друг-товарищ,
40 Грусти предаваться,
Прочитай мое посланье.
Знай — тяжкая доля
У того, кто прозябает
В пустыне, в неволе,
Да и там живут, хоть плохо,
Что делать? Не знаю.
Умереть бы! Так надежда,
Брат, не умирает!

[24 декабря 1848
Кос-Арал — 1849]

* * *

Не стану я печалиться,
Досаждая людям,
Уйду куда глаза глядят,
А там — будь что будет!
Выйдет счастье, так женюся,
А нет — утоплюся.
Никому я не продамся,
Внаймы не наймуся.
Пошел куда глаза глядят...
10 Счастье схоронилось,
Люди добрые о воле
И не говорили.
А без слова в далекую
Бросили неволю:
Чтоб и не всходило это
Зелье в нашем поле.

[1849
Кос-Арал]

* * *

Для чего же мне жениться?
Для чего венчаться?
Будут все тогда казаки
Надо мной смеяться.
«Вот, женился,— они скажут,—
Голодный и голый,
Загубил, мол, неразумный
Молодую волю!»

Да и правда. Что же делать?

¹⁰ Научите, люди.

Может, к вам идти мне внаймы?

Ладно ли то будет?

Нет, чужих волов не буду

Пасти, загонять я,

Нет, не буду в чужой хате

Тещу ублажать я!

А буду я красоваться

В голубом жупане,

На конике на вороном

²⁰ Перед казаками.

Найду себе чернобровку

В степи у долины —

Высокую могилоньку

Среди Украины.

На свадебку товарищи

Выйдут друг за дружкой

И вынесут самопалы

И выкатят пушку.
Как понесут товарища
30 В новую светлицу,
Заговорят самопалы,
Крикнут гаковницы.
Как положат атамана
Спать в той новой хате,
Тут заплачет, будто мать,
Пушка на закате.
Крик подымет, кликать станет
Долгий час в долине,
Славу разнесет повсюду,
40 По всей Украине.

[1849
Кос-Арал]

* * *

Ой, серые кричат гуси
У пруда во рву.
По всему селу гуляет
Слава про вдову.
Не так слава, не так слава,
Как тот разговор,
Что заехал запорожец
Ко вдове во двор.
С ней поужинал в светлице.
¹⁰ Мед-вино текли.
Вместе в хате на кровати
Почивать легли.
Не минула злая слава,
Даром не прошла:
Та вдовица-белолица
Сына родила.
Выпестовала сыночка
И в школу свела
И, из школы его взявши,
²⁰ Коня привела.
А коня ему купивши,
Седельце сама
Чистым шелком вышивала,
Золотом ткала.
И жупаном одарила
Красным дорогим.
Посадила на коника —

Гляньте-ка, враги!
Полюбуйтесь! — И повела
30 Коня вдоль села.
Да и привела к обозу,
В войско отдала...
А сама на постриг в Киев
В монашки пошла.

[1849
Кос-Арал]

* * *

«Если бы тебе досталось
Пожить вместе с нами,
Знал бы ты тогда, приятель,
Какими словами
Называть своих несчастных
Девушек-покрыток,
А то мелет чертовщину
И думает: мы-то!
Мы-то людям всем покажем
10 Этих бесталанных
И учтивости научим
Панычей поганных.
Жаль труда! Покуда баре
Власть имеют в селах,
Будет много собираться
Покрыток веселых
По шиночкам с солдатами».
«Не тревожься, братец!
Ладно, говорю! а все же
20 Побасенку нате,
Да последнюю, барчата!
Послушайте кстати!

Дивчата на лугу гребли,
А хлопцы сено в копны клали,
Да все на солнышко взирали,
Да всяческую чушь несли,

Ребьячась. Хлопцам, как сороки,
В ответ дивчата стрекотали
И часто к роднику спускались
30 В овражек глубокий.
Та, что красивей всех была,
Уже давно в овраг ушла,
Кувшин забрав, да и пропала,
А старосте — заботы мало,
Не видит будто. Не впервой
Лукавому кривить душой,—
Матерый пес да и смышленный.
Из балки вдруг донесся крик,—
На помощь хлопцы — в тот же миг:
40 И видят — в балке, разъяренный,
Насилье барский сын творит,
Дивчину бедную терзает.
Сердечная вопит, кричит;
Примчались хлопцы; не спасают,
Боятся пана. Тут один,
Юнец безусый, оглянулся
И — вилами пана!
Проколел его, как жабу...
Застонал поганый,
50 Да и умер. Пошумели,
В город весть помчалась:
Суд наехал, поглядели
И выпили малость
Судьи; в цепи заковали
Парня молодого
Да в острог замуровали.
Не молвив ни слова».

На шляху, в широком поле,
Корчма под ветлою
60 Стоит, в тени пристроилась, —
Ну, а под корчмою
В ряд колодничи расселись.
В тени приютиться
Позволили горемыкам,
Водицы напиться.

Вот сидят они, болтают,
Кто и засыпает.
Из-за горки поезжане
На шлях выезжают.
70 Их три тройки; и случайно
У корчмы той стали
Покормить коней усталых,
И дружки устали,
Распевая; вот и стали;
Встала молодая
И, горилки кварту взявши,
Пошла, оделяя
И невольников несчастных
И конвой унылый.
80 Вдруг взглянула, обомлела:
Боже, боже милый!
Меж колодников, закован,
Тот самый единый.
Ее мститель бесталанный
Несет с Украины
Кандалы в Сибирь глухую.
Тебя ж, молодую,
Будут холить, и не будешь
Ты слышать, тоскуя,
90 Его плача вседневного...
Потчевать не стала
Она мстителя святого
И не привечала —
Лишь взглянула на родного,
Не молвив ни слова.

Постояли поезжане
И — в дорогу снова.
И колодники за ними,
Цепями бряцая,
100 Потянулись. И настала
Тишина немая
Вокруг корчмы. Корчма одна
С хозяйкой осталась
При дороге. А над нею

Дымом расстилалась

Пыль дорожная.

И смерклось.

И век пролетает,

Не только день! На хуторе

¹¹⁰ Музыка играет

До полуночи. Подружки

Стлать постель в светелку

Двинулись... А молодая

Вышла втихомолку

И пропала... Ночь искали,

До свету искали

И не нашли! Где ж бедняга?

Где? Ушла, в печали,

За невольником убогим

¹²⁰ В сибирские дали...

[1849

Кос-Арал]

* * *

И тернистый и колючий
Путь на Украину.
Видно, я ее навеки,
Навеки покинул.
Верно, мне на Украину
Не вернуться боле?
Верно, самому придется
Мне читать в неволе
Эти думы? Боже милый,
10 Тяжело мириться
С этой жизнью, если сердцем
Не с кем поделиться!
Не дал ты мне, человеку,
Доли человека!
Я не знал ее вовеки!
Вовеки! Вовеки!
Не дал ты с девичьим сердцем
Моему сродниться!
Промелькнули дни и ночи
20 Темной вереницей,
Без любви, без радости
Они промелькнули
На чужбине! Не нашел я,
С кем бы подружиться.
И теперь мне даже не с кем
Словом поделиться!
Тяжело носить, о боже,

Сердцу молодому
Одному такие думы.
20 Никому родному
Не сказать святого слова,
И души убогих
Не радовать, и не корить
Человека злого,
И умереть!.. О господи!
Дай хотя бы глянуть
На народ порабощенный,
На мою Украину!

[1849
Кос-Арал]

* * *

Зацвела в долине
Красная калина,
Будто рассмеялась
Юная дивчина.
Любо, любо стало,
Пташка встrepенулась
И защебетала.
Проснулась дивчина
И, свитку накинув,
10 Из беленькой хаты
По травам несмятым
Спешит на долину.
Из роши зеленой
Выходит, встречая,
Казак чернобровый,
Целует, ласкает.
Идут по долине,
Идут, напевают,
Как деточек двое.
20 Пришли к той калине,
И заулыбались,
И поцеловались.

Какого мы рая
Еще ожидаем?
Рай перед глазами,
А мы в божьем храме

Бога умоляем:
Подай ты нам рая!
Сказал бы я правду,
30 Да что толку будет?
Себе лишь на горе,
А попам и людям —
Им все равно будет.

[1849
Кос-Арал]

* * *

И в самых радостных краях
Не знаю ничего красивей,
Достойней матери счастливой
С ребенком малым на руках.
Бывает иногда: смотрю я,
Любуюсь ею, и печаль
Охватит сердце вдруг; и жаль
Ее мне станет, и, тоскуя,
Пред нею голову склоню я,
¹⁰ Как перед образом святым
Марии — матери прекрасной,
Что в мир наш бога принесла...

Теперь ей все легко, все любо.
Она в ночи не спит, встает,
Свое богатство стережет,
И только ночь пойдет на убыль,
Она опять над ним, и губы
Любовно шепчут: «Вот он, вот...
Мой сын!» И за него с тревогой
²⁰ Молитву посылает богу,
На улицу выходит с ним —
По улице идет царицей,
Перед людьми добром своим,
Сокровищем своим гордится:
Мол, краше всех и лучше — мой!
И, если кто на сына глянул,—

Нет большей радости! Домой
Приносит своего Ивана
И думает, что все село
30 Ее лишь сыном любовалось,
Что вместе с ними все ушло
И ничего там не осталось.
Счастливая!..

Года проходят,
И дети взрослые уходят,
Кто в ту, кто в эту сторону:
На заработки, на войну.
И ты осталась сиротою,
И дома никого с тобою
40 Уж больше не осталось. Плеч
Укутать нечем. Стынет печь,
Нетопленная по неделям,
И встать не можешь ты с постели.
Но все — и думы, и мечты,
И все твои молитвы богу —
О них, о деточках...

А ты,
Другая мать глухой дорогой
Бредешь, боясь глаза поднять,
50 Великомученица-мать;
Несешь дитя, от всех скрывая.
Ведь пташка малая любая —
И та увидит и поймет:
«Вон девушка свой грех несет».

Бесталанная! А где же
Красота былая,
Та, которой любовались,
Девушку встречая?
Все взяло дитя родное,
60 Тяжкий стыд да горе.
Бесприютная, идешь ты
Из села в позоре.
Сторонятся все при встрече,
Как от прокаженной.
А сынок — такой он малый,
Такой несмышленый.

И когда еще он скажет,
Когда пролепечет
Слово *мама*. Великое
70 Слово человечье!
Подрастет, ему расскажешь,
Как была дивчиной,
Как тебя паныч лукавый
Обманул и кинул.
Ненадолго легче станет —
Срок не за горами:
В люди сын уйдет мальчишкой
Бродить со слепцами.
А тебя оставит нищей,
80 Чтоб собак дразнила,
Да еще и обругает,
Зачем породила
Да зачем в трудах и в поте
Растила, любила.
И любить, бедняга, будешь
До самой кончины.
А свою кончину встретишь
Где-нибудь под тыном.

[1849

Кос-Арал] —

[1858

Петербург (?)]

* * *

В светлый праздник на соломе
Крашенки катали
Дети на припеке в полдень
И хвалиться стали
Обновами. Той рубашку
С вышивкою сшили
К празднику. А этой — ленту,
Той тесьму купили.
Кому шапку из мерлушки,
10 Сапожки с подковкой,
Кому свитку. Лишь сиротка
Сидит без обновки,
В рукава ручонки прячет
И глядит уныло.
«Мне обнову справил батько».
«Мне мама купила».
«А мне крестная рубашку
Гладью вышивала».
«У попа я обедала»,—
20 Сиротка сказала.

[1849
Кос-Арал]

* * *

Бывало, думаю, гуляю,
Сижу за работой,
Все о милом вспоминаю
И страшусь чего-то.
Глупа была молодая
И все дожидалась —
Вот придет за мною сватов...
И не догадалась,
Что смеялся он над глупой.
10 А сердце болело,
Будто знало, что так будет,
Сказать не умело.
Если бы оно сказало,
Его не любила б,
К роднику тогда, быть может,
В рощу не ходила б.
А то утром и вечером
Ходила туда я...
Доходила. Одинокой
20 Вяну, увядаю.
Стареться в отцовской хате
Жребий мой проклятый,
А своих уже не будет
Ни двора, ни хаты!
Вот и нынче за работой
Сижу иль гуляю,
Все о милом вспоминаю

И сама не знаю,
Что я думала, зачем я
30 В рощу ту ходила?
И за что его так долго,
Так тяжко любила?

[1849
Кос-Арал]

* * *

Бывает, иногда старик
Негаданно помолодеет,
И пусть от пенья он отвык,
Но даже петь старик затеет...
И встанет ясно перед ним
Надежда ангелом святым,
И словно молодость к нему
Вернется и крылом своим
Его овеет. Что же с ним?
¹⁰ Чему же рад старик? Тому,
Что дело доброе задумал
Он, видите ли, совершить.
Вдруг совершит? Как славно жигь
Тому, кто и душой и думой
Умеет доброе любить!
Не раз он радоваться станет,
Не раз барвинком расцветет.
Не так ли вот в глухую яму
Святое солнышко заглянет,
²⁰ И в ней, глухой, на вызов тот
Трава зеленая взойдет.

[1849
Кос-Арал]

* * *

Не самому ль мне написать
Послание себе в отраду
И дочиста в нем рассказать
Все то, что надо и не надо.
Ведь не дождешься ты его,
Того писания святого,
И нет нигде живого слова,
И правды нет ни у кого!
Уж, кажется, и срок настал.
¹⁰ Уж десять лет свой круг свершили,
Как свой «Кобзарь» я людям дал,
А им как будто рот зашили.
Молчат, не споря, не кляня,
Видать,— и не было меня.
Не похвалы я жду от света,—
И без нее свой путь найду,—
А только доброго совета;
Да, верно, ссыльным я сойду
В могилу, прежде чем дождусь!
²⁰ Бывало, сердце так болело,—
О, боже правый, как хотелось,
Чтобы мне кто-нибудь сказал
Хотя бы слово; чтоб я знал,
Кому пишу я песни с жаром,
За что Украину люблю,—
Огонь святой не трачу ль даром?

Я, верно, прежде стану старым,
Чем буду знать, за что терплю.
Чтобы напрасно не томиться,
30 Пишу порою просто так,
А иногда седой казак
Почудится или приснится;
Усатый, видится он мне
На черном вороне-коне!
А больше ничего не знаю,
Хотя за то и погибаю
Теперь в далекой стороне.
Иль так судьба моя сложилась?
Иль богу мать не помолилась,
40 Как понесла меня,— что я
В степи, как лютая змея,
Лежу растоптан, издыхая,
Заката солнца ожидая?
Вот так живу я и терплю,
И смерти жду, в степи страдая.
За что? Ей-богу, сам не знаю.
А все-таки его люблю —
Простор Украины широкий,
Хотя там был я одиноким
50 (Ведь пары там я не нашел)
И вот до гибели дошел.

Пустое, братец, не томися!
Себя в железо ты закуй
Да хорошенько помолися,
На свет же, на людей наплюй,—
Они глупей капусты. Впрочем,
Ты, братец, поступай, как хочешь.
Есть ум, так сам все обмозгуй.

[1849
Кос-Арал]

* * *

Мы чванные, пустые люди,
Где б ни были,— везде и всюду!
А хвалимся, что вот-де мы
И над землею и водою,
И от дворцов и до тюрьмы —
Везде цари, а над собою —
Тираны — до того цари,
И на престоле и в неволе.
И это все — по доброй воле,
10 По воле разума горит,
Как бы маяк в открытом море,
То есть в житейском. Точно так
И в черепае, как на просторе,
Горит сияющий маяк,
А мы лишь масло подливаем
Да песни тянем, напеваем
И при удаче и в напасть.

Все сизокрылые орлы вы,
Пока вам горе не приснилось,
20 Хоть маленькое, хоть на час!
А там — опять в шинок спешите,
Под лавкой пьяные лежите.
И тот огонь святой погас,
И тот маяк уже не светит,
И свиньи, будто бы из клетки,
Как в лужу, в череп ваш бегут.

Ну, и прекрасно, что куют
Для вас железные оковы
И чарки в руки не дают
30 Или ножа, а то бы снова
Вы с горя напившись вина,
А после от тоски рыдали,
Родителей своих спьяна,
Своих вы крестных проклинали,
А после — нож... И потекла б,
Кровь потекла бы, как смола,
Из туши вашей поросячьей.
А после?..

[1849 (?)
Кос-Арал]

* * *

Мне золотую, дорогую
Свою судьбу совсем не жаль,
Не жаль мне долю молодую;
А все же иногда печаль
Найдет такая, что заплачу!
Когда еще, к тому впридачу,
Мальчишку встречу. Одинок,
Как с ветки сорванный листок.
Сидит он, прислонившись к тыну,
10 Одетый в рваную холстину,—
И мнится мне, что это я,
Что это молодость моя!
И мнится мне: в суровой доле
Он не увидит вольной воли,
Священной воли... И вот так —
Напрасно — прахом пролетят
Все лучшие его года.
Нигде не сыщет он привета
И, побродив по белу свету,
20 Пойдет батрачить... Ну, а тут —
Чтоб он не плакал, не грустил,
Чтоб как-нибудь пристроен был,—
Его в солдаты отдадут.

[1849
Кос-Арал]

* * *

.
Мы вместе некогда росли,
Друг друга мы детьми любили,
А наши матери твердили,
Следя за малыми детьми:
«Поженим их». Да вот скончались
Не в срок они, а мы расстались;
Как в детстве разлучились мы,
Да так и не встречались боле.

Меня по воле и неволе

¹⁰ Носило всюду! Принесло
Уже седым к родному дому.
Когда-то ясное село
Теперь казалось мне, седому,
Каким-то темным и немым,
Таким же, как я сам, седым.
Казалось (мне уж так казалось),
Ничто в селенье не менялось
За эти долгие года,

Все выглядело, как всегда:

²⁰ Равнины, тополи-раины,
Овраг и верба предо мной,
Склонившаяся над водой
Как бы под бременем кручины.
Вот пруд, плотина и ветряк
За рощей крыльями мелькает.
А дуб зеленый, как казак

Из рощи вышел и гуляет;
И темную листву свою
Раскинул сад над той горою,
30 Где старики мои в покое
Лежат в тени, как бы в раю.
Кресты склонились, позабыты,
Слова с крестов дождями смыты...
И не дождями, не слова —
Сатурн все начисто стирает...
Пусть со святыми почивают
Мои родители!.. «Жива
Оксана?» — К брату обращаюсь.
«Какая?» — «Маленькая та,
40 Что с нами некогда играла.
Кудрявенькую позабыл?
Ты что же, братец, грустил?»
«Да нет, я не грущу нимало.
Ушла Оксаночка в поход
С солдатами, да и пропала,
Вернулась, правда, через год,
Да вот беда: вернулась с сыном,
Острижена. Она в ночи,
Бывало, все сидит под тыном,
50 Кукушкой стонет и кричит
Или чуть слышно напевает
И словно косы расплетает.
Потом она опять ушла;
Куда ушла, никто не знает,
Ума лишилась и блуждает...
А что за девушка была,—
Красавица! Счастливой доли
Ей не дал бог, а может, дал...
Да только кто-нибудь украл
60 И обманул господню волю».

[1849
Кос-Арал]

* * *

Готово! Парус распустили;
Баркас с байдарой заскользили
Меж камышами в Сыр-Дарью,
Плывут по голубой дороге.
Прощай же, Кос-Арал убогий!
Два года злую грусть мою
Ты все же развлекал умело.
Спасибо! Сам себя хвали,
Что люди и тебя нашли
¹⁰ И знали, что с тобою сделать.
Прощай, мой друг! Твоей земли
Не славлю я, не проклинаю.
Быть может, вновь тоску узнаю,
Изведенную в этом крае,
Но от него уже вдали.

[1845
Кос-Арал]

* * *

Мы осенью и впрямь похожи
Хоть капельку на образ божий,—
Понятно, что не все, а так,
Хоть кое-кто.

Вот буерак,
Как бы цыган угрюмый, голый,
Что пал убитым или спит.
А по долине, по раздолью
Из степи перекаати-поле
10 Ягненком рыженьким бежит
К реке, чтобы воды напиться.
А реченька его взяла
И в Днепр широкий понесла,
А Днепр и дальше, на край света.
Былинку море покатило,
В чужой забросив стороне.

И былинку пожалеешь
И в тоске-кручине
Пойдешь себе, задумавшись.
20 Рощей по долине.
Плачут вербы и березы,
Тихо гнутся лозы...
Думы душу осаждают,
И капают слезы.
И так хочется открыться,
Каждого приветить;

И так хочется... о боже!
Жить на белом свете,
Говорить лишь правду людям,
30 Не делать им злого!

Благо, если ты родного
Не лишился крова,
Если есть под милым кровом
С кем промолвить слово.
И младенец бессловесный —
И тот угадает
Твои думы веселые...
Сам господь вещает
Непорочными устами.

40 А тебе, мой одинокий,
Мой друже единый,
Тяжело тебе и горько
На дальней чужбине.
Кто тебя приветит словом
Ласковым, желанным?
Распростерлась пред тобою
Трупом бездыханным
Помертвелая пустыня,
Кинутая богом...

[1849
Кос-Арал]

* * *

Считаю в ссылке дни и ночи —
И счет им теряю!
О господи, как печально
Они уплывают!
А года плывут меж ними,
И тихо с собою
Доброе они уносят
И уносят злое!..
И не спросят, все уносят
¹⁰ В дальнюю дорогу!
Не моли — твоя молитва
Не дойдет до бога.

Год четвертый — та же доля,
То же горе знаю,
И четвертую в неволе
Книжку начинаю
Вышивать и вышиваю
Кровью и слезами:
Разве можно на чужбине
²⁰ Выразить словами
Свое горе! Невозможно.
И не оттого ли,
Что нигде, нигде на свете
Нет слов в неволе!
Там нету слов, там нету слез,
На чужбине этой

Нет ничего. Даже бога
Вокруг тебя нету!
Нету никакой отрады
30 Для сердца и взгляда.
Жить душа твоя не рада,
А жить надо, надо.
Надо? Нужно, чтобы душе
Спастися недужной,
Да она того не стоит...
Вот для чего нужно
Жить на свете, носить эти
Кандалы-оковы:
Может быть, еще увижу
40 Украину снова...
Поделюсь еще, быть может,
Словами-слезами
С дубровами зелеными!
С темными лугами!
Хоть родни у меня вовсе
Нет на Украине,
Но там все же не те люди,
Что здесь, на чужбине!
Там я гулял бы над Днепром
50 По веселым селам,
Там я дал бы волю думам
Тихим, невеселым.
Дай дожить, дай посмотреть мне,
О боже мой милый,
На зеленые равнины,
Курганы-могилы!
А не дашь, так мои слезы
Родимому краю
Передай,— ты видишь, боже!
60 За него страдаю!
Может быть, мне на чужбине
Лежать легче будет,
Если там, на Украине,
Меня вспомнят люди!
Мои слезы передай ей,
Надеждой святою
Озари хотя бы душу.

Бедной головою
Ничего я не сделаю,
70 Даже сердце стынет,
Как подумаю, что, может,
Меня на чужбине
Похоронят, мои думы
Зароют со мною
И что позабыт я буду
Украиной родною.

А может, годы за годами
Пройдут, и, вышиты слезами,
Мои стихи когда-нибудь
80 К себе на Украину путь
Найдут... и чистою росой
Падут на сердце молодое,
Проникнув в молодую грудь,
И головою закивает
Мне кто-нибудь и зарыдает
Со мной, и за меня молить
Он станет бога, может быть.
Пускай как будет, так и будет.
Хоть плыть опять, хоть ковылять,
90 Хоть муку крестную принять
Мне доведется, все же буду
Страницы тихо вышивать.

[1850
Оренбург]

* * *

Считаю в ссылке дни и ночи —
И счет им теряю.
О господи, как печально
Они уплывают!
А года плывут меж ними,
И тихо с собою
Доброе они уносят
И уносят злое!..
И не спросят, все уносят
¹⁰ В дальнюю дорогу!
Не молись, твоя молитва
Не дойдет до бога.

В болотах тусклыми струями
Меж камышами за годами
Три года грустно протекли;
Всего немало унесли
Из горницы моей унылой
И морю тайно обрekli;
И море тайно проглотило
²⁰ Мое не злато-серебро, —
Мои года, мое добро,
Мои незримые скрижали,
На них в часы моей печали
Незримым я писал пером.
Пускай унылыми струями
Текут себе меж камышами

Года невольничьи... А я!
Таков обычай у меня!
И посижу, и погуляю,
30 На степь, на море погляжу,
Былое вспомню, напевая,
И в книжечке всю пишу
Как можно мельче. Начинаю.

[1850
Оренбург]
[1858]

* * *

Запели мы и разошлись
Без горьких слез, без слова.
Сойдемся ли мы снова,
Чтоб снова песни полились?
Сойдемся, может... Но какими?
И где? И запоем о чем?
Не здесь и, верно, не такими!
И не такую запоем!
И здесь невесело певали,—
¹⁰ И здесь печально время шло,
Но как-то все-таки жилось,—
Здесь мы хоть вместе тосковали,
Веселый вспоминая край,
И Днепр могучий, крутогорый,
И молодое наше горе!..
И молодой наш грешный рай!

[1850
Оренбург]

* * *

Не молилась мать за сына,
Поклонов не клала,
А так себе, как придется,
Меня пеленала,
Напевая: «Пусть растет он
Да здоровым будет!»
И вырос я, слава богу,
Да не вышел в люди.
Лучше мне бы не родиться
¹⁰ Либо утопиться,
Чем гневить в неволе бога,
Самому томиться.

А я ведь не казны богатой
Просил у бога! Только хату,
Лишь хатку мне б в родном краю,
Да два бы тополя пред нею,
Да горемычную мою,
Мою Оксаночку; чтоб с нею
Вдвоем глядеть с крутой горы
²⁰ На Днепр широкий, на обрыв
Да на далекие поляны,
Да на высокие курганы,
Глядеть и думать и гадать:
Когда тут землю люди рыли?
Кого-то в ней похоронили?

- И вместе тихо напевать
О рыцаре непозабытом,
О гетмане том знаменитом,
Которого живьем сожгли.
- 30 Потом бы мы с горы сошли
И над Днепром бы погуляли,
Пока не потемнели дали,
Пока мир божий не заснул,
Пока с вечернею звездою
Не встал бы месяц над горою,
Туман полян не затянул.
Мы б умилились, помолились,
А там бы ужинать пошли
В свою, а не в чужую хату.
- 40 Ты, господи, панам богатым
Даешь сады в своем раю,
Даешь высокие палаты,
Паны ж — и жадны и пузаты —
На рай твой, господи, плюют,
А нам и глянуть не дают
Из маленькой убогой хаты.

- В раю лишь хатку небольшую
Просил и до сих пор прошу я,
Чтоб умереть мне над Днепром,
50 Хоть на пригорке небольшом.

[1850
Оренбург]

ПЕТРУСЬ

Поэма

На хуторе с женою жил
Помещик — барин небогатый.
И дочь одна у них росла.
И вот, как только расцвела,
То генерал ее посватал.
Она красавица была,
А генерал был пребогатый.
Уж, видно, счастье бог послал
На хутор бедный... Их печали
¹⁰ Утешил. Как только могли,
Одели дочку — облекли
Да в воскресенье обвенчали,
И генеральшею назвали,
И цугом в Киев повезли.

И был на хуторе у пана
Безродный мальчик — пас свиной.
Петрусем звался; он приданым
Пошел за панною своей —
У генерала средь полей
²⁰ Пасти свиной, босой и рваный.

За балом бал у генерала,
За генеральшей хвост немалый
И знатных бар и барчуков:
Ей каждый услужить готов.

Она ж ночами плакать стала:
«Мать сделала меня несчастной,
В богатстве гибнет понапрасну
Краса и молодость моя».
«Ты плачешь, милая?» — «Кто? Я?»
30 Нет, я не плачу...» — «Знаешь, Маня?
Здесь в городе теперь армяне:
Купи себе цветную шаль».
«Не нужно никакой мне шали!»
«Не изводи себя в печали!
Купи, голубка! Не печаль
Ты сердца моего. Весною
В Париж поедem мы с тобою
Или в именье к нам, в село,
Как ты сама захочешь».

40 Вскоре
Прошла зима; подкралось горе
Да в самом сердце улеглось
Змеей у юной генеральши.
Уехали зимой пораньше;
Балы в именье веселей,
А генеральша все тоскует,
А генерал того не чует,
Что все заметили в селе.

Вот раз, не усидевши дома,
50 С тоски одна гулять пошла
И за околицу зашла.
И видит, мальчуган знакомый
Там по жнивью пасет овец.
«Ох, горе извело вконец!
Покою нет мне с самой свадьбы!
Петрусь?» — «Петрусь я, свинопас».
«Идем, Петрусь, ко мне в усадьбу;
Там будешь жить, как жил у-нас
На хуторе...» — И побледнела,
60 И грустно, грустно так глядела!
Ведь одинешенька-одна
Век девичий свой вековала.
За старика за генерала
Насильно выдали ее,

Продали, пропили — и все...
Не выдержала, зарыдала.
«Со мною в сад гулять пойдем.
Пойдем в наш дом. Я буду рада».
«А кто ж здесь будет пастухом.
70 Стеречь, пасти овечье стадо?»
«Пускай кто хочет». Повела
Его в палаты, а в палатах
Одежу новую дала,
А после в школу отдала.
И любо ей. Пусть будет рада,
Пока надежда — ей награда,
Пока из этого зерна
Растет иль куколь, иль пшеница,
Ведь мы не знаем, что творится
80 Там в сердце. А оно ведь нам
Не выдаст тайны. Если б знала
Мать участь горькую твою,
Не отдала б за генерала
Единственную дочь свою.
Не отдала б... Хотя не знаю...
Любые матери бывают...

Проходят дни. Петрусь на воле
Все ходит в школу да из школы,
Читает книжки да растет,—
90 А генеральша молодеет,
И генерал доволен ею
И радуется в свой черед,
Что дело доброе свершили.

Петра на волю отпустили.
И скоро с барского двора
Зимою увезли Петра
Учиться в Киев. Обучили.
Вернулся к пани наш Петрусь,
Стал зваться Петр и стал паныч,
100 И кудри длинные до плеч,
И над губами черный ус.
И... но об этом дальше речь.
Успеем рассказать потом

О грезах и о снах Петровых.
А генеральше чернобровой
Что грезится? Об этом мы
Сейчас расскажем.

- Пред образом, перед пречистою
Лампада ночью зажжена.
110 Одною думой смущена,
Молилась пани и нечистую
Горячую слезу лила.
Молила деву пресвятую,
Чтобы она ее спасла,
Ей обезуметь не дала,
Пренепорочная. И все —
Молитва ей не помогла:
Сердечная ума лишилась;
Она, бедняга, полюбила
120 Петра, Петруся... Где покой
Души невинной, молодой!
Бороться не хватает силы!
Любовь ума ее лишила.
Да как одной прожить, святые,
Свои годочки молодые?
Их не вернуть! Ты на ходу
Перескочи через беду,
Не то задавит! Генеральша
Не справилась с своей бедой,
130 Хотелось жить ей, молодой!
Хотелось... Густая каша,
Да каша, видно, та не наша.
У нас несолёный кулеш,—
Как хочешь, так его и ешь.

- «Петрусь! Сынок мой! Друг мой милый!
Спаси меня! О дай мне силы!
Из сердца выгони тоску!
О мать божия! Раскуй
Мою ты душу!» — И рыдала,
140 Отца и мать — все проклинала
На белом свете. А Петрусь,
Невинный сын ее приемный,

В саду в аллее полутемной
Один скитался поутру,
Мурлыча арию. Не знала,
Что делать пани, все страдала,
Все мучилась: ну как ей быть
И что поделать ей с собою!
Проститься с жизнью молодою,
150 В колодец броситься, разбить
О стену голову...
«Поеду в Киев, там, быть может,
Мне облегченье принесет
Молитва пресвятая... Боже,
Меня молитва не спасет!
Я брошусь в Днепр,— он мне поможет».

Молите господу, дивчата,
Чтоб не могли вас так просватать.
Чтоб замуж мать не отдала
160 За генерала, за палаты
Насильно вас не продала.
Влюбляйтесь, милые, весною!
На свете есть кого любить
И без корысти. Молодою,
Пренепорочною, святою
И в тесной хате будет жить
Любовь простая ваша, будет
И средь могильной темноты
Стеречь покой ваш. Что же будет
170 С превосходительной? Что ж ты,
Что ж сделаешь теперь с собою,
С своею божьей красотою?
Кто охранит покой твой, сон,
Украденный твоим Петрусем?
Иль сам архистратиг? И он
Не охранит теперь. Боюся,
И рассказать боюсь теперь
Твое грядущее...

Ты в Киев ездила, молилась
180 И у Почаевской была,
Да не спасла она от зла,—
Не помогла святая сила.

Ты долго плакала, молилась
И бросила. И увезла
Змею на сердце — не отраду,
Да в пузырьке немного яду.

Три дня не ела, не пила
И не смыкала глаз три ночи,
И карие ввалились очи,
190 И губы ссохлись, и, шепча,
Смеясь, в ночной бродила час.
Неделю так себя томила,
А после яду развела
И генерала напоила,
И спать, управившись, легла.
«Могила старому готова,
А я приму здесь молодого
Да буду жить себе да жить,
Петруся милого любить»,—
200 Подумала или сказала,
Хотела спать, глаз не смыкала,
Ждала рассвета и дожить
До света божьего боялась.

И колокол ударил глухо,
Гудит заупокойный звон;
Среди народа ходят слухи,
Народ спешит со всех сторон
Проститься с паном. Гул гудит,
Народ к покойнику валит.
210 Все шепчутся про отравленье.
Не иначе — судейских ждут.
Вот все притихло на мгновенье.
Приехали; ножи берут
И тело мертвое вскрывают,
И в животе находят яд.
Народ толпою присягает,
К допросу приступает суд:
«Теперь скажите, христиане,
Кто отравил его?» Гудят,
220 Как звон далекий: «Пани, пани!» —
В один все голос говорят.

Тут на крыльцо Петрусь выходит —
И говорит при всем народе:
«Один я отравил его,
Не знаете вы ничего».
И вот Петруся молодого
Забрали, заковав в оковы,
И тут же в город увезли.

Его недолго продержали
230 В тюрьме, в суде, и в добрый час
В оковы крепко заковали,
Да и обрили про запас.
Так, снаряжен к дороге дальней,
Петрусь в цепях под звон кандалный
Пошел в Сибирь...

[1850
Оренбург]

* * *

Мне кажется,— но сам не знаю,—
Впрямь человек не умирает,
А под личиною иной
Он, обернувшись свиньей,
Весь погрязает в мерзкой луже,
Как раньше погрязал в грехах.
И правда, так! Кому он нужен,
Удел бездомных и бедняг!
Они самим забыты богом!
¹⁰ Как помогу, коль не помог он?
А богачи? Ужель в хлевах
Откармливают их на сало?
Наверно, так! Добра немало
Они на землю принесли:
Здесь слезы реками текли,
А кровь — морями. Люди знают,
Кому утробу набивают.
Скажи — в погоне ли за славой
Им нужен был поток кровавый?
²⁰ Не для себя ли? Нет, для нас!
И мир для нас они громили,
Пока их в хлев не засадили.
Когда б не так, их свинопас
Попрежнему бы пас, проклятых!
Где ж ваша слава? На словах!
Где ваше золото, палаты
Да власть великая? В гробах —

В гробах, повапленных руками
Таких же палачей, как вы...
30 Вы жили лютыми зверьми,
А стали свиньями!..
Где ж ты,
Пророк, что сделался святым,
Великомученик? Ты с нами,
Ты, присносуший, всюду с нами
Витаешь ангелом святым.
Ты с нами говоришь, не споря,
Тихонько-тихо... про любовь
Про бесталанную, про горе
40 Или про бога и про море,
Про даром пролитую кровь
На плахах злыми палачами.
Заплачешь горько перед нами —
И мы заплачем... Ведь жива
Душа поэта — и, святая,
Она горит в его речах,
И мы, читая, оживаем
И слышим бога в небесах.

Тебе спасибо, друг мой бедный,
50 За то, что лепту разделил
Единую свою... Пред небом
Ты много, много заслужил.
Ты переслал ко мне в неволю
Поэта нашего... на волю
Ты будто двери отворил!
Спасибо, друг! Я почитаю
Немного... Сердцем оживу...
Спяť надежду окрыляя,
Тихонько-тихо напевая,
60 Я бога богом назову.

[1850
Оренбург]

* * *

Когда б вы знали, барчуки,
Где люди плачут от тоски,
То вы б элегий не писали
И бога зря не восхваляли,
К слезам бездушно жестоки.
За что, не знаю, называют
Там в роще хату тихим раем:
Я в хате мучился и рос,
И горечь самых первых слез
¹⁰ Я там изведаль. И не знаю,
Такое есть у бога зло,
Чтоб в эту хату не пришло?
А хату раем называют!

Нет, хату я не называю
В укромной роще милым раем,—
Там, над прудом, в конце села.
В ней мать моя мне жизнь дала
И, пеленая, напевала —
Свою тоску переливала
²⁰ В дитя родное... В том краю
Я вырос в хате, и в раю —
Я видел ад... Там гнет, забота,
Неволя, тяжкая работа
И помолиться не дают.
Там ласковую мать мою
Работа с горькою нуждою

- Свели в могилу молодую.
Там, как стряслась у нас беда,
Наплакавшийся с нами вволю
30 Отец не вынес горькой доли,
В неволе умер. И тогда
Мы, как мышата, кто куда
Поразбежались. И при школе
Таскал я воду, братья там
Мои на барщину ходили,
Пока в солдаты не забрили.
А сестры! Сестры! Горе вам,
Мои голубки молодые!
Не тяжко ль вам на свет глядеть?
- 40 Росли в батрачках, всем чужие,
В батрачках сгорбитесь, седые,
В батрачках вам и умереть!

- Доныне вспоминаю с дрожью
Ту хату на краю села!
Такие мы творим дела
В своем раю, великий боже,
На праведной земле твоей,—
Мы ад устроили на ней,
А молим о небесном рае.
- 50 Мы с братьями живем в ладу:
На них мы пашем в том аду,
Их потом землю поливаем.
А может быть, и то... не знаю,
Но, кажется, и сам еси...
(Ведь без твоей, господней, воли
Не знали б райской мы неволи!)
Ты, может, сам на небеси
Смеешься, господи, над нами
Да совещаешься с панами,
- 60 Как править миром? Ведь взгляни:
Вон роща, а в ее тени,
Как холст разостланный, сверкает
В зеленой чаще светлый пруд.
И вербы зеленеют тут,
Тихохонько в пруду купают,
Склоняясь, ветви... Правда, рай?

А расспроси-ка и узнай
Всю истину об этом рае!
Там, верно, радость и хвала
70 За дивные твои дела
Тебе единому, всевышней!
Как бы не так!.. Хвалы не слышно,
Лишь кровь, да слезы, да хула —
Здесь только это мог узнать я...
Святого нет, хула всему...
Мне кажется, уже проклятья
Шлют люди богу самому!

[1850
Оренбург]

* * *

- Бывает, в неволе мечтать начинаю
О собственном прошлом. Не знаю, не знаю,
Чем хвастаться, право, хоть жизнь я видал,
Хоть все-таки богу хвалы воздавал.
Не знаю, не знаю... яви ты мне милость —
Напомни мне, боже! И бог натолкнул
На такие страсти, что я и заснул,
Молитвы не кончив... И вот мне приснилось
(По-свински уснувши, спокойно не спишь) —
- 10 Приснились мне будто курганы-могилы.
Я пасу ягнят, а сам я малыш.
Смотрю, а могила разверзлась, и вижу,
Из нее выходит как будто казак,
Уже седоусый, в морщинах... да так
Прямо и шагает на меня... все ближе...
Я перепугался (малым был) и вмиг,
Как шенок, свернулся. А меня старик
С земли поднимает и несет в могилу.
Она еще шире, страшнее раскрылась.
- 20 Гляжу, а в могиле лежат казаки:
Один — безголовый, другой — без руки,
А третий — безногий. Кто их сосчитает?
Словно в теплой хате, хлопцы отдыхают.
«Дитя мое, видишь, лежат казаки,—
Сказал седоусый.— По всей Украине
Могилы-курганы красуются ныне,
Такие ж курганы, и все высоки,

Начинены нашим трупом благородным,—
Нашими телами. Это — воля спит!

- 30 Легла она славно, легла со свободным
Казачеством нашим! Видишь, как лежит,
Будто спеленали! Тут пану не место!
Все мы жили вольно, на равных правах,
Все мы тут за волю полегли во прах,
Все мы и восстанем, да богу известно,
Когда это будет. Смотри, сиротина,
Смотри да запомни, а я расскажу,
За что Украина зачахла невинно,
За что я в могиле казацкой лежу.

- 40 А вырастешь, людям поведай причину.
Так вот, сиротина!..» — И снова ягнята
Приснились мне в жите. Приказчик бежит
И будто колотит меня он, проклятый,
Одежу срывает... Все тело болит,
Лишь сон этот вспомню... А только припомню
Казака седого в могиле той темной,
И сам я не знаю, то правда иль так —
Одно наважденье. Но мне тот казак
Рассказывал вот что:

- 50 «Не знаю, как теперь живут
Поляки-братья с казакáми.
Мы жили с ляхами друзьями,
Покуда Третий Сигизмунд
В союзе с лютыми ксендзами
Нас не поссорили... Вот так
Случилось то несчастье с нами!

Во имя господá Христа
И матери его святейшей
Лях встал на нас войною злейшей.

- 60 Святые божии места
Ксендзы-злодеи оскверняли.
Весь край казацкий запылал,
И весь он кровью истекал,
В степях курганы выростали,
Как будто горы чередой
На нашей, сын, земле родной!

Я жил на хуторе...¹
Был стар я, немощен. Послал
Я табунок коней к обозу,
70 Мушкеты, пушку и два воза
Пшена, пшеницы, что собрал.
Я все пожитки передал
Своей Украине. Пряча слезы,
Трех сыновей послал. Пускай,—
Я, грешный, думал— боже, боже!
Хоть лепта и скудна, но все же
Пойдет за наш родимый край,
За церковь, за народ, покуда
Я тут за всех молиться буду,
80 Коль сам я слаб, не в силах встать
И руку на врага поднять!..

Нас дома трое лишь осталось:
Данило, мой подручный, я
Да Прися, доченька моя.
Она лишь только подрастала,
Лишь созревала, наливалась,
Моя черешенка!.. Не дал
Мне дочерью налюбоваться
Святой владыка,— может статься,
90 За прежние грехи карал
Меня, седого!..

Не ходили
Ксендзы, а люди их возили,
Как кони, из села в село.
Творилось этакое зло!
Однажды ночью их, проклятых,
Ко мне на хутор занесло.
Разнузданная челядь — каты,
Драгуны с ними... Дай же мне
100 Когда-нибудь, мой боже милый,
В твой мир вернуться из могилы —
Изжарю шляхту на огне!
Не трепещи, сынок мой, в страхе...
Все изверги-ксендзы, все ляхи

¹ Далее в рукописи вычеркнуто полторы строки.

Перепились и Присю — хватя!
И с нею заперлися в доме.
А пьяная вся челядь спать
Свалилась в клуне на соломе.
Драгуны тоже... Мы с Данилой
110 Соломы в сени наташили
И дом и клуню подпалили.
Проклятым больше уж не встать,
Детей казачьих не терзать!
Мы катов в пепел превратили.
Но Прися, бедная моя,
Сгорела с катами... А я...
На пепелище водрузили
Мы крест с Данилой, помолились,
Поплакав, боль перемогли,
120 Да на коней, туда — к обозу!
Трех сыновей моих нашли,
Да, в добрый час, и полегли
Все вместе тут!..

.
А как мы бились, умирали,
За что мы головы теряли,
За что — в курганах?.. Поживешь —
Дознаешься, быть может, тоже.
Ведь слава-то грохочет все ж
О наших головах... Быть может,
130 И про курганы и про нас
Калики-лирники по селам
Правдивой думой невеселой
Расскажут людям...»

[1850
Оренбург]

* * *

И станом гибким и красою
Пренепорочно-молодою
Я старый́ взор свой веселю.
Бывает так, что я смотрю,—
И — дивно! — как перед иконо́й
К тебе свою молитву шлю.
И жалко, старому, мне станет
Твоей девичьей красоты.
Что с нею делать будешь ты?
10 На белом свете кто же станет
Святым хранителем твоим?
Где тот, кто на тебя повеет
Отрадой в горести, в беде?
Кто охранит тебя, согреет
Огнем сердечным? Кто он? Где?
Ты сирота. Кто, кроме бога,
Тебя согреет хоть немного?
Молись же, сердце. Помолюсь
И я. Но некое прозреньё
20 Вдруг наступает: ясно зреньё,
И я молитвы не творю,
И на тебя я не смотрю.
Мне снится: матерью ты стала,
И вот передо мной предстало
Не в бархате твое дитя...
И вянешь ты. А дни летят,
Все увлекая за собою.

Надежда — скрылась и она,
Ты на земле, как перст, одна.
30 Своей обласкана судьбою
Была ты, только и всего,
Пока дитя твое росло,
Покуда силы набиралось.
Оперилось — и ты осталась
Стара и немощна. Людей,
Людей бездушных умоляешь
И Христа ради простираешь
У глухо замкнутых дверей
Худые руки.

40 Вот так же иногда тобою,
Тобою, сердце, молодою,
Свой старый взор я веселю.
На стан твой гибкий я смотрю,
Молитву богу посылаю,
Я небо за тебя молю.
Молись и ты, моя родная,
Пока еще твою судьбу
Святое небо не решило.

[1850
Оренбург]

* * *

Огни горят, оркестр играет,
Оркестр рыдает, завывает.
Алмазом ясным, дорогим
Сияют очи молодые,
Блестят надежды золотые
В очах веселых,— любо им,
Очам негрешным, молодым.
И все хохочут, все смеются,
И все танцуют. Только я
10 Гляжу, и слезы тихо льются.
О чем, о чем же плачу я?
О том, быть может, что тоскливо,
Как день дождливый, сиротливый,
Минула молодость моя.

[1850
Оренбург]

* * *

Неволя, или горе злое,
Иль пролетевшие года
Разбили душу? Иль с душою
Я вовсе не жил никогда?
А жил с людьми и опаскудил
И душу чистую?.. А люди!
(Смеются люди без стыда.)
Зовут ее и молодою,
И непорочной, и святою,
¹⁰ Как вздумают... Из вас любой —
Мой враг! И лютый! Вы украли
И в грязь поганую втоптали
Алмаз мой чистый, дорогой —
Мою вчера святую душу!
А вам смешно! Не христиане!
От вашей грязи я заране
И грязным стал, и не узнать,
Бывал я чистым или не был,
Когда меня на землю с неба
²⁰ К себе вы взяли и писать
Стихи дрянные научили!
Вы на дороге положили
Тяжелый камень и разбили
О камень, гдспода страшась,
Мне сердце, ставшее убогим,
А в прошлом чистый мой алмаз!

Теперь иду я без дороги,
Без троп проторенных... А вы
Удивлены, что спотыкаюсь,
30 Что вас и долю проклинаяю.
И плачу тяжело, и, как вы...
Души измученной чуждаюсь,
Своей несправедливой души!

[1850
Оренбург]

* * *

Какого дьявола я трачу
Бумаги столько, перья, дни!
А то, бывает, и заплачу,
Да как еще! Но не одни
Дела мирские тут причиной;
Я плачу, словно старичина,
Который, выпив, слезы льет,
Что в мире сиротой живет.

[1850
Оренбург]

* * *

Все снится мне: вот под горою
Белеет хатка над водою,
В тени под вербами стоит.
И все я вижу: дед сидит
Совсем седой и забавляет
Дитя кудрявое, ласкает
Родного внучка своего.
Все снится мне: неторопливо
Выходит мать, смеясь счастливо,
10 И деда и дитя свое
Три раза весело целует,
Малютку кормит и милует,
И спать несет; а дед сидит,
Тихонько молвит, улыбаясь:
«Да где же это доля злая?
Печали эти да враги?»

И старый шепотом читает,
Перекрестившись, *Отче наш*.
Сквозь вербы солнышко сияет
20 И тихо гаснет. День погас,
Все смолкло. Помолившись богу,
Побрел себе и дед к порогу.

[1850
Оренбург]

* * *

Опять настало время злое!..
А было доброе такое;
Мы собирались расковать
Своим невольникам оковы...
Но глянь!.. Опять струится кровь
Мужичья! Палачи в коронах,
Как псы голодные, за кость
Грызутся снова.

[1854 (?)

Новопетровский форт]

СОЛДАТОВ КОЛОДЕЦ

Поэма

*Я. Кухаренко на память
7 мая 1857 года*

Не на Украине, а далече,
Там, за Уралом, за Елеком,
Один старик, бывлой варнак,
Мне рассказал однажды так
О том солдатовом колодце,
А я, тоскуя, записал
Да потихоньку срифмовал
Без ухищрений, как придется.
(Конечно, крадено!) Послал
¹⁰ Тебе рассказ на вспòмин вечный,
Мой друг единственный, сердечный!

I

Однажды, в год большой зимы,
То было при Екатерине,
Тот памятный колодец ныне
Солдат нам выкопал, а мы
О нем расскажем по порядку,
Такую повесть и в тетрадку
Не худо будет записать,—
Она еще жива в народе,

- 20 И все в ней правда, так сказать.
Пишите, значит,— был колодец...
Нет, не колодец, а село —
Пишите! — в старину цвело
Между садами, при долине,
У нас-таки, на Украине;
То было божие село,
 И в том селе вдова жила,
 И дочка у вдовы росла
 И сын-малолеток.
- 30 Ништо иметь деток
Богачам; хвалить им бога
Трудно ль! А убогой
И двух деток много.
Ну, словом, так вдове досталось,—
Едва не пропала.
Думала идти в черницы,
Удавиться, утопиться,—
Так жаль ей малых деток стало.
Известно, мать! что и сказать!
- 40 Да, может, ожидался зять:
Уже Катруся подрастала
(Катрусей дочь вдовы звалась),—
Что ж ей без пары вековать,
Напрасно молодость теряя?
За то одно, что сирота?
А красота-то, красота!
О богоматерь пресвятая!
А работающая какая,
А тихая! Вишь — сирота,
- 50 А всем на радость вырастала;
Из хаты выглянет, бывало,—
Так смотрит цветик под росой,
Так солнце из-за туч блистает:
Застыну, будто неживой
Стою, бывало... Кара злая,
 Годы, сын мой, муки,
 Кандалы — всё это
 Сил моих не утомило...
Сгину так со света,

60 Так и сгину. Ведь смотри-ка:
Смерти ожидаю,
А рыдаю, как ребенок,
Когда вспоминаю
Катерину. Слушай, сын мой,
Друг мой на чужбине!
Все записывай, что слышишь,
Да на Украине,
Если быть там придется,
Всем скажи, пусть знают,
70 Что здесь дьявола ты видел
Своими глазами...

II

Так, видишь ли, девица та
Росла себе; и у хозяев
(Сироты, говорят, лентяи.
Неверно!) вырос сирота
Прилежный. Хоть жилось не сладко,
Однако завелись достатки.
Работая и так и сяк,
Поднакопил батрак деньжат!
80 Одежу справил для порядка.
Да не отсель, да не отголь,
Сад небольшой купил и хатку,
Сказал спасибо за хлеб-соль
И за науку добрым людям
Да к вдовьей дочке прямиком
Тотчас же и пустился;
Не как богатый,— не рядился
Со сватами, договорился
Без торга всякого с пбпом.
90 И обвенчался сиротина
На диво всем — за три полтины,
Так, попросту, как привелось...
Вот тут-то, голубок мой сизый,
Все тут-то зло и началось.

Уж после покрова я с Дона
 В село спешил к себе и снова
 (Уж я два раза посылал
 За полотенцами к той Кате)
 Послать и в третий замышлял,
¹⁰⁰ Да получилось так,— некстати
 Я с чумаками да с волами
 На свадьбу Катрину попал.
 Пропало, все добро пропало,
 И ни щетинки не осталось...
 Пропал и я, хоть пить не стал.
 Зато «кобылу» я узнал.
 На свете горя много, сын мой,
 Но вот такого, мой единый,
 Такого лютого никто
¹¹⁰ Не видывал, не ведал горя,
 Как я, лукавый. Той порою
 Обсохли очи у вдовы.
 Как бы у бога за дверями,
 У зятя да сына
 Старая покой находит;
 Да от Катерины,
 Дочери своей единой,
 Взора не отводит!
 А мне с пьяницами дьявол
¹²⁰ Душу хороводит...
 Пропил все! Запродал душу,
 И душу и тело:
 Тело — палачу, а душу...
 Господи! на белом
 Свете жить бы так хотелось...
 Да учиться. Дети
 С малых лет должны учиться,
 Как нам жить на свете,
 А не то придется туго!
¹³⁰ Я не знаю, друг мой,—
 Сатана мне козни строил,
 Взят я был недугом,
 Иль меня толкнул на это

Черт, судьбина злая?
Так и до сих пор не знаю,
Ничего не знаю;
Знаю только, что был трезвый.
Уж тогда мне в глотку
Ни меды, мой сын, не лезли,
¹⁴⁰ Ни вино, ни водка!
Вот как это все случилось:
Мать, отец скончались,
Схоронили их чужие,
А я все скитаюсь,
Прячусь всюду, как Иуда,
Что людьми отринут
И навеки проклят богом,—
Дьявол меня двинул,
Чтобы я, подкравшись ночью,
¹⁵⁰ Максимову хату
(Ведь его Максимом звали,
Вдовиного зятя)
Подпалил! Сгорела хата,
А душе проклятой
Не найти покоя, друже
И единый брат мой,
Не сгорела, а осталась
И доньне тлеет.
И когда она дотлеет,
¹⁶⁰ Когда свет покинет?
Бог весть.

IV

Умерла с испуга
Скоро Катерина;
А Максим на дом сгоревший
Да на пепелище
Поглядел: чем тут поможешь!
Только ветер свищет
И в трубе и в дымоходе...
Что на свете делать?

- 170 С чего начать, за что приняться?
Подумал и, перекрестясь,
Пошел в работники рядиться,
Чтоб вновь с голодной долей знаться.
Вдова осталась не одна,
А с сыном; осенью жениться
Ему советовала мать.
Да стой! От матушки-царицы,
Да прямо-таки из столицы,
Пришел указ,— в солдаты брать;
- 180 И в первый раз такой указ
Дошел с Московщины до нас,—
На Украине ведь, бывало,
Охстою в казаки шли;
А в пикинеры, правда, брали,
Да все ж охочих. Как тут быть? —
Всем обществом совет держали,—
Кому в солдатах послужить?
И надумали все вместе,
Кто в селе поплоше...
- 190 Взяли сына у вдовицы —
Им он не годится —
Да и повезли к приему.
Вот ведь что творится
Здесь на свете,— вот-то правда
У людей, мой сыне!..
Я думаю, что доселе
Так на Украине;
Правды лучшей и не будет
Там, где в рабстве люди.

V

- 200 Через год как раз большая
Зима наступила:
Не растаял снег в апреле,
В логах все белели
До троицы снега,— тогда
И Очаков брали
Солдаты, а Запорожье

Раньше разогнали.
Кош весь рыцарский разбрелся...
А уж что за люди
210 Были эти запорожцы!
Не было, не будет
Им подобных!

Под Очаков

Гнали и Максима;
Там-то был он искалечен
И на Украину
Возвращен с отставкой чистой:
Правую, вишь, ногу,
Левую ли подстрелили.
220 У меня тревога
Началася: снова злая
Гадина впилася
В сердце самое, вокруг тела
Трижды обвилася,
Словно Ирод. Что тут делать?
Я хожу в тумане,
А Максиму, знать, хромому
Ничего не станет:
На костыль опершись, бродит,
230 Обо мне не знает;
А в Христово воскресенье
Мундир надевает
И медаль и крест прицепит,
Косу заплетает,
Да еще мукой посыплет...
И досель не знаю,
Для чего тогда солдаты
Косы заплетали,
Как дивчата, да мучицу
240 Даром рассыпали?
Так себе то было, в шутку
Или на забаву?!
Вот, как генерал, бывало,
Наш Максим на славу
Нарядится в воскресенье
Да приковыляет
В божий храм и там, на клирос

Ставши, распевает
Он с дьячком, а то так выйдет
250 Да и прочитает
Апостола среди церкви
(Учился в солдатах
Он читать). А все ж какой-то
Он чудаковатый.
Хоть трудился, работающий;
Ни на что сурово,
Тихий, добрый, он не глянет.
Никому дурного
Он не сделает вовеки,
260 Не зацепит словом.
«Счастье людям и несчастье,—
Говорит,— от бога
Вседержителя; без бога
Ведь ни до порога.
Был Максим на белом свете
Добрый вон из ряда;
А я,— как тебе промолвлю,
Ты, моя отрада!
Я... убил!.. Ох, погоди ты,
270 Отдохнуть мне надо,
Да тогда уж...

VI

Говоришь ты,
Что видал колодец
Тот солдатов? Что и ныне
Из него пьют воду?
Крест, вишь, около дороги
И досель господень
Там стоит на перекрестке...
А не рассказали
280 Ничего тебе там люди?
Уж повымирили
Те свидетели, те люди,
Праведные люди;
Я ж доныне все терзаюсь

И терзаться буду
И за гробом...

Вот послушай,

До чего доводит
Сатана-то душу нашу:

290 Если не очнется
Кто, да к богу не вернется,
Так он и вопьется
В сердце самое когтями...
Слушай же, что стало
С этим праведным Максимом.

Отдыха, бывало,
Он не знал, а в воскресенье,
В праздники ль иные
С псалтырем идет в садочек,

300 И слова святые
Он читает. Там, в садочке,
В тихом уголочке
Катерину схоронили.

Оттого в садочке
Он за упокой Катруси
Псалтырь прочитает;
А потом себе тихонько,
Тихо напевает

Со святыми и заплачет,
310 А потом помянет
Он за здравье тещу с сыном! —
И веселым станет.

«Все от бога,— тихо скажет,—
Что укажет, делай!»

Так-то праведно он прожил
Здесь на свете белом.

А уж в будни так и вовсе
Не сидит он в хате;
Во дворе он все хлопочет:

320 «Леность нам некстати!»
Или скажет по-московски:
«Как бы, лежа в хате,
Не опухнуть». Взял он как-то
Заступ и лопату
И пошел, сердечный, в поле,

Колодец копает.
«Пусть,— сказал,— приходят люди,
Чтоб воды напиться,
За грешную мою душу
330 Господу молиться».

Вышел в поле, за дорогой
В балку он спустился
Да и выкопал в долине
Колодец-криницу
(Не один трудился: люди
Ему помогали.
Люди добрые,— колодец
Вместе с ним копали).
Обложил его он срубом,
340 Над дорогой в поле
Высоченный крест поставил:
Со всего раздолья
Далеко тот крест был виден
В чистом поле, в логе,
Чтобы знали: есть колодец
Около дороги,
Приходили бы водицы
Из него напиться
И за сделавшего это
350 Богу помолиться.

VII

До чего же, слышь, доходят
Дьявольские ковы,
Что сгубить я замышляю
Максима святого.
Так-то вот! За что же это?
А за что же Каин
Умертвил святого брата
В светлых рощах рая?
Было ль это воскресенье,
360 Иль иной был праздник...
Слушай, как проклятый учит
Сатана и дразнит!

Говорю: «Пойдем, Максиме,
Напьемся водицы
Из колодца!» Молвит: «Ладно,
Хорошо напиться
Из него воды прохладной».
И пошли тропюю
И ведрце и веревку
370 Понесли с собою.
Вот приходим мы к колодцу,
Я за верх схватился,
Как глубокий,— гляжу. «Максиме,
Ты бы потрудился,
Черпать воду не умею».
Он и наклонился,
Опускаючи ведрце;
Я... я слушал злого;
За ноги схватил и бросил
380 Максима святого
В тот колодец... Вот как было,
Что я сделал, сыне!
Не творилось такого
Там, на Украине,
И вовек не сотворится
В целом мире, брате!
Всюду люди, и один я —
Сатана проклятый!..

VIII

Так неделя миновала
390 Максима достали,
В балке той же при народе
В землю закопали.
Часовенку поставили
И звать порешили
Солдатовым тот колодец...

Ну вот, и вся повесть
О солдатском колодце,
Жестокая повесть!

А я... пошел я в гайдамаки,
400 В Сибирь судьба меня вела
(Сибирь когда-то здесь была).
И, как Иуда, как собака,
Я сгину... Чтоб мои дела
Простил мне бог, молися, сыне,
Там, на преславной Украине,
В веселой нашей стороне,—
Быть может, легче станет мне!..

1857, мая 16.

Новопетровское укрепление

НЕОФИТЫ

Поэма

Сия глаголет господь: сохраните суд и сотворите правду, приближися спасение мое прийти, и милость моя откроется.

Исаия, глава 56, стих 1

*М. С. Щепкину на память
24 декабря 1857 года*

Любимец вечных муз и граций!
Я жду тебя и тихо плачу
И думу скорбную мою
Твоей душе передаю.

Так прими же благосклонно
Думу-сиротину,
Наш великий чудотворец,
Друг ты мой единый!
Если примешь — убогая,
¹⁰ Сирая с тобою
Не потонет в водах Леты,
И огнем-слезою
Упадет она на землю
И уроком станет
Угнетателям народным,
Грядущим тиранам.

Уже давно томлюсь в неволе
Я, как преступник, под замком.
На торный путь смотрю, на поле
20 Да на могильный крест. На нем
Сидит ворона. Из острога
Не вижу дальше; славлю бога
Я и за то. Еще живет,
И богу молится, и мрет
Народ крещеный.

Крест высокий

Там на погосте у дороги,
Расписан золотом, стоит,—
Не бедный, видно, там лежит!
30 На нем изображен распятый
За нас сын божий на кресте.
Сироты были, знать, богаты,
Что крест поставили. А я...
Такая уж судьба моя!
Сижу один и все гляжу я
На крест высокий из тюрьмы.
То погляжу, то повторю я
Слова молитвы, и тоска,
Как убаюканный ребенок,
40 Слегка притихнет. И тюрьма
Как будто шире; запевае
И плачет сердце, оживает,
И бога, и его святых,
И праведников вопрошает:
Что он им сделал, тот святой,
Тот назарей, тот сын единый
Богоизбранницы Марии,—
Что он им сделал? И за что
Его, святого, истязали,
50 В цепи заковали
И главу его честную
Терном увенчали?
И с разбойниками вместе
На Голгофу стражи
Возвели и там распяли,
И за что? Не скажет

Ни всевышний наш создатель,
Ни его святые
Помощники, пособники,
60 Кастраты немые!

Благословенная в женах,
Святая, праведная мать
Святого сына на земле!
Не дай в тюремной мне ограде
Свои года бесцельно тратить;
Скорбящих радость, ниспошли
Ты мне свое святое слово,
Нетленной правды голос новый!
И слово разума, любви
70 И просвети и оживи!
Поведаю я людям горе
Той матери, что реки, море
Кровавых, горьких слез лила,
Как ты, о том, как приняла
В живую душу свет незримый
Распятого безвинно сына!..
Ты, мать бога на земле!
Ты слезы матери, страдая,
До капли пролила! Рыдаю,
80 Молю, рыдая: ниспошли,
Подай душе убогой силу,
Чтоб огненно заговорила,
Чтоб слово пламенем зажглось,
Чтоб людям сердце растопило
И по Украине понеслось,
И на Украине свято чтилось
То слово — божие кадило,
Кадило истины! Аминь.

I

Не в нашем крае, богу милом,—
90 При гетмане иль при царе,—
А при языческом дворе
То беззаконие творилось.

Кто правил Римом — Деций-царь
Или Нерон — злой государь,—
Я точно не могу ответить.
Ну, скажем так: Нерон!

На свете

России не было тогда,
Когда в Италии росла
¹⁰⁰ Подросток-девочка. Красною,
Своею прелестью святою
Она, как лилия, цвела.
Мать с гордостью на дочь глядела,
Сама, казалось, молодеда;
И вскоре мужа ей нашла
И, помолившись Гименею
В своем веселом гинекее,
В чужой веселый отвела.
И срок пришел тому свершиться,
¹¹⁰ И матерью отроковица
Уж стала. Сына родила,
Молилась горячо пенатам
И в Капитолий принесла
Немало жертв. Она молила
Капитолийский весь синклит,
Чтоб к первенцу благоволили
Святые идолы. Горит
И день и ночь огонь лампы,
Хранят ее очаг пенаты,
¹²⁰ Алкидом сын ее растет.
Растет... И льнут к нему гетеры
И перед образом Венеры
Лампады жгут.

II

Тогда всходила уж звезда
Над Вифлеемом. Правды слово,
Любви, учения святого
Звезда всемирная взошла
И мир и радость принесла
На землю людям. Фарисеи,

- 130 Вся мерзостная Иудея
Свой гнусный голос подняла,
Как гадов скопище в болоте,
И сына божия во плоти
На крест Голгофы возвела
С разбойниками вместе. Спали,
Упившись кровью, палачи,—
Твоею кровью. Ты в ночи
Восстал из гроба, слово встало,
И слово правды понесли
140 По стогнам страждущей земли
Твои апостолы святые.

III

- Как раз тогда, среди дубрав,
Алкид, гетеры молодые
И козлоногий пьяный Фавн
Над самым Аппиевым трактом,
Одежды скинув, разлеглись,
Хмельным вином перепились
И жертвы принесли Приапу,
Как вдруг апостол Петр идет:
150 Он в Рим шел с вестью преблагою.
Хотел водою ключевою
Он освежиться. «Благо вам!» —
Сказал апостол утомленный
И оргию благословил.
И тихим, добрым, кротким словом
Поведал об ученье новом:
О правде, истине, добре,
Добре, что нет его превыше,—
О братолюбии. И, слыша
160 Слова святые, пьяный Фавн,
И сын Алкид твой, и гетеры
Склонились низко, до земли,
Перед Петром. И повели
На вечерю с собою в термы
Они апостола...

IV

И в термах оргия. Горят
 Чертоги пурпуром и златом.
 Курятся амфоры. И рядом,
 Едва не голые, стоят
 170 Перед Кипридой девы, в лад
 Возносят гимны. Приготовлен
 Веселый пир, и возлегли
 На ложах гости. Хохот, говор!..
 Гетеры гостя привели
 Седобородого. И слово
 Из уст апостола святого
 Елеем дивным потекло.
 И стихла оргия. А жрица
 Киприды, оргии царица,
 180 Поникла радостным челом
 Перед апостолом. И встала.
 И все за нею гости встали
 И за апостолом пошли
 Вниз — в катакомбы. И любимый
 Твой сын Алкид пошел за ними
 И за апостолом святым,
 Как за учителем своим.
 Оставив домик свой убогий,
 Ты вышла из лесу к дороге,
 190 Чтоб встретить сына своего..
 Но сына нет. Ты без него
 Помолишься своим пенатам,
 С тобой за трапезою рядом
 Никто не сядет... Проклинать
 Судьбу ты будешь и рыдать,
 И так состаришься! И — горе! —
 Как прокаженная, в беде
 Умрешь, забыта!

V

На кресте
 200 Повесили вниз головою
 Петра-апостола, а их,
 Их — неофитов — в Сиракузы

- В оковах отвезли. И сын,
Твой сын Алкид, дитя родное,
Единственное, дорогое,
Любовь единая твоя,—
Гниет в неволе в кандалах.
А ты, скорбящая, не знаешь,
Где он страдает, погибает,—
210 Идешь искать его в Сибирь,
Иль как там... в Скифию... И ты...
Одна ты разве? Богоматерь,
Спаси от бед вас и укрой!
Нет ни одной семьи иль хаты,
Где б слезы не лились рекой,
Чтоб сестры, братья не рыдали,
Чтобы не мучились в тюрьме
Или в далекой стороне
В британских, галльских легионах
220 Их не терзали в дни Нерона.
Нерон жестокий! Божий суд,
Внезапный, праведный, в дороге
Тебя застигнет. Приплывут
И прилетят — на белом свете
Их много — мученики, дети
Святой свободы. Вкруг одра,
Вкруг смертного одра предстанут
В оковах. И... тебя простят:
Они ведь братья, христиане,
230 А ты — мучитель, во сто крат
Собаки хуже ты!

VI

Кишат

Невольниками Сиракузы —
В подвалах, в тюрьмах. А Медуза
И голытьба в трактире спят.
Но скоро грозная восстанет
И кровью вашею, тираны,
Похмелье справит.

Мать повсюду

- 240 Искала сына. Не нашла...

И в Сиракузы поплыла.
И там уже его в оковах
Нашла, несчастная, в тюрьме.
Но к сыну мать не допускали.
И у острога на бульваре
Должна сидеть, и ждать, и ждать,
Как манны с неба, что опять
Родного не погонят мимо,
Закованного, в кандалах,
250 Мести бульвар.

 Был праздник в Риме,
Великий праздник! Тьма народу,
Со всех провинций воеводы,
Преторианцы и сенат,
Жрецы и ликторы стоят
Вкруг Капитолия. И хором
Царю хвалу возносят, дым
Из амфор вьется. И с собором
Идет сам кесарь. Перед ним
260 Из бронзы статую литую
Его же — кесаря — несут.

VII

Сомнительной была затея,
Что выдумали богатеи
И мудрый кесаря сенат.
Нерона знать превозносила
Так, что самим уже претило
Ничтожность эту прославлять,
И чтобы напрямик сказать,
Они советом присудили:
270 Нерона-кесаря назвать
Самим Юпитером и — все там!
И написали воеводам
По всем краям: мол, так и так,
Отныне кесарь равен богу!
И дали мастеру создать
Из бронзы кесаря, и сбоку
(Так, нота бене, на полях)

Прибавили, что идол будет
Прощать и миловать. И люди,
280 Как птицы в южные края,
В Рим потянулись. Приплыла
Из Сиракуз и мать Алкида
Просить у кесаря защиты.
Она одна ли? Нет, о боже!
Пришли их тысячи в слезах,
Пришли издалека...
О горе!
Кого вы умолять пришли?
Кому вы слезы принесли,
290 К кому в несчастье и позоре
Пришли с надеждой? Горе! горе!
Рабы незрячие! Кого,
Кого вы молитесь, благие,
Рабы незрячие, слепые?
Палач не слышит ничего!
Лишь бога истинного чтите,
Молитесь правде на земле,
Другим богам не возносите
Своей молитвы! Все обман:
300 И поп и царь...

VIII

Перед Нероном,
Пред этим новым божеством,
Вчера молитвенно склонялась
Вся знать — и щедро изливалась
Вчера господня благодать.
Тем — деньги, тот — повышен в чине,
Тому — аренда в Палестине,
Подручным кое-что; тому —
Благоволили лично дать
310 Свою наложницу в супруги.
Подержанную? Что ж такого!
Зато от кесаря! Другого
Сестру благоволили взять
К себе в гарем. И тут дурного

Нет ничего: должны без слова
Себя под бога подстилать,
Не только близких...
Преторианцы помолились —
Преторианцам дан указ,
320 Чтоб все, что захотят, творили,
А мы — помилуем уж вас.
И вы, плебеи-гречкосеи,
Хоть и молились, вам не ждать
Помилованья. Не умеют
Вам даже милость оказать!

IX

На третий день лишь разрешили
Молить царя за христиан.
Ты приходила и молилась,
И милосердный истукан
330 Из Сиракуз велел доставить
В Рим заключенных христиан.
Весела ты и довольна,
Без конца готова
Ты Юпитеру молиться,
А кумир твой новый
Удивительный затеял
Праздник в Колизее.
Ты увидишь! А покуда
Иди же скорее
340 Сына встретить. Да не слишком
Радуйся ты много:
Ты еще его не знаешь —
Ласкового бога!
В это время с матерями
Вышла мать Алкида
Встретить лаской и дарами
Сына. Позабыты
Все обиды. Ты у Тибра
Чуть не напеваешь
350 И кесаря-Юпитера
Хвалишь-прославляешь:
«Вот Юпитер так Юпитер!

Не зря носит титул
Юпитера, я-то сдуру
Принесла молитву
В храм Юпитера афинский».
И, идя дорогой,
Втихомолку помолилась
Кесарю, как богу.
360 И пошла тропею вязкой,
Взор на Тибр бросает,
А по Тибру из-за леса
Барка выплывает
Иль галера. На галере
Увидала сына
С неофитами в оковах,
И твой сын безвинный
К мачте накрепко прикован.
Неофит ли новый? —
370 Нет, апостол великого
Пламенного слова.
Вот какой он! Иль не слышишь,
Как поет в оковах
Твой страдалец:

«Новый мы псалом владыке
И новую славу
Воспоем честным собором,
Сердцем нелукавым.
380 Под псалтыри и тимпаны
Бога восхваляя,—
Он карает нечестивых
Добрым помогает.
Преподобные во славе
И на тихих ложах
Радуются, славословят,
Хвалят имя божье.
Меч в руках святых двуострый
Защищает веру,
На отмщение языкам,
390 Людям для примера.
Закуют царей насытых
В железные путы

И оковами двойными
Руки им окрутят.
И неправедных осудят
Осуждением правым,
И навеки будет слава,
Преподобным слава!»

Х

А ты на берегу стояла,
400 Как будто темная скала,
Не слушала и не рыдала,
Лишь «аллилуйя» вознесла,
Покуда христиане пели.
Оковы звонко загудели
На неофитах. Твой же сын,
Любимый твой, апостол новый,
Перекрестившись, возгласил:

«Молитесь, братия, молитесь
За злого палача. Его
410 В своих молитвах помяните;
Перед гордынею его
Коленей вы не преклоните!
Молитва — богу! А Нерон, —
Пусть на земле владыка он,
Пускай пророков убивает,
Пускай он всех нас распинает!
Уже зачаты внуки те,
Что станут некогда мужами,
Не мстителями-палачами —
420 Святою ратью во Христе!
И без огня и без ножа
Стратеги божии восстанут
И тьму язычников поганых
Своей молитвой сокрушат!
Молитесь, братия!»

Молились,
Молились пред святым крестом
Закованные неофиты,

Молились радостно. Хвала!
430 Хвала вам, души молодые,
Хвала вам, рыцари святые,
На веки вечные хвала!..

XI

И в Рим галера приплыла.
Прошла неделя. Пьяный кесарь,
Постригший сам себя в Зевеса,
Справлял Зевеса юбилей.
Ликует Рим. Везут к кумиру
Возами ладан, смирну, мирру
И к Колизею христиан
440 Гуртами гонят. Кровь струится,
На бойне будто. Весел Рим!
И гладиатор и патриций
От крови пьяны. Кровь и дым
Дурманят их. Остатки славы
Рим пропивает, тризну правит
По Сципионам. Гнусный, злой,
Развратный старец, наслаждайся
В своих гаремах! Из-за моря
Уже встает звезда и вскоре
450 Не громом праведным, святым
Тебя сразит — ножом тупым
Тебя зарежут, как собаку,
Иль обухом убьют!

XII

Два дня
Ревет арена. На арене
Лидийский золотой песок
Покрылся пурпуром горячим,
Невинной кровью обагрясь,
А сиракузских назареев
460 Еще не видно в Колизее.
На третьи сутки их, в оковах,

Толпой на место бойни стража
С мечами наголо ввела.
Арена ревом изошла.
А сын твой гордо на арену
С псалмом на пламенных устах
Ступил. И кесарь в исступленье
Заохотал. И леопард
Из ямы выскочил на сцену,
470 Сверкнул зрачком... И полилась
Святая кровь. По Колизею
Раскатом грома пронеслась
И стихла буря. Где ж была?
Где скрылась ты? Была ль готова
Тогда на кесаря святого
Ты броситься? Иль знала ты,
Что в три шеренги окружили
Зевеса ликторы? За ним,
Твоим Юпитером святым,
480 Ворота крепкие закрыли,
И вот — осталась ты одна.
Одна с отчаяньем во взоре.
И что ты можешь? «Горе, горе!
О горе страшное мое!
Как жить без сына, без Алкида,
Что буду делать? Кто защитой,
Опорой будет?..» Непокрытой
Седою, старой головой
Она о каменную стену
490 Ударилась и трупом пала
У Колизея.

XIII

Возвратясь из цирка к ночи,
В термах укрывался
Кесарь под охраной стражи.
Колизей остался
Без кесаря и без римлян
И точно заплакал
Одинокий. Как вершина

На поле чернеет
500 Колизей тот среди Рима...
Тихо, тихо веет
Из-за Тибра, из Альбано
Ветерок над Римом.
А над черным Колизеем,
Словно в легком дыме,
Выплыл месяц круглолицый.
Мир весь перевозданный
Опочил на лоне ночи,
Только мы — Адама
510 Преступные, злые чада —
Отдыха не знаем
Ни на миг, до самой смерти,
В утраченном рае.
Мы грыземся, как собаки,
Над куском червивым
И тебя еще ругаем,
Праотец ленивый!..

XIV

Еле сном забылась
Чуть живая мать старуха.—
520 Жизненные силы
Сила ночи оживила.
Встала, походила,
У ворот закрытых
Что-то все шептала.
Не кесаря ли святого
Тайно проклинала?
Может быть, и так. Тихонько
К воротам подкралась,
Послушала, усмехнулась
530 И пробормотала
Про себя чуть слышно что-то...
У ворот присела,
Пригорюнилась. И вскоре
Открылись ворота,
И потянулись вереницей

Из Колизея колесницы
На Тибр. И повезли тела,
Как с бойни туши... А телами
Святых, растерзанных зверями,
540 Рабы для царского стола
Кормили рыбу. Мать Алкида
Вдруг огляделась, поднялась,
Взялась за голову руками
И тихо, молча за возами,
Как черный призрак, побрела.
Возницы — скифов серооких
Потомки и рабов рабы —
Подумали: сестра Морока ¹
Из пекла вышла проводить
550 Туда же римлян. И швырнули
В пучину трупы и назад
Телеги скифы повернули.
И вот осталась ты одна
У Тибра. Пристально следила,
Как расходились и сходились
Круги широкие над ним,
Над сыном праведным твоим!..
Смотрела ты, пока не стала
Совсем спокойною вода,
560 И засмеялась ты тогда,
И тяжело, страшно зарыдала,
И помолилась в первый раз
За нас распятому. И спас
Тебя распятый сын Марии,
И ты слова его живые
В живую душу приняла,
По торжищам и по чертогам
Живого истинного бога
Ты слово правды понесла.

1857, 8 декабря
Нижний-Новгород

¹ Морок — скифский Плутон. (Прим. Шевченко.)

ЮРОДИВЫЙ

Во дни фельдфебеля-царя
Капрал Гаврилович Безрукий
Да унтер пьяный Долгорукий
Украиной правили. Добра
Они изрядно натворили,—
Немало в рекруты забрали
Людей сатрапы-унтера.
Особенно капрал Гаврилыч
Вдвоем с ефрейтором своим,
10 Отменно шустрым и лихим,
Так весь народ замуштровали,
Что сам фельдфебель любовались
Муштровкою и всем другим
И «благодарны пребывали
Всегда к ефрейторам своим».
А мы смотрели и молчали,
Да молча мы скребли чубы,—
Немые, подлые рабы,
Холопы царские, лакеи
20 Капрала пьяного! Не вам,
Не вам, расшитые ливреи,
Доносчики и фарисеи,
За правду пресвятую встать
И за свободу! Распинать,
А не любить учились брата!
О род презренный и проклятый,
Когда издохнешь ты? Когда

И мы дождемся Вашингтона
И правды нового закона?
30 Дождемся, верю! Будем ждать!
Не сотни вас, а миллионы
Полян, дулебов и древлян
Гаврилыч гнул во время оно;
А вас, почтенных киевлян,
И ваших милых киевлянок
Отдал своим профосам пьяным
В батрачки тот сатрап капрал,—
Вам горя мало! А меж вами
Нашелся все же некий малый,
40 Такой чудак-оригинал,
Что в церкви... в морду дал капралу,
И зажило — как не бывало,
Как на собаке ¹.

Так-то, так!

Нашелся все ж один казак
Из многотысячного люда,
Что всю империю смутил,
Сатрапу в морду закатил.
А вы, юродствуя, покуда
50 Был не совсем здоров капрал,
Юродивым тут нарекли вы
Святого рыцаря. А бывый
Фельдфебель ваш Сарданапал
Послал на каторгу святого,
А для побитого, седого
Сатрапа «вечно» пребывал
Преблагодарным...

И другого

Не вышло ничего. И драму
60 По закоулкам темным самым
На свалку вынесли. А я...
О ясная звезда моя! —

¹ После этого в первоначальных вариантах были строки:

Тогда бы, глупые, и вам
На них с ухватами подняться,
А вы перепугались... (Прим. ред.)

- Меня из пут освобождая,
Ведешь на свалку к Николаю,
Над этой ямой выгребной
Огонь ты разливаешь свой
Животворящий. В смрадном хламе
Передо мной встают столпами
Его безбожные дела...
- 70 Безбожный царь, источник зла,
Гонитель правды, кат жестокий,
Что натворил ты на земле!
А ты, всевидящее око!
Знать, проглядел твой взор высокий,
Как сотнями в оковах гнали
В Сибирь невольников святых?
Как истязали, распинали
И вешали?! А ты не знало?
Ты видело мученья их
- 80 И не ослепло?! Око, око!
Не очень видишь ты глубоко!
Ты спишь в ките, а цари...
Да чур проклятым тем неронам!
Пусть тешатся кандалным звоном,—
Я думой полечу в Сибирь,
Я за Байкалом гляну в горы,
В пещеры темные и норы
Без дна, глубокие, и вас,
Поборников священной воли,
- 90 Из тьмы, и смрада, и неволи
Царям и людям напоказ
Вперед вас выведу, суровых,
Рядами длинными, в оковах...

[1857
Нижний-Новгород]

ДОЛЯ

Ты не лукавила со мною!
Ты другом, братом и сестрою
Бедняге стала. Ты взяла
Меня за маленькую руку
И хлопца в школу отвела
К дьячку-пропоице в науку.
«Учись! Когда-нибудь, дитя,
Мы выйдем в люди!» — ты сказала.
Учился, выучился я...

¹⁰ А ты, как видно, зря болтала!
Ну что ж!.. Не выйти в люди нам,
Но не хитрили мы с тобою,
Шли прямо, нету ни зерна
У нас неправды за собою.
Пойдем же, доленька моя,
Друг простодушный, нелукавый!
Пойдем все дальше: дальше слава,
А слава — заповедь моя.

[9 февраля 1858
Нижний-Новгород]

МУЗА

А ты, пречистая, святая,
Подруга Феба молодая!
Меня ты на руки взяла
И в даль степную унесла,
И на кургане среди поля,
Как волю, чистое раздолье
Седым туманом повила,
И пеленала, и ласкала,
И чары деяла... И я...

10 Мой друг, волшебница моя!
Ты мне повсюду помогала,
Заботой нежной окружала.

В степи, безлюдной и немой,
В далекой неволе
Ты сияла, красовалась,
Как цветок средь поля!
Из казармы душной, грязной
Чистой, святою

Пташечкою вылетела —

20 И вдруг надо мною
Полетела и запела...
Золотые крылья
Животворною водою
Душу окропили.

И я живу, и надо мною
Своею божьей красотою
Сияешь ты, звезда моя,

Моя наставница святая!
Моя ты доля молодая!
30 Не оставляй меня. В ночи,
И днем, и в утреннем тумане
Ты надо мной витай, учи,
Учи нелживыми устами
Вещать лишь правду в наши дни,
Молитвой сердце облегчая.
Когда ж умру, моя святая,
Моя родная! — схорони
Сама ты горемыку-сына
И хоть слезу, мой друг единый,
40 Из глаз бессмертных урони.

[9 февраля 1858
Нижний-Новгород]

СЛАВА

А ты, чумазая торговка,
Пьяная шинкарка!
Почему меня лучами
Не целуешь жарко?
С вором, может быть, в Версале
Ты на новоселье?
Иль с другими путаешься
С тоски да с похмелья?
Ты подсядь ко мне поближе,
10 С горя ли, от злости —
Выкинем с тобой такое,—
Удивятся гости.
Мы обнимемся, сойдемся,
Будем жить не споря,
Потому что, дорогая,
Тот же до сих пор я,
За тобой плетусь, как прежде,
Хоть слышал немало,
Как ты с пьяными царями
20 По шинкам гуляла,
А всех дольше с Николаем,
В Крыму в злые ночи.
Но об этом я не плачу
И тужу не очень.
Дай тобой налюбоваться,
Дай на грудь склониться!
Под крылом твоим хочу я
В тишине забыться.

1858 [9 февраля
Нижний-Новгород]

СОН

На барщине пшеницу жала,
Устала; все ж не отдыхать
Пошла в снопы, заковыляла
Ивана-сына покачать.
Дитя повитое кричало
В тени — в прохладе за снопом.
Распеленала, приласкала
И накормила; а потом,
Над сыном сидя, задремала.
¹⁰ И снится ей, что сын Иван
Такой красивый и богатый,
Уже не холостой — женатый —
На вольной, кажется, — и сам
Уже не барский, а на воле;
И на своем веселом поле
Они свою пшеницу жнут,
А деточки обед несут!
И тут бедняга улыбнулась
От радости и вдруг проснулась —
²⁰ Нет ничего! Она взяла
Тихонько сына повила,
Боясь бурмистра, оглянулась
И дожинать урок пошла.

[13 июля 1858
Петербург]

* * *

Я на здоровье не в обиде,
Да только взор мой что-то видит,
Чего-то сердце ждет. Болит
И, как ребенок, что не сыт,
Не засыпает, все рыдает.
Быть может, сердце ожидает
Времен дурных? Добра не жди,
Не жди свободы невеселой —
Она заснула: царь Никола
¹⁰ Заставил спать. Чтоб разбудить
Беднягу, надо поскорее
Всем миром обух закалить
Да наточить топор острее —
И вот тогда уже будить.
А то, пожалуй, так случится —
До страшного суда заспится!
Поможет панство крепко спать:
Все будет храмы воздвигать
Да пьяного царя родного,
²⁰ Да византийство прославлять,
И не дождемся мы другого.

1858 22 ноября
[Петербург]

ПОДРАЖАНИЕ 11 ПСАЛМУ

Мой боже милый, как их мало,
Святых людей, на свете стало!
Друг другу тайно цепь куют
В потемках сердца, а словами,
Медоточивыми устами
Целуются и часа ждут,
Не скоро ль брата под холстиной
От них на кладбище свезут?..
А ты, о господи единый,
10 Скуешь лукавые уста
И тот язык велеречивый,
Сказавший: «Мы не суета!»
И возвеличим мы на диво
И разум наш и наш язык..
И где же тот, кто нам укажет
Не думать так, не говорить?
«Воскресну! — вам он грозно скажет.—
Воскресну ныне ради них,
Людей закованных моих,
20 Убогих нищих. Возвеличу
Рабов и малых и немых!
Я стражем верным возле них
Поставлю слово... И поникнут,
Как бурей смятая трава,
И мысли ваши и слова».
Как серебро, что гнуто, бито
И семикратно перелито

Огнем в горниле,— слова
Твои, о господи, такие.
30 Раскинь же их, слова святыс,
По всей земле! И в чудеса
Твои уверуют на свете
Твои страдающие дети.

1859, 15 февраля
[Петербург]

МАРКУ ВОВЧКУ

В память 24 января 1859

Недавно за рекой Уралом
Скитаясь, небо я молил,
Чтоб наша правда не пропала,
Чтоб наше слово не смолкало;
И вымолил. Господь явил
Тебя нам, кроткого пророка
И обличителя жестоких
И ненасытных. Свет ты мой!
Моя ты зоренька святая!
¹⁰ Моя ты сила молодая!
Гори, сияй и надо мной,
И оживи мое, свет тихий,
Сердце, истерзанное лихом,
Голодное... И оживу
И думу вольную на волю
Из гроба к жизни воззову,
И думу вольную... О доля!
Моя ты дочь! Поборник воли!
Твоею думу назову.

*1859, февраля 17
СПБ.*

ИСАИЯ. ГЛАВА 35

П о д р а ж а н и е

Радуйся, нива неполитая!
Радуйся, земля, не повитая
Цветущим злаком! Распустись,
Невинным крином расцвети!
И расцветешь, благоуханна,
И, словно берег Иордана,
Сверкнешь убранством молодым.
И честь кармилова и слава
Ливанова, что нелукава,
10 Тебя укроет дорогим,
Золототканым, хитросшитым,
Добром и волею подбитым
Своим покровом пресвятым,
Чтобы слепцы твои прозрели,
На божьи чудеса смотрели.

Рабских рук изнеможенных —
Пройдет утомленье,
И закованные в цепи
Отдохнут колени.
20 Радуйся же, нищий духом,
Не страшися дива!
Судит бог, освобождает
Долготерпеливых,
Вас, убогих! Воздаст он
Злодеям за злая.

Лишь только, господи, святая
На землю правда прилетит
И краткий отдых возвестит,—
Слепцы прозреют, а хромые,
30 Как серны из лесу, умчатся.
Немых отверзнутся уста,
Прорвется слово, как вода,
И ширь пустыни неполитой,
Водой целебною омытой,
Очнется к жизни. Потекут,
Взыграют реки, а озера
Вокруг лесами порастут,
Весельем птичьим оживут.

40 Оживут озера, степи,
И не столбовые,
А широкие, как воля,
Дороги святые
Опящут мир; не сыщут
Тех дорог владыка;
Но рабы на тех дорогах
Без шума и крика
Братски встретятся друг с другом
В радости веселой,—
И пустыней завладеют
Веселые села.

25 марта 1859
[Петербург]

N. N.

Как ты, лилеею такою ж
Когда-то дева расцвела
На Иордане и несла
Святое слово над землею.
Когда б и ты, днестровский цветик...
Нет, нет! Помилуй бог! Распнут.
В Сибирь в оковах поведут,
И ты, мой беззащитный цветик...
Не вымолвить...

10

Веселый рай
Пошли ей, господи, подай!
Ей счастье дай на этом свете,
Иного ей ты не давай!
Да не бери ее весною
В небесный рай, но в нашей мгле
Ты дай твоею красотою
Налюбоваться на земле!

19 апреля 1859
[Петербург]

**ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ
ЧЕРНЕНКО**

На память 22 сентября 1859 г.

Ой, на горе яр-хмель цветет,
А под горой казак идет,
Узнать казак пытается,
Где же счастье скрывается?

То ли в шинках с богачами?
То ли в степях с чумаками?
То ли ветром в чистом поле
Развеяно по раздолью?

Не там, не там, друг-приятель,—
¹⁰ У дивчины, в чужой хате,
В полотенце да в холстине
Запрятано в новой скрыне.

7 июня [1859] Лихвин

* * *

Ой, мама, мама, как я страдаю!
Есть очи ясные, а я не знаю,
С кем обменяться мне взглядом, не знаю!

Ой, мама, мама, беда какая!
Есть руки белые, да не ласкаю,
Да никого-то вот я не ласкаю.

Ой, мама, мама ты дорогая!
Есть ноги легкие, да вот, родная,
С кем танцевать-то мне, мама родная?

10 июня [1859]
Пирягин

СЕСТРЕ

Я проходил по нищим селам,
Днепровским селам невеселым
И думал: где приют найду,
Где скроюсь я, за что страдаю?
И мне приснился сон: в саду
Одна, цветами обвитая,
Как будто девушка, стоит
На горке невысокой хата,
И Днепр наш, водами богатый,
¹⁰ Родной, сияет и горит!
И вижу я — в саду тенистом
Одна под вишнею ветвистой
Моя родимая сестра.
Многострадальная, святая,
В прохладе рая почивает,
Из-за широкого Днепра
Меня, бедняга, поджидает,
И чудится ей: челн мелькает,
Над волнами взлетает челн
²⁰ И вновь скрывается меж волн...
«Мое ты счастье! Брат!» Но боле
Не длится этот сон, и ты...
На барщине, а я в неволе!
Вот так с младенчества идти
Пришлось нам по колючим нивам!
Молись, сестра! Коль будем живы,
Бог нам поможет их пройти.

*20 июля [1859]
Черкассы*

* * *

Я, глупый, размышлял порою,
Я думал: «Горюшко со мною!
Как на земле мне этой жить?
Людей и господ хвалить?
В грязи колодою гнилою
Валяться, стариться и гнить,
Уйти — следа не оставляя
На обворованной земле?..»
О горюшко! о горе мне!
¹⁰ Где спрятаться — и сам не знаю:
Везде пилаты распинают,
Морозят, жарят на огне!

*21 июля [1859]
Черкассы*

* * *

Во Иудее, во дни оны,
Во время Ирода царя,
Вокруг Сиона, на Сионе
Пьянчужек-римлян легионы
Паскудили. А у царя,
Там, где толклось народу много,
У Иродова, бишь, порога
Стояли ликторы. А царь,
Самодержавный государь,
¹⁰ Лизал усердно голенища
У ликтора, чтоб только тот
Хоть полдинария дал в ссуду.
Мошною ликтор наш трясет
Да сыплет денежки оттуда,
Как побирушке подает,
И пьяный Ирод снова пьет!
Но вот, не в самом Назарете,
А где-то, в некоем вертепе,
Мария сына родила,
²⁰ С дитятей в Вифлеем пошла...
Бежит почтарь из Вифлеема
К царю и молвит: так и так,
Бурьян, да куколь, да будяк
Растут в пшенице! Злое семя
Давидово у нас взошло!
Дави, пока не поднялось!
«Так что же! — молвил Ирод пьяный.—

Пусть всех детей в стране убьют,
А то я знаю,— род поганый,—
30 Доцарствовать мне не дадут».
Почтарь, да бог с ним, был нетрезвым,
Сенату передал приказ,
Чтоб только в Вифлееме резать
Малюток...

О, спаси же нас,
Младенец праведный, великий,
От пьяного царя-владыки!
От горшего ж тебя спасла
Преправедная мать божья.
40 Где ж взять ее нам в бездорожье?
Мы сердцем голы догола!
Рабы, чьи с орденами груди,
Лакеи в золоте — не люди,
Онучи, мусор с помела
Его величества. Ну, будет!..

*24 октября [1859]
С.-Петербурга*

МАРИЯ

Радуйся, ты бо обновила
еси зачатяя студно.

Акафист пресвятой богородице, Икос 10.

Все упование мое,
Пресветлая царица рая,
На милосердие твое —
Все упование мое,
Мать, на тебя я возлагаю.
Святая сила всех святых!
Пренепорочная, благая!
Молюсь, и плачу, и рыдаю:
Воззри, пречистая, на них,
10 И обделенных и слепых
Рабов, и ниспошли им силу
Страдальца сына твоего —
Крест донести свой до могилы,
Не изнемогши от него.
Достойно петая! Взываю
К тебе, владычица земли!
Вонми их стону и пошли
Благой конец, о всеблагая!
А я, незлобный, воспою,
20 Когда вздохнется легче сёлам,
Псалмом спокойным и веселым
Святую долюшку твою.
А ныне — плач, и скорбь, и слезы...
Души, убогой от рыданий,
Убогой данью предстою.

- У плотника иль бочара,
Иосифа того святого,
Жила Мария и росла.
Росла в батрачках, подрастала,
30 И выданья пришла пора;
Мария, словно розан алый,
В убогой хате расцвела.
Невзрачно было в бедной хате,
Но рая тихого светлей.
Бочар, батрачкою своей
Любуясь, как родным дитятей,
Бывало знай глядит в упор,
Забыв рубанок и топор;
И час пройдет, и два пройдет,
40 А он и глазом не мигнет
И размышляет:
«Сиротина!
Одна, ни дома, ни семьи!
Вот если б... Но года мои...
Да свет ведь не сошелся клином!»
А та стоит себе под тыном
И белую волну прядет
Ему на свитку к именинам,
Или на берег поведет
50 Козу с козленочком болезным
И попасть и напоить.
Хоть то и даль, в краю окрестном
Ей по душе был божий пруд,
Широкая Тивериада.
И как она, бывало, рада,
Что нет запрета ей, и тут
Дозволено без всяких пуг
На пруд ходить.
Идет, смеется...
60 А он попрежнему сидит
И за рубанок не беретя.
Коза напьется и пасется,
А девушка одна стоит,
И, на широкий пруд с пригорка
Поглядывая зорко-зорко,
Она печально говорит:

«Тивериада, посоветуй,
Скажи мне, царь озер, открой,
Что дальше будет в жизни этой
70 С Иосифом и бедной мной? —
И, молвив, сникла, как раина
От ветра клонится в яру.—
Как дочь, его я не покину,
Плечами юными своими
Я плечи старца подопру».
И так взглянула облегченно,
Так выпрямилась сгоряча,
Что край заплата хитона
Спустился с юного плеча.
80 Такой красы земное око
Еще не видело ничье.
Но черное бездушие рока
По терну повело ее,
Над бедною смеясь жестоко!
Вот доля-то!

Она пошла
Вкруг пруда медленной походкой,
Лопух у берега нашла,
Покрыла сорванной находкой,
90 Как шляпой, бедную свою
Головку, горькую такую,
Свою головоньку святую,
И скрылась в роще на краю.
О свет ты наш незаходимый!
О ты, пречистая в женах!
Благоуханный крин долины!
В каких полях, в каких лесах,
В расселине какого яра
Ты можешь спрятаться от жара
100 Огнепалящего того,
Что сердце без огня растопит
И без воды зальет, затопит
Твое святое существо?
Где скроешься от доли слезной?
Нигде! Огонь прорвался,— поздно!
Разбушевался он, и вот
Напрасно сила пропадет.

Дойдет до крови, до кости
Огонь тот лютой, негасимый,
110 И, недобитая, за сыном
Должна ты будешь перейти
Огонь геенский. То пророча,
Уже заглядывают в очи
Тебе грядущего огни!
Не сокрушайся. Отверни
Глаза от страшного обличья,
И лилии вплети в девичью
Косу иль мак и ляг в тени
Под старый явор и усни,
120 Покамест время.

Из рощи, краше звезд ночных,
Выходит ввечеру Мария.
Вдали пред ней Фавор-гора,
Литая как из серебра,
Вздымает ввысь бока крутые
И ослепляет.

Подняла

На тот Фавор свои святые
Глаза Мария — и козла
130 С козой из рощи увела.
Потом запела:

«Рай без краю,—
Темный лес!
Я не знаю,
Молодая,
Долго ль, боже,
Погуляю
Средь твоих чудес?»
И замолчала.

140 Кругом рассеянно взглянула,
Козленка на руки взяла,
Тоску минутную стряхнула
И зашагала, весела.
И, как младенца-недотрогу,
Того козленка, что ни шаг,

Она взглянула на сиянье
И ни жива и ни мертва
Коснулась, затая дыханье,
Иосифова рукава.

- 190 Потом глазами пригласила
Его во глубину шатра
И сыром козьим угостила,
Водой криничной из ведра.
Сама же не пила, не ела,
Но втихомолку, как сперва,
На гостя из угла глядела
И слушала его слова.
И те слова его святые
На сердце падали Марин,
200 И у бедняжки то и дело
От них кружилась голова.
«Во Иудее искони
Того,— сказал он,— не бывало,
Что вы увидите Равви,
Равви великого начала
На свежевспаханной нови
Посеяны, и мы не чаем,
Каким богатым урожаем
Взойдут и вызреют они.
210 Я возвестить иду мессию».
И помолилася Мария
Перед апостолом.

Горит
Костер, тихонько дотлевая.
Иосиф праведный сидит
И думу думает.

- Ночная
Звезда на небосклон взошла.
Мария встала и пошла
220 К колодцу по воду с кувшином,
И следом гость, покуда мгла,
Догнал ее на дне лощинном...
С благовестителем часок
Прошли втроем ночью тишью
И двинулись домой, не слыша
От счастья под собою ног.

Все ждет и ждет его Мария,
Все ждет и плачет. Молодые
Глаза и щеки и уста
230 Заметно вянут.

«Ты не та,—
Иосиф говорит с заботой,—
Не та, Мария, цветик мой,
С тобой случилось, дочка, что-то.
Венчаться надо нам с тобой.
А то... (Не приведи бог худа,
Подумал, но не молвил вслух.)
Обладим это, милый друг,
И скроемся скорей отсюда».
240 Навзрыд, собираясь второпях,
Мария плачет и рыдает.

И вот они в пути шагают.
Старик с котомкой на плечах
Идет продать на рынке кружку
И свадебный платок цветной
Купить в подарок молодой
И за венчанье дать полушку.
О старец, правдою богатый!
Не от Сиона благодать,
250 А из твоей смиренной хаты
Нам воссияла. Если бы
Пречистой ты не подал руку,
Рабами, бедные рабы,
Доселе гибли б мы...

О мука!

О тяжкая души печаль!
Не вас мне, горемычных, жаль,
Слепые, нищие душою,
А тех, кто видят над собою
260 Топор возмездья — и куют
Оковы новые. Убьют,
Зарежут вас, душеубийцы,
И в окровавленной кринице
Напоят псов!

Куда ж пропал
Лукавый гость твой, гость недавний?
Зачем взглянуть не пожелал
На брак тот славный и преславный
И подмененный! Не слышать
270 Ни о самом, ни о мессии.
А люди ждут и будут ждать
Неведомо чего.

Мария,
Среди несчастья твоего
На что надеешься еще ты?
На бога ли твои расчеты
И на апостола его?
Не жди спасенья ниоткуда,
Благодари и чти за чудо,
280 Чтоходишь венчанной женой
В дом плотника, что он с порога
Тебя не выгнал на дорогу
И ты за каменной стеной.
А то бы кирпичом убили...
В Ерусалиме говорили
Тихонько, что в Тивериаде
Какого-то мечом казнили
Или распяли на кресте
За проповеди о мессии.
290 «Его!» — промолвила Мария
И, радуясь своей мечте,
Пошла домой.

И рад особо
Старик, что девушки утроба
Скрывает праведную душу
За волю распятого мужа.
И так они идут домой.
Приходят в дом, живут неделю,
Но в доме нет у них веселья.
300 Он трудится над колыбелью
Своей работы, а она,
На поле глядя из окна,
Сидит за кройкою и строчкой
И крошечную шьет сорочку —
Кому еще?

«Хозяин дома? —
Спросили со двора.— Указ
От кесаря, чтоб сей же час
Вы шли без всяких отговорок
310 Для переписи в Вифлеем!»
И, закатившись за пригорок,
Тот окрик стихнул вслед за тем.
Мария — тотчас печь лепешки.
Запас опресноков спекла,
Сложила молча их в лукошко,
Со старым в Вифлеем пошла.
Идут они.

«Святая сила!
320 Спаси нас, боже, и помилуй! —
Взмолилась, утерев слезу.
Идут, смирясь перед судьбою,
Идут и тропкой пред собою
Козленка гонят и козу.
Их бросить дома нелегко;
И бог пошлет в пути, быть может,
Ребенка,— вот и молоко.
Не отбегая далеко,
Скотина рядом ветки гложет.
За ней идут отец и мать
330 И начинают толковать.
«Протопресвитер Симеон,—
Не торопясь Иосиф начал,—
Мне сказывал: святой закон,
Что людям Авраам назначил,
Восстановят мужи ессеи
В той силе, как при Моисее.
И верь,— прибавил,— не умру,
Пока мессии не узрю!
Ты слышишь ли, моя Мария?
340 Придет мессия!»
«Он пришел,
И мы уж видели мессию!» —
Мария молвила.

Нашел
Старик в своей суме лепешку

И говорит:

«Поешь немножко!

Пока что будет, подкрепись!

Дорога дальняя, садись.

350 И я умаялся, присяду!»

И сели при пути в прохладу

Полудновать.

А солнце вниз

Все шибче катится — и село.

И вдруг — невиданное дело,

Аж вздрогнул плотник: только мгла

На поле дальше сошла,

Горящая метла с востока,

Над самым Вифлеемом, сбоку,

360 Метла косматая взошла

И степь и горы осветила.

И в этот миг, теряя силы,

Мария сына родила,

Того единственного сына,

Который нас от рабства спас,

И, непорочный, неповинный,

На крест пошел за грешных нас!

Дорогой тою гнали стадо.

Их увидали пастухи

370 И взяли мать к себе, и чадо

Эммануилом нарекли.

А на рассвете в Вифлееме

На площади гудит народ:

Последнее приходит время,

Беда — напасть на нас идет.

В толпе то громче пересуды,

То, стихнув, ловят новый слух.

Как вдруг, вбегая: «Люди, люди! —

Кричит на площадь всю пастух.—

380 Пророчество Иеремии

Сбылось; пророк Исайя прав!

У нас, у пастухов, мессия

Вчера родился!..»

Прокричав:

«Мессия!.. Иисус!.. Осанна!..» —

Толпа остыла и неожиданно
Рассеялась.

А через час

По Иродову приказанию
390 Введен был в город легион.
Тогда свершилось злодеянье,
Неслыханное испокон.
Еще в кроватках дети спали,
В купелях воду нагревали,
Зря матери старались, звать:
Их больше не пришлось купать.
Уж в их крови легионеры
Ножи омыли, изуверы.
Как то могла земля принять?
400 Так вот, иная мать, смотри,
Что Ироды творят цари!
Мария и не хоронилась
С своим младенцем.

Слава вам,

Убогим людям, пастухам,
Что сберегли ее и скрыли
И нам спасителя спасли
От Ирода! Что накормили
И, напоив, не поскупились
410 Ей дойную ослицу дать,
Хотя и горемыки сами;
И с сыном молодую мать
Пустились ночью провожать
Кружными тайными путями
На путь Мемфисский.

А метла,

Метла горящая светила
Всю ночь, как солнце, и плыла
Перед ослицей, что несла
420 В Египет кроткую Марию
И в мир пришедшего мессию.

Когда б на свете где хоть раз
Царица села на ослицу,
Сложили б про нее рассказ
И стали б на нее дивиться!

А эта на себе несла
Живого истинного бога!
Тебя, родная, копт убогий
Хотел купить у старика,
430 Да пала ты: видать, дорога
Тебе не выдалась легка.

Вот, в Ниле выкупанный, спит
В пеленках малый у обрыва.
Мать колыбель плетет из ивы,
Сидит, не утирая слез,
И колыбель плетет из лоз.
Иосиф наш трудолюбивый
Постройкой занят шалаша
Из срезанного камыша,
440 Чтоб было где укрыться ночью.
Вдоль Нила сфинксы, как сычи,
Таращат неживые очи,
И, выстроясь по нитке в ряд,
Отряды пирамид стоят
В песках сторожевым кордоном,
Давая фараонам знать,
Что божьей правды благодать
Означилась под небосклоном,
Чтоб фараонам не дремать.

450 Мария шерсть пошла мотать
У копта, а Иосиф старый
Взялся пасти овец отару,
Чтоб денег на козу собрать.
Проходит год.

Не унывая,
Святой наш старец день-деньской
Сбивает бочки в мастерской,
Устроенной в углу сарая,
И знай мурлычет.

460 Ну, а ты?
Не плачешь ты, не напеваешь,
Гадаешь, думаешь — гадаешь,

На путь как сына навести,
Как в правде воспитать высокой,
Как уберечь от тьмы порока
И от житейских бурь спасти...

Еще проходит год.

На травке

Коза пасется, а малыш

470 С козленком возится под лавкой.
А на крыльце с куделью мать
Не может взора оторвать
От их веселья.

Вдоль забора

Старик едва плетется в гору.

Был в городе, сбывал заказ

И по гостинцу всем припас.

Для сына пряник есть медовый,

Для матери — платочек новый,

480 К своим сандалиям ремни,—

Давно изношены они.

Вошел, передохнул с устатку

И говорит:

«Не плачь, касатка,

Какую новость я узнал:

Жить Ирод долго приказал.

Наелся на ночь до отвала —

И поутру его не стало.

Такие, видишь ли, дела.

490 Вернемся в сад наш за оградой.

Пойдем домой, моя отрада!»

«Идем!» — сказала и пошла

На Нил стирать белье ребенку.

Паслась коза, прильнув к козленку,

Иосиф сына забавлял,

Пока Мария в водах Нила

Ребенку рубашонки мыла.

Потом в избе ремни размял

И пару добрых сплел сандалий.

500 Потом они котомки взяли,

В далекий путь направив шаг

С младенцем малым на руках.

- Вот кое-как дошли до дому.
Не дай бог взору никакому
Наткнуться на такой разгром!
На что уж глушь! Ведь под защитой
Тенистой рощи хата скрыта,
А в хате этой все вверх дном!
Придется спать среди развалин.
- 510 Мария кинулась от них
К ключу, но как и он печален!
Здесь некогда в счастливый миг
С ней встретился тот гость красивый.
Как изменилось все! Родник
Порос бурьяном и крапивой.
Мария, горю нет границ!
Молись и волю дай молениям!
В слезах кровавых павши ниц,
Вооружись долготерпеньем!
- 520 С отчаянья Мария там
Едва тогда не утопилась.
Что было б незрелым нам?
Дитя б без матери томилось,
И мы по сей на свете час
Не знали б правды, душегубы...
Но, во-время остановясь,
Мария горько сжала губы
И, прислонившись к стенке сруба,
Свободно выплакалась всласть.
- 530 В те времена Елизавета,
Вдова, в предместье Назарета
С Иваном маленьким жила
И приходилась им роднею.
Вот ранней зорькою одною
Мария мальчика взяла
И с мужем в Назарет пошла
К той родственнице и вдовице
Внаймы из милости проситься.
- 540 Тем временем дитя растет,
Растет себе и подрастает,
Растет, не ведая забот,
И с мальчиком вдовы играет.

- Играли раз они у рва,
 Две палки подобрали с краю
 И тащат матерям к сараю
 С преважным видом на дрова.
 Знай наших, мол (известно, дети),
 И просто загляденье эти
 Веселых мальчугана два.
- 550 И вот меньшей берет нежданно
 Вторую палку у Ивана
 (Иван скакал на ней верхом)
 И складывает их крестом,
 Чтоб дома, видите, похвастать,
 Что он уж мастер хоть куда...
 Мария обмерла, когда
 В руках у сына увидала
 Тот крестик-виселицу.
- «Стой! —
- 560 Вскричала мать,— недобрый, злюка
 Тебя подбил на эту штуку.
 Брось палки прочь, сыночек мой!» —
 И мальчик, материнским страхом
 Ошеломлен и с толку сбит,
 Святую виселицу махом
 Швырнул и зарыдал навзрыд.
 Он плакал в первый раз. Впервые
 Лил эти слезы ей на грудь.
 Поглубже в сад под тень Марья
- 570 С ним поспешила завернуть.
 Там пестовала, целовала
 Его без счету, тормоша,
 И коржик в рот ему совала,
 И маленькому легче стало,
 Угомонила малыша.
 Разнежившись от утешений,
 Зевнул он, растянулся, лег
 На материнские колени
 И задремал, как ангелок.
- 580 Он спит, и беспокойным оком
 В слезах на сына смотрит мать,
 Чтобы не всхлипнуть ненароком
 И сна его не разогнать.

Крепилась, да не тут-то было:
Сама ту дрему прервала.
Слезой упавшей разбудила.
Кипящей каплей обожгла.
Свою печаль от сына прячет,
Но мальчика не обмануть:
590 Все понял он — и, к ней на грудь
Упавши, вместе с нею плачет.

Из заработков ли скопила,
Взаймы ли у вдовы взяла,
За четвертак букварь купила,
Ребенка в школу отвела.
Сама б растила грамотеем,
Да неученая была.
Учиться он ходил к ессеям,
А душу сына мать блюла.
600 С ним в класс Иван был отдан вдовин.
Всем выдался Иван в него,
И как росли ребята вровень,
Так и учились.

Баловство

Не коренилось в мальчугане.
Он детских не любил проказ.
Бывало, в стороне держась,
Забьется где-нибудь в бурьяне
И тешет клепку,— так мальцу
610 Хотелось помогать отцу.

Ему пошла весна седьмая
(Постиг уже он мастерство).
Лежал Иосиф, отдыхая,
И любовался на него.
Какие у него задатки?
Каким займется ремеслом?
Вот как-то, ведра взяв и кадки,
Они отправились втроем
На ярмарку да прямо в самый
620 Что ни на есть Ерусалим.
Хоть далеко,— они упрямы:
Там цены выгоднее им.

Пришли, расставили посуду.
Куда ж девался баловник?
Мать мечется и ищет всюду.
Нет сына, хоть кричи на крик.
Бежит в испуге в синагогу
Защиты попросить у бога,
И тут — сокровище благих!
630 Попав на сборище к раввинам,
Сидит он с личиком невинным
И, крошка, поучает их,
Как в свете жить, людей любить,
За правду стать, за правду сгнуть.
Без правды горе!

«Горе вам,
Учители архиерей!..» —
И удивлялись фарисеи
И книжники его речам,
640 А радость матери Марии
Неизреченна! Ведь мессия
Воочию пред нею сам.
С утра продавши весь товар,
Во храме помолились богу
И вышли холодком в дорогу,
Когда остыл полдневный жар.

Так и росли, так и учились
Святые деточки вдвоем,
И ими матери гордились.
650 Они тернистые пути
Избрали, вышедши из школы,—
Освобожденья путь тяжелый,
Во имя божьего глагола
Не устрашась на крест пойти.
Иван в пустыне жил неведом,
А твой пошел в народ.

За ним,
За сыном праведным своим,
Пошла и ты покорно следом,
660 Иосифа на склоне лет
Совсем покинув; сыну вслед
И ты пошла навстречу бедам,

Пока, скитаясь, не пришла
К самой Голгофе.

Ибо всюду

Святая мать за сыном шла,
На речи сына и дела
Смотрела и, дивясь как чуду,
Издали, наедине

670 От счастья млела в стороне.
Бывало, он, на Елеоне
Присев, вздохнет.

Ерусалим

В красе раскинется под ним,
И блещет в золотом виссоне
Израильский архиерей
И римский золотой плебей!
И так он, сидя, заглядится
На иудейскую столицу,

680 Что час пройдет, не вспомнит мать,
И два пройдет, забудет встать,
И вдруг заплачет беспричинно.
Заплачет и она, в лощину
К ключу спускаясь за водой.
С водой вернется, успокоит,
Стопы усталые омоет,
Даст пить, возьмет хитон худой,
Зашьет его и удалится,
Чтоб за смоковницей седой

690 От сына в стороне таиться
И охранять его покой.

А вот из города ребята.
Его любила детвора
И с ним по улицам с утра
Толпой ходила до заката.
Сбегались и на Елеон.

Вот и сейчас пришли резвиться.

«Святые!» — тихо молвил он,
Навстречу встав их веренице,

700 И подошел, благословил,
И с ними сел, как встарь, играть,
В ребенка превратясь опять.
Потом, повеселев душой,

Спустился с ними на закате
На проповедь в Ерусалим
Спасенье возвещать глухим.
Не вняли — предали распятыю.
Как распинать его вели,
Вокруг тебя на перекрестке
710 Стояли дети и подростки,
А взрослые ученики
Поразбежались, как от плети.
«Пускай идет, пускай идет!
Вот так и вас он поведет! —
Сказала ты.— Смотрите, дети!» —
И наземь грохнулась с тоски.
Без сына опустел весь свет.
Ночуя под плетнями, позже
Вернулась ты в свой Назарет.
720 Вдову похоронили божью,
Чужими труп ее зарыт.
Иван давно в тюрьме убит,
Иосифа не стало тоже,
Одна, как перст, лишь ты одна
Осталась в эти времена.
Уж так талан твой видно, латап.
Трусливые ученики
Ушли от пыток в тайники,
И, выведав, где кто попрятан,
730 Ты стала собирать бедняг.
Однажды ночью в полном сборе
Они с тобой сидели в горе,
И ты, великая в женах,
Их малодушие и страх
Дыханьем огненного слова
Развеяла, как горсть половы,
И дух в их бранные тела
Святой свой вдунула. Хвала
И слава ввек тебе, Мария;
740 Воспрянули мужи святые
И в разные концы земли
Во имя мученика сына
И памяти его невинной
Любовь и правду разнесли.

Ты ж после с голоду у тына
В полыни умерла. Аминь.
А после смерти чернецы
Тебя одели в багряницу
И золоченые венцы
750 Тебе дарили, как царице.
Прибили и твою к кресту
Поруганную простоту,
И оплевали, и растлили.
А ты, как золото в горниле,
Такой же чистой, как была,
В душе невольничьей взошла.

[11 ноября 1859
Петербург]

ПОДРАЖАНИЕ

Эдуарду Сове

Посажу я возле дома
Для подруги милой
И яблоньку и грушеньку,
Чтобы не забыла!

Бог даст, вырастут. Подруга
Под густые ветки
Отдохнуть в прохладе сядет,
С нею вместе — детки.

А я стану груши с веток
10 Рвать для милых деток...
С подругою — любимую
Перемолвлюсь этак:

«Помнишь, друг, я перед свадьбой
Их сажал весною...
Счастлив я!» — «И я, мой милый,
Счастлива с тобою!..»

19 ноября
[1859] С.-Петербург

ПОДРАЖАНИЕ ИЕЗЕКИИЛЮ
ГЛАВА 19

Восплачь, пророче, сыне божий,
И о князьях, и о вельможах,
И о царях земных! И рцы:
Зачем та сука, ваша мать,
Со львами снюхалась когда-то?
А вы, щенята, родились?
И множился ваш род проклятый?
А вы, зубастые щенята,
В львов превратились. Вы людей,
Незлобных, праведных детей,
Все время жрете!.. Жадный коршун
Вот так клюет и рвет цыплят,
Как вы людей... А что же люди?..
Хоть видят люди, да молчат.
Ну и щененок — дикий, лютый! --
Но тут его подстерегли
И, заковавши крепко в путы,
В Египет люди отвели
На каторгу. А сука снова
Спустила на людей другого
Лихого сына своего.
Земное это божество
И города и села жрало...
Земля тряслась и трепетала,
Едва заслышав злобный рев...
И этот не избег оков, —

Он схвачен был, тот пес на троне,
В тюрьму посажен в Вавилоне
Глубокую, чтоб бедный люд
Не слышал яростного рыка
Самодержавного владыки,
Царя несытого...

Пройдут,—
Уж понемногу отступают,—
Дни беззакония и зла.
Но правды этой львы не знают,
Растут себе, как бы лоза
В лесу дремучем, уповают
На омертвевший корень свой,
Уже червивый, и гнилой,
И худосочный. Ветер с поля
Дохнет, сметет, очистит путь,
И ваше злое своеволие
Купаться будет и тонуть
В своей крови. И плач великий,
Совсем не схожий с львиным рыком,
Услышат люди. Этот плач —
Никчемный, долгий и поганый —
Народной притчей скоро станет!
Самодержавный этот плач!

*Декабря 6 [1859
Петербург]*

ОСИИ ГЛАВА 14

П о д р а ж а н и е

Погибнешь, сгинешь, Украина!
И след твой выжжется дотла.
А некогда, гордясь, цвела
Ты в роскоши. О Украина,
Мой край любимый, неповинный!
За что господь тебя карал,
Карает тяжко? За Богдана,
Да за безумного Петра,
Да за господ, панов поганных,
Убить тебя давно пора,
И это будет справедливо!
Ведь долго долготерпеливый
Взирал безмолвно на твою,
Греховную твою утробу
И рек во гневе: — Истреблю
Твою красу! Сама ко гробу
Спешешь ты своему! Во злобе
Сыны твои тебя убьют,
Оперясь, а во зле зачаты
Во чреве сгинут, пропадут,
Как в яйцах-болтунах цыплята.
И плачем материнским слезным
Наполню грады и поля,
Да зрит растленная земля
Меня всевидящим и грозным!

Воскресни, мать! В светлицу-хату
Вернись скорей и опочий.
Устала ты, неся расплату
За сыновей,— так отдохни
И чадам, отдохнув, скажи,
Пророчь лукавым о возмездье,
Что, злые, пропадут они,
Что их измена, и бесчестье,
И криводушие — огнем,
Кровавым пламенным мечом
Отмечены на душах тайно,
Что кара кличет неустанно,
Что не спасет их добрый царь,
Их кроткий пьяный государь.
Не даст наестся им, напиться,
Не даст коня вам, чтобы скрыться,
Чтоб ускакать; не ускакать,
Не скрыться вам! Ведь вас повсюду
Отыщет правда-месть, а люди
Подстерегут, чтобы поймать,—
Поймают и судить не будут:
Сковав, в оковах, не на суд,—
На поруганье поведут
И на кресте потом, без ката
И без царя вас, бесноватых,
Распнут, на части разорвут
И кровью вашей, собаки,
Собак напоят!..

И скажи,
Такое слово им скажи,
Без притчи, так скажи: «Вы сами
Своими грязными руками
Кумир создали, говоря,
Что царь — ваш бог, надежда ваша,
Что ждете всем убогим нашим
Вы утешенья от царя».
Не так! Скажи им: «Лгут все боги,
Все идолы в чужих чертогах!»
Скажи, что правда оживет
И вновь сердца людей зажжет,
Но не растленным ветхим словом,

А словом вдохновенным, новым,
Как громом, грянет и спасет
Весь обокраденный народ
От ласки царской...

25 декабря 1859
[Петербург]

* * *

Девушка мила, красива,
Шла по двору с пивом,
А я глянул — удивился,
Даже рассердился...
Кому она пиво носит?
Почему босая?
Боже сильный, твоя сила
Тебе же мешает.

[15 января 1860
Петербург]

* * *

Ой ты, темная дуброва!
У тебя обновы
Трижды в год... Богаты, видно,
Сундуки отцовы.
Разукрасит тебя старый
Зеленым покровом,—
А сам глядит, любитесь
Своею дубровой...
Насмотревшись на милую
10 Дочку молодую,
Возьмет ее, закутает
В ризу золотую
И укроет дорогою
Белой пеленою,—
Да и ляжет, утомившись
Заботой такую.

*15 января 1860
СПБ.*

ПОДРАЖАНИЕ СЕРБСКОМУ

Сваты въехали во двор,
И жених — за ними.
Договариваться в хату
Пошли с отцом сваты.
Я тогда у молодого
Хлопца-чернобровца
Беру коня — и ни слова!
Отвожу к колодцу.
Конь — заезженный: копыта
10 Стерты и побиты;
А узорное седельце
Ничем не покрыто.
«Ты скажи, скажи мне, коник,
Куда вы так мчались?»
«К чернобровке мы какой-то
Всю ночь скакали».
«Станешь пить ли, коник, воду
Нашего колодца?
Чернобровке молодежи
20 Стать нынче придется ль?»

*4 мая 1860
СПБ.*

МОЛИТВА

Царям, всесветным шинкарям,
Дукаты, талеры, рубли
И путы лютые пошли!

Рабочим головам, рукам
Средь обокраденной земли
Свою ты силу ниспошли.

Мне ж, сыну горестной земли,
Поддай любовь, сердечный рай
И больше благ мне не давай!

24 мая 1860
СПБ.

¹⁰ Царей, кровавых шинкарей,
Ты в цепи крепкие закуй,
В глубоком склепе замуруй!

Рабочим людям, всеблагий,
Сынам ограбленной земли
Свою ты силу ниспошли!

А чистых сердцем — возле них
Поставь ты ангелов своих,
Чтоб чистоту их соблюли!

Мне ж, господи, любовь подай
20 К заветам праведным земли
И друга верного пошли!

*25 мая [1860
Петербург]*

Злоначинающих сдержи,
Ты их в оковы не закуй,
В глубокий склеп не замуруй!

А доброзиждущим рукам
И укажи и помоги,
Святую силу ниспошли!

А чистых сердцем? — Возле них
Постави ангелов своих
30 И чистоту их соблюди.

А всем нам, детям сей земли,
Единомыслие подай
И братолюбие пошли.

*27 мая [1860
Петербург]*

Тем несатым очам,
Тем царям-божествам
Корабли и плуги,
Все богатства земли,
И хвалы, и псалмы —
Этим мелким божкам!

40 Работящим умам,
Работящим рукам —
Целину поднимать,
Думать, сеять, не ждать,
Что посеяно — жать
Работящим рукам.

Кротким сердцем, простым
Миролюбцам святым,
Царь небес и земли,—
Долголетье живым,
50 А усопшим твоим
Рай небесный пошли.

Все на свете — не нам,
Все богам, все царям!
Корабли и плуги,
Все богатства земли,
Друг мой милый... А нам —
Нам любовь меж людьми.

31 мая [1860]
СПБ.

* * *

В былые дни, во время оно,
Помпилий Нума, римский царь,
Тишайший, кроткий государь,
Уставши сочинять законы,
Пошел однажды в лес гулять,
Чтоб там, для отдыха поспавши,
Додумать, как бы заковать
Всех римлян в цепи. И, нарвавши
Лозы зеленой по пути,
¹⁰ Из прутьев петлю стал плести
На чью-то шею. Вдруг неожиданно
Он видит, что в тени платана
Спит девушка среди цветов...
Дриады стройные лесов
Померкли пред ее красою,
Перед богинею такою!
Пред ней Эгерия в тоске
Повисла в петле на суке.
Но на цветы взирает Нума
²⁰ И на девицу, мудр и тих,
А в голове одна лишь дума:
«Как подданных сковать своих?»

28 мая [1860]
С.-Петербург

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

В Путивле-граде утром рано
Поет и плачет Ярославна,
Поет кукушкой, скорбя,
И скорбью мучает себя.
Молвит: «Полечу зегзицею,
Сизой чайкою-вдовицею
Я вдоль по Дону полечу,
Рукав бобровый омочу
В Каяле. И на теле белом,
¹⁰ На теле княжьем омертвелом
Я кровь сухую оботру,
Глубокие омою раны...»

И стонет-плачет Ярославна
В Путивле рано на валу:
«Ты ветер, ветер мой, ветрило!
Ты, господин мой легкокрылый!
Зачем крылом могучим ты
На войско наше с высоты
На войско князя неустанно
²⁰ Бросаешь злые стрелы хана?
Не мало ль неба и земли
И моря синего? На море
Качай насады-корабли.
А ты прелютый... Горе! Горе!
Мое веселье ты украл,
В степи ковыльной разбросал».

Тоскует, стонет, плачет рано
В Путивле-граде Ярославна
И молвит: «Сильный и седой,
30 Широкий Днепр! Своей волною
Пробил еси крутые скалы,
Катясь по землям половецким,
Носил еси на байдаках
На половцев, на Кобяка —
Носил дружину Святославлю!..
О мой Слодутич достославный!
Мое ты ладо принеси,
Чтоб я постель ему постлала
И в море слез не посылала,—
40 Слезами моря не долить».

И плачет-плачет Ярославна
В Путивле, на воротах града...
Святое солнышко взошло,
И молвит: «Солнце пресвятое
На землю радость принесло
Земле и людям. Надо мною
Одной досель не рассвело.
Ты, господин мой, сжег долины,
Спалил еси траву степей,
50 Спалил и князя и дружину,
Теперь вдову его убей!
Ты, солнце! Не свети, не грей,—
Мой князь погиб... я тоже сгину!»

4 июня [1860]
СПБ.

* * *

С рассвета и до вечера,
А с вечера и до света
Летит стрела каленая,
Гремит сабля о шеломы,
Трещит копьё булатное
Среди незнаемого поля,
Вокруг — земля Половецкая.

Распахана копытами,
Лежит земля изрытая,
¹⁰ Костьми земля засеяна,
Вся кровию политая.
Тоска-печаль на этом поле
Взошла над Русскою землей.

Что там шумит, что там звенит
Пред зорями? То Игорь войско
Вспять возвращает на подмогу
Буй-туру князю Всеволоду.

Сражались день,
Другой сражались,
²⁰ На третий, около полудня,
Поникли Игоревы стяги.
Вот так на берегу Каялы
Расстались братья: недостало

Вина кровавого! Кончала
Дружина русичей тот пир.
Сватов напоили
И полегли рядами
За землю Русскую. В печали
Во прах легла плакун-трава,
30 Клонились долу дерева,
Клонились долу, тосковали.

*6 июля [1860
Петербург]*

* * *

Умре муж велий в власянице.
Не плачьте, нищие вдовицы!
А ты, Аскоченский, восплачь —
Во утрие на тяжкий глас!
И Хомяков — Руси ревнитель,
Москвы, отечества любитель,
Об юбкоборце громко плачь.
И вся, о «Русская беседа»!
Во глас единый исповедуй
10 Свои грехи.
И плачь! и плачь!

*17 июня [1860
Петербург]*

ГИМН ЧЕРНИЦ

Гром, ударь над божьим домом,
Домом тем, где смерти ждем мы,
Тебя, боже, проклиная,
Проклиная, распевая:
Аллилуйя!

Коль не ты бы, мы б любили,
Замуж мы бы выходили,
Мы бы деточек растили,
Хором пели, выводили:
10 Аллилуйя!

Обманул нас, бедных, боже,
Обокрал ты нас... Ну, что же!
И тебя мы обманули,
Обманувши, затагнули:
Аллилуйя!

Хоть постриг ты нас в черницы,
А мы-таки молодницы...
Мы танцуем, припеваем,
Припевая, повторяем:
20 Аллилуйя!

20 июня [1860
Петербург]

* * *

Над днепровскою водою
Стоит явор меж лозою,
Меж лозою, меж тонкою,
С калиною и елкою.

Вода берег роет, роет,
Яворовы корни моет.
Наклонился он угрюмо,
Горькую задумал думу.

10 Так казак грустит унылый,
Что без счастья и без милой
Он один живет на свете,
Одиноким старость встретит.

Явор молвит: «Наклонюся
Я к Днепру да окунуся».
Казак молвит: «Поголяю,
Любимую повстречаю».

20 А та елка с калиною,
Вместе с тонкой лозиною,
Как дивчата, выступают,
Выступая, распевают.

Разубраны, наряжены
С счастьем-долей повенчаны,
Дум-забот они не знают,
Вьются-гнутся, распевают.

24 июня [1860
Петербург]

* * *

Играли вместе, подросли;
К веселью в юности остыли,
Как будто вправду разошлись!..
Да вновь сдружились, поженились;
И тихо, весело дошли
С душою непорочной оба,
С сердцами чистыми до гроба.
А по земле ведь оба шли!

Ты дай и нам, всещедрый боже!
¹⁰ Вот так цвести, вот так расти!
Так пожениться и идти,
Не ссорясь меж собой в дороге,
На тот свет тихий перейти.
Не плач, не ярость, не стенанья —
Любви бессмертное дыханье
На тот свет тихий пронести.

25 июня [1860
Петербург]

* * *

Свете тихий! Свете ясный!
Свете вольный и прекрасный!
Что ж тебя, мой свете милый,
В твоём доме придавило?
 За что тебя опутали,
 Сковали, сжали путами,
И покрывами закрыли,
И распятием доби́ли?

10 Не доби́ли! Встрепенися
Да над нами засветися!..
На онучи будем, милый,
Раздирать покров постылый,
Мы прикурим от кадила,
Чудотворных в печи бросим.
Подметать же будем, милый,
В новых горницах кропилом.

27 июня [1860
Петербург]

ЛИКЕРИИ

На память 5 августа 1860 г.

Моя голубка! Друг мой милый!
Нам не поверит без креста,
Нам не поверит без попа
Невольник или раб унылый!
Заснул в неволе он постылой,
Как боров в луже!! Друг мой милый,
Моя голубка! Не крестись,
И не клянись, и не молись
Ты никому! Солгут все люди,
¹⁰ И византийский саваоф
Обманет! Не обманет бог,—
Карать и миловать не будет:
Мы не рабы его — мы люди!
Моя голубка! Улыбнись
И вольную святую душу
И руку вольную, друг милый,
Мне протяни. И перейти
Нам эту лужу даст он силы,
Поможет горе донести
²⁰ И скрыть боль горечи тяжелой
В светлице тихой и веселой.

*5 августа [1860]
Стрельна*

И. Я. МАКАРОВУ

На память 14 сентября.

Барвинок цвел и зеленел,
Стлался, расстилался;
Да морозец предрассветный
К цветам подобрался.

Потоптал он сад веселый,
И цветов не стало...
Жалко, жалко барвиночка
И морозца жалко!

*14 сентября [1860
Петербург]*

* * *

И Архимед и Галилей
Вина не видели. Елей
Достался пресвятым монахам!
А вы по всей земле без страха,
Предтечи светлые, прошли
И хлеб насущный понесли
Царям убогим. Будет бито
Царями сеянное жито.
А люди вырастут. Умрут
¹⁰ Цари и те, что не зачаты...
И на воспрянувшей земле
Врага не будет, супостата,
А будут сын и мать, и свято
Жить будут люди на земле.

*24 сентября [1860
Петербург]*

Л.

Поставлю хату — не палаты,
Зеленый садик посажу.
И посижу и похожу
В моем владенье небогатом.
А в тишине, наедине
С самим собой, так сладко спится.
Во сне приснятся дети мне
И мать веселая приснится,
Давно забытый молодой
10 Приснится ясный сон... И ты!..
Нет, спать мне вовсе не годится,
Ведь ты приснишься мне. В земной
Мой рай войдешь ты незаметно
И натворишь беды. Заветный
Сожжешь ты рай спокойный мой.

*27 сентября [1860
Петербург]*

* * *

Нет, бога я не упрекаю,
Я никого не порицаю,
Сам обмануть себя спешу
Вдобавок с песнею. Пашу
Надел убогий, сею слово
Да урожая жду святого.
А вдруг сберу. Вот так спешу
Я обмануть себя! Но знаю,
Других в обман я не ввергаю.

10 Земля моя, распашися
 Ты в степи просторной!
 Ты прими в себя, родная,
 Ясной воли зерна!
 Распашися, развернися,
 Расстелися полем!
 Ты засейся добрым житом,
 Ты полейся долей!
 На все стороны раздайся,
 Нива-десятина!
20 Ты засейся не словами,
 А разумом, нива!
 Выйдут люди. Время жатвы
 Настанет счастливой.
 Расстелись же, развернись же,
 Убогая нива!!!

А может, странным добрым словом
Себя обманываю снова?
Обманываю! Дело в том,
Уж лучше лгать себе, я знаю,
30 Чем правду разделять с врагом,
Напрасно бога упрекая!

*5 октября [1860
Петербург]*

САУЛ

В непробуждаемом Китае,
В Египте темном и у нас,
Над Индом или над Евфратом
Паслись ягнята и телята;
Стада на вольном поле пас
Пастух, живя как в райском крае.
Он, думы-думушки не зная,
Пасет себе, доит, стрижет
Свою скотину, распевая...
10 Как вдруг сам черт царя несет
С мечом, с законом, с палачами,
С князьями, с темными рабами.
В ночи подкрались, увели
Отары с поля, а пасущих
Шатры, изодранные кущи
И всякие дары земли,
Сестер и жен уволокли,
Растлили все и осквернили,
И оскверненных, слабосильных
20 И нищих сердцем обрекли
Работе каторжной. Бежали
За днями дни. Рабы молчали.
Цари плодились и росли
И Вавилоны созидали...
А маги, бонзы и жрецы
(Как все духовные отцы)
В церквах и пагодах питались
(Не кабаны ль царям на сало
Иль на колбасы?) А цари
30 Себе самим сооружали
Кумирни, храмы, алтари —
Рабы немые поклонялись.

- Завидно иудеям стало,
Что хоть плюгавого царя,
Навозного хоть алтаря
Нет у сердешных. Попросили
Дряхлеющего Самуила:
Где хочет, чтоб искал не зря
И дал бы, старый, им царя.
- 40 И вот премудрый прозорливец,
Помозговавши, взял елей,
Отняв от козлищ и свиней,
Саула нашего, верзилу,
Помазал сразу же в цари.
Саул, не будучи дурак,
Набрал гарем себе, и стал он
Спокойно царством управлять.
Дивились пастухи немало,
И говорили простаки:
- 50 «Видать, и мы не дураки,
Уж если господа святого
Мы умолили дать такого
Нам самодержца». А Саул
Берет и город, и аул,
Отроковицу, и ягницу,
Из кедра строит он светлицы,
Престол из золота кует,
Благоволенье раздает
Рабам всеподданнейшим голым
- 60 И в багрянице долгополой
По храму ходит одинок,
Пока (был лоб недаром низок),
Уединясь средь одалисок,
С ума не спятил голубок.

- Старейшины сошлись в покоях:
«Панове, общество честное,
Что делать нам? Наш мудрый царь,
Самодержавный государь,
Свихнулся, бедненький. Панове!
- 70 Ну, стоит ли его лечить?
Не лучше ли заполнить
Царя поздоровей?» На слове

На этом встали, разошлись
Печально пастыри.

В кедровых
Палатах новых царь не спит,
Не ест, не пьет и не шумит,
Лишь молча государь могучий
Дерет порфиру на онучи
80 К лаптям, как будто бы всерьез
Бечевки ладит, надевает.
Про отчего осла вопрос
Он к новым стенам обращает
Иль, скипетр взявши, заиграет
Как на свирели.

Пастухи,
Вениаминовы внучата,
Тельца лакеям принесли,
Чтоб разрешили, не в палатах,
90 А хоть в сенях, запеть. Ревет
Седоборода, волосата
Родня Саулова пузата
И гусяра с собой ведет,
Еще неизвестного Давида.
«И выдет царь Саул, и выдет,—
Пастух поет им,— на войну...» —
Саул очухался — и ну,
Что твой солдат, отборным матом
Всех родственников волосатых
100 И вдоль и поперек честить.
А гусяра того, Давида,
Чуть не убил. Когда бы знал,
Беда какая после выйдет
Из-за лукавого Давида,
Не только б гада растоптал,—
И ядовитую б растер
Слюну змеи. Ведь до сих пор
То поле плугом не распашешь,
Проклятое: все заросло
110 Репьем колючим. Горе наше:
Мельчают люди — и, смотри,—
Растут и высятся цари!

13 октября [1860
Петербург]

* * *

И молодость моя минула,
И от надежд моих дохнуло
Холодным ветром. Зимний свет!
Сидишь один в дому суровом
И не с кем даже молвить слова
Иль посоветоваться. Нет,
Ну, никого совсем уж нет!
Сиди один, пока надежда
Тебя — глупца — не засмеет,
¹⁰ Морозом взор не закует
И гордость дум, что были прежде,
Не разнесет, как снег в степи.
А ты сиди в углу, терпи,
Не жди весны — счастливой доли,—
Она уж не вернется боле
Садочек твой позеленить,
Твою надежду обновить
И мысль свободную на волю
Не сможет выпустить. Сиди,
²⁰ Сиди и ничего не жди!

*18 октября [1860
Петербург]*

* * *

Титаривна-Немиривна
Платок вышивает...
И ребенка-солдатенка
Малого качает.

Титаривна-Немиривна
Пред людьми кичилась...
А с военным-прощелыгой,
Гляньте-ка, слюбилась.

Титаривна-Немиривна
¹⁰ Хорошего рода...
Ждет-пождет, когда вернется
Юнкер из похода.

*19 октября [1860
Петербург]*

* * *

Хотя лежачего не бьют,
Лежать, однако, не дают
Негодному... Тебя ж, о сука!
И сами мы, и наши внуки,
И люди миром проклянут!
Не проклянут, а только плюнут
На тех раскормленных щенят,
Что ты щенила. Мука! Мука!
О скорбь моя, моя печаль!
¹⁰ Когда ты сгинешь? Или псами
Цари с министрами-рабами
Тебя затравят, изведут?
Не изведут! А люди тихо
Без всякого лихого лиха
Царя на плаху поведут.

*20 октября [1860
Петербург]*

* * *

Нигде ни в чем отрады нету.
Душа, поднявшись до рассвета,
Напряв немного, вновь легла.
А воля душу сторожила,—
Беднягу снова подняла.
Дрянная малую смутила:
«Рыдай! — сказала.— Солнца нет!
Не загорится правды свет!»
Но душу обманула воля.
¹⁰ Уж солнце всходит над землей
И день приводит за собой,
Зашевелились на престоле
Крепкохребетные цари..
И правды свет горит вдали.

*30 октября [1860
Петербург]*

* * *

О люди! бедные, слепые!
К чему, скажите, вам цари?
К чему, скажите, вам псари?
Вы все же люди, не борзые!

Иду. И холодно, и сыро,
И снег, и темень. И Нева
Тихохонько из-под моста
Выносит тоненькую льдинку.
А я шагаю над Невой
¹⁰ Да кашляю в ночи сырой.
Вдруг вижу: кротки, как ягнята,
По грязи шлепают дивчата,
А дед (несчастный инвалид)
За ними, горбясь, ковыляет,
В овчарню будто загоняет
Чужое стадо. Где же стыд?
И где тут правда?! Горе! Горе!
Сирот, голодных, чуть не голых,
Погнали к матери дивчат,—
²⁰ *Последний долг отдать* велят
И гонят, как овец отару.
Когда же суд! Падет ли кара
На всех царят, на всех царей?
Придет ли правда для людей?
Должна прийти! Ведь солнце всганет,
Сожжет все зло, и день настанет.

3 ноября [1860
Петербург]

* * *

Вот если мне бы все же хлеба
Отведать с другом довелось,
Тогда бы мне на свете белом
Хотя бы как-нибудь жилось.
Да не с кем! Свет такой широкий,
Людей на нем не сосчитать,
А доведется одиноко
В холодной хате кривобокой
Или под тыном помирать.
¹⁰ А то... Нет, надобно жениться
Хотя б на чертовой сестре!
Не то один в своей норе
Рехнусь, пожалуй. Рожь, пшеница —
На доброй почве семена
Взошли. А люди — вот-те на! —
Пожнут плоды чужой землицы
И скажут: «В дальней стороне
Погиб бедняга». — Горе мне!

4 ноября [1860
Петербург]

* * *

И день идет, и ночь идет.
За голову схватившись в муке,
Все думаешь: когда ж придет
Апостол правды и науки!

*5 ноября [1860
Петербург]*

* * *

Течет вода от явора
Яром на долину.
Красуется над водою
Красная калина.
Красуется калинонька,
Явор молодеет,
А кругом их верболозы
Лозы зеленеют.

Течет вода из-за леса
10 Под самой горою,
Плещутся утяточки
Меж речной травой.
А уточка выплывает
С селезнем за ними,
Ловит ряску, рассуждает
С детками своими.

Течет вода в огороде,
Вода прудом стала.
20 Девушка пришла брать воду,
Брала, запевала.
Вышли мать, отец из хаты,
В садике гуляют.
Зятем им назвать кого бы
Думают, гадают.

7 ноября [1860
Петербург]

Однажды над Невою иду
В глухой ночи... И на ходу
Так размышляю сам с собою:
«Когда б,— я думаю,— когда б
Таким покорным не был раб,
То оскверненных над Невою
Не возвышалось бы палат.
Была б сестра и был бы брат.
А то... Лишь слез и горя много,
10 И нет ни бога, ни полбога...
Псари с псарятами царят,
А мы с ухваткой доезжачих
Борзых собак растим и плачем».
Вот так, шагая над Невою,
И размышлял я сам с собой,
Тяжелой думой озадачен.
А за рекою, как из ямы,
Глаза кошачьи на меня
Глядят,— то фонари горят
20 Возле апостольского храма.
Тут спохватился и крестом
Я осенился, трижды плюнул
И снова думать стал о том —
О чем все это время думал.

*13 ноября [1860
Петербург]*

* * *

Сраженья были, распри — все бывало:
Галаганы, и Кисели, и Кочубей-Ногай,
Видали мы добра немало.
Минуло все, да не пропало,—
Остались червяки: грызут,
Сверлят и точат сердце дуба,
А от него спокойно, любо
Побеги юные растут
И вырастут; и без секиры
¹⁰ Все загудит и заревет,
Казак-безверхий упадет,
Раздавит трон, порвет порфиру,
Низложит вашего кумира,
Людские червяки! Родня,
Друзья отечества чужого,
Не станет идола святого,
И вас не станет. И одна
Крапива, ничего другого
На вашей не взойдет могиле.
²⁰ Над грудой груда встанет гнили,
Но и навоз зловонный тот,
Развеян ветром, пропадет.
И не богаты, не убоги,
Молитвой мы прославим бога.

26 ноября [1860
Петербург]

П. Т.

Великомученица-дева!
Твой нрав, кума, достоин гнева!
В раю веселом ты росла
И пышным цветом расцвела,
Но рая светлого не знала,
А потому, что не желала
Взглянуть на ясный божий день,
На дивный свет животворящий!
Слепой была еси, незрящей,
10 Ленивой сердцем; ночь и день
Ты все спала. А жизнь земная
Кругом тебя росла, цвела
И, нашу радость прославляя,
Хвалу создателю несла;
А ты, кума, всю жизнь дремала,
Себя ты чванно соблюдала,
И поджидала жениха,
И целомудрие хранила,
И страх боялася греха
20 Прелюбодейного. А сила
Сатурнова идет, идет
И грех тот праведный плетет,
В седые косы заплетая.
А ты живешь себе, зевая,
Усердно молишься и спишь,
И мать божию гневишь
Своим смирением лукавым.

Кума, проснись скорей, не жди!
На мир прекрасный погляди,
³⁰ Плюнь на свою девичью славу
И всей душою, не лукаво,
Хоть раз, бедняга, соблуди!

*2 декабря [1860
Петербург]*

* * *

И встретились, и обвенчались,
Помолодели, расцвели.
Зеленый садик развели
Вкруг хаты. И не горевали,
И дети малые играли,
Росли себе да подрастали...
Солдаты дочерей украли,
А сыновей в солдаты взяли,
А мы как будто разошлись,
¹⁰ Как будто даже не встречались.

*5 декабря [1860
Петербург]*

* * *

Кума моя и я
Петропольским шли лабиринтом.
Блуждали мы — и тьма, и тьма...
«Заглянем, куме, в пирамиду,
Зажжем лампаду». — И вошли.
Елей и мирро принесли,
И жрец смазливенький Изиды,
Ее слуга, потупил взор
И скромно длань свою простер,
¹⁰ И хор, по манию лакея,
Или жреца: «Во Иудее
Бысть царь Саул». А после хор
Рванул Бортнянского: «О скорбь,
О скорбь моя! Ты столь велика!..»

[1860
Петербург]

* * *

Так не пора ли понемногу
С тобою, спутницей убогой,
Нам вирши слабые бросать
И помаленьку собирать
Телеги в дальнюю дорогу?
На тот свет, к пресвятому богу
Пойдем, бедняга, отдыхать.
Устали мы, поистрепались,
А все ж и разуму набрались.
¹⁰ Довольно с нас — пойдем-ка спать,
В последней хате отдыхать...
Такой еще мы не видали!..
 Ой, не надо, друг, не надо,
 Рано нам прощаться;
 Нам еще ходить бы рядом,
 Свету удивляться.
 Посмотри же, моя доля,
 Он такой широкий,
 Он широкий и веселый,
²⁰ Ясный и глубокий.
 Что ж, звезда моя, побродим,
 Поднимемся в горы.
 Будут звезды — твои сестры —
 Светить в эту пору —
 Бесконечные, по небу
 Поплывут мерцающ...

Подождем, сестра родная,
Подруга святая!
И правдивыми устами
30 Помолимся богу,
И пойдем себе тихонько
В дальнюю дорогу.
Над бездонной мутной Летою
Мы пойдем с тобою,
И меня благословишь ты
Славою святою.

14 февраля

Покамест то да се, с поклоном
С тобою запросто пойдем
Мы к Эскулапу на прием:
40 А вдруг обманет он Харона
И Парку?.. Мы тогда с тобой,
Пока мудрил бы дед седой,
Творили б, лежа, эпопею,
Высоко над землею рея,
Да все б гекзаметры плели
И на чердак стихи снесли,
Чтоб мыши их на завтрак съели.
Мы прозу бы по нотам пели,
Не как-нибудь. Товарищ мой,
50 Мой спутник верный и святой!
Пока огонь не гаснет, тлеет,
Пойдем к Харону веселее.
Через волны мутной Леты
Сыщем переправу,
Переплывем, перенесем
И святую славу —
Неизменно молодую...
Впрочем, друг мой милый!
Обойдемся и без славы.
60 Если ж хватит силы,
То над самым Флегетоном,
Над Стиксом, речкою в раю,

Как над Днепром своим широким,
Я вспомню родину свою,—
Поставлю хату там и садом
Ее веселым окружу.
Ты вечером придешь, и рядом
Тебя, как кралю, посажу.
Мы Днепр, Украину помянем
70 И хаты белые в садах,
Курганы старые в степях
И песню весело затынем...

15 февраля [1861 Петербург]

КОММЕНТАРИИ

«ДУМЫ МОИ, ДУМЫ МОИ...»

(«Думи мої, думи мої, ви мої єдині...»)

Впервые опубликованы — «Кобзарь», 1867, с. 323. Русский перевод Вл. Гиляровского — в кн. «Песни и думы кобзари Т. Г. Шевченко», изд. 2-е, М. 1903, с. 87.

Этим стихотворением начинается первая из «захалявных» (от укр. «халява», то есть голенище сапога) записных книжек Шевченко, сшитых самим поэтом из сложенных в восьмеро листов писчей бумаги. В такие книжки поэт заносил в ссылке свои произведения, обходя строжайшее запрещение писать. Всего собралось четыре книжки (каждая из нескольких тетрадок); после возвращения поэта из ссылки они были переплетены вместе и составили так называемую «Малую» книжку в отличие от «Большой» — альбома, куда Шевченко в 1857—1858 гг. переписал начисто большинство произведений из «Малой» книжки, тщательно их выправив, и куда переписывал набело свои стихотворения вплоть до самой смерти — один из основных источников шевченковских текстов. «Захалявные» книжки отражают не черновой этап творческой работы Шевченко: стихотворения набрасывались на отдельных лоскутках бумаги либо в одном из двух художественных альбомов, отобранных у Шевченко при аресте и вскоре возвращенных ему, и затем уже переписывались в записные книжки. По предположению некоторых комментаторов, данное стихотворение не было первым, написанным в ссылке: Шевченко начал им свою книжку, расценивая его как своего рода эпиграф.

Строка 9. *С киргизами убогими.*— В первой половине XIX в. киргизами в обиходной речи назывались все вообще кочевые племена, населявшие Закаспийские степи. Шевченко имеет в виду казахов.

КНЯЖНА

«Кобзарь», 1867, сс. 324—337. Вступление к поэме («Зоря моя вечірняя...») было опубликовано как отдельное стихотворение («До зорі», то есть «К звезде») в альманахе «Хата», СПб. 1860, сс. 85—86. Кроме текста, записанного в «Малой» книжке, сохранилась черновая рукопись, раскрывающая ранний этап творческой работы Шевченко над поэмой. Очень характерно начало поэмы, соответствующее позднейшим строкам 33—43:

Село!.. И сердце замирает...
Там, как в раю, в зеленом гае
Сады вишневые цветут
А как же люди там живут,
В таком веселом, тихом гае?
Там воля, рай... Да что сказать!
Луга, людей, коровье стадо,
Лес вековой да вишни сада —
Все, что мое, — там можно взять
И жадным скупщикам продать
С душой и телом. — Правда, воля?
И бога мы еще гневим!

(Перевод Вс. Рождественского)

Интересен также небольшой отрывок после строки 48 («Чтоб не искали вас, проклятых»), не включенный в окончательный текст:

Ведь люди.. Диво, чудеса
Творишь ты, господи, над нами
И над собою! Падаль, пса
На свалку брось! — и не осудят.
А то ведь мухи нападут,
Самих себя перегрызут.
Тебя же всякий славить будет!

(Перевод Вс. Рождественского)

Русские переводы: Н. Пушкарева — «Новое время», 1874, № 19; «Кобзарь Т. Г. Шевченко в переводе Н. А. Чмырева», М.

1874, сс. 141—150. Отрывок поэмы переведен С. Есениным — «Мирок», 1914, № 3, с. 85 («Село»):

Село! В душе моей покой.
Село в Украине дорогой,
И, полный сказок и чудес,
Кругом села зеленый лес.
Цветут сады, белеют хаты,
А на горе стоят палаты,
И перед крашеным окном
В шелковых листьях тополя,
А там все лес, и все поля,
И степь, и горы за Днепром...
И в небе темногубом
Сам бог витает над селом.

В 1854 г. Шевченко использовал сюжет «Княжны» в одной из первых по времени своих повестей — «Княгиня», значительно смягчив остроту сюжета.

Строка 357. *Как Ченчи, за кинжал возьмишь.*— Беатриче Ченчи, дочь римского дворянина XVI в., по преданию заколовшая кинжалом отца, который хотел ее обесчестить.

N. N. («СОЛНЦЕ ЗАХОДИТ, ГОРЫ ЧЕРНЕЮТ...»)

«Кобзарь», 1867, с. 403. Русские переводы: В. Изгоева <Н. Д. Мизко> — «Дон», 1870, № 3, 10 января; И. Я<кунина> — «Будильник», 1875, № 2, с. 7; П. Грабовского — «Сибирская жизнь», 1901, № 111.

N. N. («ТОГДА МНЕ ЛЕТ ТРИНАДЦАТЬ БЫЛО...»)

(N. N. «Мені тринадцятий минало...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 404—405. Русский перевод И. Белосова — «Южное обозрение», 1899, № 835, 14 июня («Мне снилось: снова я ребенок»).

«НЕ ГРЕЕТ СОЛНЦЕ НА ЧУЖБИНЕ...»

«Кобзарь», 1876, т. II, сс. 257—258. Русский перевод Г. Е. Нечаева — в кн. «Кобзарь в переводе русских писателей», М. 1911, сс. 63—64.

СОН («ГОРЫ МОИ ВЫСОКИЕ!..»)

«Кобзарь», 1867, сс. 407—412. Русский перевод Пр. Б.— в кн. «Кобзарь в переводе русских писателей», М. 1911, с. 64—69.

Стихотворение вызвано воспоминаниями поэта о поездках по Украине в 1845 г. по поручению Киевской Археографической комиссии. В бумагах Шевченко сохранились записи об этой поездке; выдержки из этих записей приводятся ниже.

Строка 6. *Выблый курган*.— «Между местечками Березанью и Яготином, в 15 верстах от Переяслава, огромное древнее земляное укрепление, план которого никак понять нельзя по различным направлениям валов. Предание говорит, что какая-то княжна переяславская Домна защищалась здесь от неприятелей (неизвестно, от каких) и была ими побеждена, и укрепление разрушено, почему и названо *Выбле*, то есть выбылое, оставленное» (из записей Шевченко).

Строка 37. *Трахтемиров* — местечко неподалеку от Переяслава, на противоположном гористом берегу Днепра.

Строка 41. *Монастырище* — село поблизости от Трахтемирова, основанное, по преданию, на месте бывшего монастыря, считавшегося «казацким», который запорожцы поддерживали материально и куда уходили под старость — «спасаться» (см. ниже примечание к поэме «Чернец»).

Строка 67. *И гетманщина вся кругом*.— В XVII—XVIII вв. Гетманщиной назывались украинские земли на левом берегу Днепра.

Строка 106. *Собор Мазепы в лучах сияет*.— Вознесенский собор в Переяславе, построенный Мазепой в 1701 г. В своих записях Шевченко пишет об этой церкви: «Великолепная снаружи и до невозможности искажена внутри возобновлениями. В ризнице хранится удивительное по работе евангелие, приношение гетмана Мазепы, московской печати <...>, с надписью на оправе славянскими буквами».

Строка 107. *Курган Богданов*.— «По Золотоношской дороге в семи верстах от города <Переяслава> высокий курган, называемый Богданова могила. И тут же недалеко впадает в древнее русло Днепра бесконечный вал, неизвестно когда и для чего построенный» (из записей Шевченко).

Строка 109. *К холмам Трех Братьев склонились ивы*.— «Переяслав и окрестности его могли б <быть> чрезвычайно интересны своими укреплениями и курганами, но о них сохранились

только названия и почти никаких преданий в народе. По киевской дороге в пяти верстах от Переяслава над самой дорогой три высокие кургана, называемые *Трибратни могилы*» (из записей Шевченко).

Строка 110. *Трубайло с Альтой*.— Трубайло — народное название одного из левых притоков Днепра, Трубежа. Альта — река, впадающая в Трубеж у Переяслава. Окрестности Переяслава, припоминавшиеся поэту, подробно описаны им и в повести «Близнецы».

ИРЖАВЕЦ

«Кобзарь», 1867, сс. 364—366. Русский перевод А. Колтоновского — в кн. «Кобзарь», СПб. 1911, сс. 69—72.

В основе поэмы народные легенды о «чудотворной» иконе, хранившейся в селе Иржавец, которые поэт мог слышать при неоднократных посещениях окрестностей Прилук (об этой иконе Шевченко вспоминает также в повести «Музыкант»), и исторические рассказы («Истории Русов» главным образом) о кошевом атамане К. Гордиенко, которому обманом удалось увлечь с собою, после Полтавской битвы, часть запорожцев в Крым; вскоре большая часть беглецов возвратилась и была включена в состав русской армии.

Строка 3. *Убегали с Мазепюю*.— После сражения под Полтавою уцелевшая часть шведской армии, вместе с немногочисленными казацкими отрядами, поддавшимися на уговоры Мазепы, бежала за Днестр в турецкие владения.

Строка 11. *Фастовский полковник* — Семен Палий, один из популярных руководителей противояршетских восстаний украинских казаков и крестьян в 1702—1704 гг. По наговорам Мазепы был сослан царским правительством в Сибирь, откуда возвращен в начале 1709 г.; см. о нем ниже, в примечании к стихотворению «Чернец».

Строка 13. *У Петра* — то есть у царя Петра I.

Строка 18. *Прилуцкий*||*Полковник поганый* — Игнатий Галаган, перешедший к шведам; испросив себе прощение у Петра, он принял участие в разрушении Запорожской Сечи.

Строка 65. *Как в Глухове зазвонили*,||*Как пушки палили*.— Имеется в виду избрание (после измены и бегства Мазепы) нового гетмана, Ивана Скоропадского. Начиная с 1708 г., Глухов в течение некоторого времени являлся гетманской резиденцией.

Строка 67. *Как людей погнали строить*||*Город на тряси́не* — то есть Петербург.

Строка 71. *Как сыночки на Орели*||*Линию копали.* — Орель — один из левых притоков Днепра. В начале XVIII в. вдоль реки была сооружена укрепленная пограничная линия для охраны южных границ страны от татарских набегов.

N.N. («О ДУМЫ МОИ! О СЛАВА ЗЛАЯ!..»)

«Записки Наукового товариства імені Т. Шевченка», Львов 1901, кн. 1, сс. 2—3.

Строка 13. *И грека доброго* — очевидно, философа Сократа.

«КОГДА МЫ БЫЛИ КАЗАКАМИ...» («Ще як були ми козаками...»)

«Dziennik literacki», Львов 1861, № 60. Русский перевод А. Плещеева — в кн. «Стихотворения Плещеева», М. 1861, сс. 52—53.

Это стихотворение связывают с именем друга Шевченко по ссылке, польского революционера Бронислава Залеского (1820—1880). Залеский был сослан в Оренбургский корпус в начале 1848 г. и познакомился с Шевченко лишь осенью 1849 г. Весьма вероятно, что Залескому было посвящено стихотворение, написанное ранее; обращение к поляку — «и другу и брату», а также заключительные строки были дописаны при посвящении. Существует автограф этого стихотворения, без заключительных строк.

Строка 2. *Еще до унии* — то есть до 1596 г.

ЧЕРНЕЦ

«Основа», 1861, кн. 1, сс. 7—10. Русский перевод Пр. Б. («Монах») — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, с. 100.

В основе поэмы лежат народные предания о Семене Палие. Сохранился один из таких рассказов, записанный собирателем непосредственно от Шевченко. («Украинские народные предания. Собрал П. Кулиш. Книжка 1-я», М. 1847, сс. 42—43.)

Поэт чрезвычайно близко держался народного рассказа. Поэма первоначально (в «Малой» книжке) была посвящена Кулишу. Переписывая поэму набело в 1858 г., Шевченко посвящение снял. Отождествление «спасающегося» запорожца с полковни-

ком Семеном Палием сделано на основании народных преданий и песен; исторический Палий монахом не был.

Строка 1. *Подол* — приднепровская часть Киева. В XVII—XVIII вв. на Подоле помещалась «бурса», то есть упоминавшаяся в поэме «Слепой» (т. 1 наст. изд.) Братская школа.

Строка 52. *Межигорский спас* — мужской монастырь в Межигорье, под Киевом.

Строка 57. *Пугу! Пугу!* — запорожское приветствие.

Строка 72. *Вышгород* — село на полдороге между Киевом и Межигорьем.

Строка 91. *Старый гетман* — Мазепа; дальнейшие строки пересказывают основные факты биографии Палия.

«А МЫ ВСЕ ДУМАЕМ, РЕШАЕМ...» («Один у другого питаем...»)

«Народное чтение», 1859, № 6, с. 133; там же, с. 134 — русский перевод, сделанный Н. С. Курочкиным («Мы все живем и все не знаем...»)

Мы все живем и все не знаем,
Зачем судьба нам жизнь дала?
Добра ли ждаты нам, или зла,
К чему идем, чего желаем,
За что в незнаньи умираем
Без сил на светлые дела?

Суди ж, моей виновник доли,
Меня за все дела мои!
Ах! лучше б дети не росли,
Которые, родясь в неволе,
Позор тебе же принесли.

«САМ УДИВЛЯЮСЬ, КТО ОТВЕТИТ...» («Самому чудно. А де ж дітись?..»)

«Кобзарь», 1867, с. 374. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, изд. 2-е, СПб. 1906, с. 202.

О настроениях, продиктовавших поэту это и предыдущие стихотворения, он подробно рассказывает в редких письмах этого времени к знакомым и друзьям, например к В. Н. Репниной, 24 октября 1847 г., к А. И. Лизогубу, 11 декабря 1847 г., к М. М. Лазаревскому, 20 декабря 1847 г. (см. т. 5 наст. изд.).

«ОИ, СТРОЧЕЧКУ ДА К СТРОЧЕЧКЕ...»

(«Ой, стрічечка до стрічечки...»)

«Кобзарь», 1867, с. 375. Русский перевод — в кн. «Кобзарь», СПб. 1911. с. 156.

ПЛАТОК (Хустина)

Альманах «Хата», СПб. 1860, сс. 86—89. Русский перевод Л. Мея — «Народное чтение», 1859, № 3, сс. 159—161 (с рукописи).

Стихотворение — своеобразная вариация на темы украинских народных песен.

Строка 10. *«Пречистую поджидают»* — то есть церковного праздника «успения богородицы» (15 августа ст. ст.), когда, по окончании успенского поста и летних полевых работ, на селе игрались свадьбы.

Строка 47. *Преславные компанейцы* — наемное гетманское конное войско.

Строка 58. *Характерник с Сечи.* — Характерниками, то есть колдунами, назывались старые запорожцы; считалось, что именно близкие отношения с нечистой силой помогли им сохранить жизнь в боях и походах. Отголосок этих народных верований продиктовал Гоголю образ Пацюка в «Ночи перед Рождеством».

Строка 65. *Рушницы-гаковницы* — длинные кремневые ружья.

А. О. КОЗАЧКОВСКОМУ

«Основа», 1862, кн. X, сс. 1—5. Русские переводы: Н. А. Чмырева — «Будильник», 1874, № 13, сс. 9—10 (первые 26 строк); «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М. 1911, сс. 104—108.

Андрей Осипович *Козачковский* (1812—1889) — врач, проживавший в середине сороковых годов в Переяславе, где с ним и сдружился Шевченко; познакомились они еще в Петербурге в 1841—1842 гг. Козачковскому принадлежат интересные воспоминания о Шевченко: «Из воспоминаний о Т. Г. Шевченко» — «Киевский телеграф», 1875, № 25; ср. также: А. Козачковский, «Пребывание Т. Г. Шевченко в Переяславе (из семейных воспоминаний)» — «Советская Украина», 1954, № 5, сс. 141—144.

Строка 10. *Перепишу Сквороду.* — Имеются в виду песни («псалмы»), сочиненные известным украинским странствующим

философом, Григорием Саввичем Сковородою (1722—1794). Некоторые из этих песен (например, «Всякому городу нрав и права», «Ой ты, птичка желтобока» и др.) пользовались широкой известностью в народе.

Строка 11. *Три царие со дары.*— Колядка или рождественская псалма, рассказывавшая о поклонении волхвов младенцу Иисусу.

Строка 47. *Талами выйду вдоль круч Урала.*— Талы — песчаные барханы, поросшие кустарником. Орская крепость, в которой было написано стихотворение, расположена на берегу реки Урал.

Перебеляя стихотворение (16 марта 1858 г.), поэт, кроме ряда стилистических исправлений текста, выбросил два небольших отрывка, видимо не желая в изменившихся обстоятельствах слишком привлекать внимание читателей к тягостным мыслям, которые овладевали им по временам в страшные первые месяцы солдатчины. Первый отрывок непосредственно следовал после строки 100 («Не раз подушку омочу»):

Не малодушие в неволе
Слезы ночью точит,
Это грех мой, грех великий
Вылиться хочет.
Нет, не выльется — и вечно
Мне душой терзаться...
Страшно мне, о друг мой, брат мой,
Смерти дожидаться.

Второй отрывок следует после строки 122 («Чтоб знал, что дурня всюду бьют»):

Так дни я и недели маюсь,
И, может быть, мой друже, так
Пройдут последние года...
Как я пред богом оправдаюсь?
За правду на земле караюсь.
Не кляню я доли,
Только бога умоляю:
«Не дай, боже, в чужом крае
Сгинуть мне в неволе!»

(Перевод Вс. Рождественского)

Строка 109. *У Николая очутилась.*— Намек на арест и ссылку по приговору Николая I.

СОЛДАТОВ КОЛОДЕЦ (Москалева криниця)

«Кобзарь», 1876, т. II, сс. 156—165. Русский перевод А. Колтоновского — в кн. «Кобзарь», СПб. 1911.

На эту же тему и под тем же заглавием Шевченко написал еще одну поэму — в 1857 г., тотчас же после получения известия о предстоящем своем освобождении из ссылки. Обе поэмы посвящены Якову Герасимовичу Кухаренко (1798—1862), наказному атаману Черноморского казачьего войска, украинскому писателю, автору пьесы «Черноморский быт» («Чорноморський побут», 1835). Шевченко познакомился с ним в 1842 г., в Петербурге; дружеские их отношения не прерывались и во время ссылки поэта. Несмотря на свое официальное положение и генеральский чин, Кухаренко неоднократно писал ссылке солдату и помогал ему материально.

Первоначально после строки 60 шли еще 40 строк:

Первый

Передохнем немного, что ли.
Что, яровое не взошло?

Второй

Откуда бы оно взялось,
Когда под рожь лишь пашем поле?
Вот в том и суть, что в темноте
Вы век свой прожили, не знали,
А если знали, забывали.
В журнале пишут...

Первый

Te! Te! Te!

Второй

Да что вы думаете, польский
Или «Хозяин» тот московский? ¹
Не то, не то! Журнал «Ревю» ²
Или... «Ла мод», купил для Паши
В Ромнах его...

¹ Имеется в виду, повидимому, «Журнал сельского хозяйства и овцеводства», издававшийся Московским обществом сельского хозяйства в 1841—1850 гг.

² «Ревю» (La revue — обозрение — франц.), «Ла мод» (La mode — мода — франц.) — названия ряда французских журналов, в изобилии ввозившихся в Россию в 20—40-х гг.

Первый

(Тихо)

Так вот как наши!
Не знал, как на земле живут.

Второй

Ну вот из этого журнала
Моя Пашета и узнала,
Как немцы сеяли траву
И жали ту траву серпами!..
И все написано стихами,
Да не такими, как у нас...

Первый

Когда б свиней ты, братец, пас..
Не обессудь меня...

Второй

(Будто и не слышал)

Гей, хлопчик!

(Ходит, посвистывает, потом запевает)

Малый удалый
С карими очами,
Зачем тебе жинка —
Камень за плечами?..

Первый

Ну ладно, хватит напевать!

Второй

Никак желаете кончать?
А я надумал тут такое...

Первый

А я так думаю другое:
Что выпьем да передохнем,
И вновь, не мешкая, начнем.
Пиши себе, работы много,
А кончим — как угодно богу.

(Перевод А. Суркова)

Строка 142. *От царицы*||*Пришел указ.*— События рассказа о Максиме относятся ко второй половине XVIII в., то есть к царствованию Екатерины II; ср. ниже упоминание о том, что «карался

господом поляк», — намек на разделы Польши, что «Пугач явился на Урале» — прямое указание на восстание Пугачева, и т. д.

Строка 203. *После большой зимы* — то есть после необычно продолжительной с жестокими морозами зимы 1787 г., надолго запомнившейся в народе.

Строка 217. *Вдовиченко в пикинерах*. Вдовиченко — сын вдовы (укр.). Пикинерами назывались пехотные или конные полки, вооруженные пиками; после уничтожения Сечи в пикинеры набирались украинские казаки.

Строка 275. *На самого маковоя* — то есть 1 августа ст. ст.

«ВОТ ТАК И Я ТЕПЕРЬ СТРОЧУ...»

(«То так і я тепер пишу...»)

«Кобзарь», 1867, с. 406. Русский перевод А. Доброхотова — в кн. «Кобзарь Т. Г. Шевченко в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербеля, изд. 4-е, М. 1905, сс. 210—211.

Это стихотворение заканчивало первую «захалавную» книжечку и было написано, вероятно, перед отправкою ее друзьям на сохранение — до лучших времен.

«ДАВАЙТЕ ВНОВЬ СТИХИ ПИСАТЬ...»

(«А нумо знову віршовать...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 413 — 414. Русский перевод А. Доброхотова — в кн. «Кобзарь Т. Г. Шевченко в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербеля, изд. 4-е, М. 1905, с. 227.

Этим стихотворением начинается вторая «захалавная» книжечка. Стихотворение печатается обычно в позднейшей редакции (1858); первоначальный его текст содержит ряд характерных деталей, обрисовывающих душевное настроение поэта в первый год ссылки.

«ТОПОР БЫЛ ЗА ДВЕРЬЮ У ГОСПОДА БОГА...»

(«У бога за дверми лежала сокира...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 436—438. Русский перевод Н. Пушкирева — «Московское обозрение», 1877, № 4, с. 66 («Сингичагач»).

Стихотворение написано вследствие неожиданных перемен в однообразной жизни ссыльного поэта. 5 мая 1848 г. рядового Шевченко, по распоряжению корпусного командира Обручева, перевели из Орской крепости на службу в Раим. Более месяца, с 11 мая по 19 июня, длился изнурительный поход через безводные степи; во время похода Шевченко довелось стать свидетелем степного пожара, а затем встретить и «аулие-агач», «святое дерево» казахов. Эти впечатления позднее были очень подробно, с большой фактической точностью описаны поэтом в повести «Близнецы» (см. т. 4 наст. изд.).

Точность описаний Шевченко подтверждена также его соотарищем по ссылке Брониславом Залеским; один из офортов изданного им альбома («La vie des steppes Kirghizes, descriptions, récits et contes», Париж 1865) изображает «Священное дерево киргизов»; пояснительный текст к офорту близко соответствует упоминаниям об «аулие-агач» в стихотворении и повести Шевченко. В стихотворении непосредственные живые впечатления поэта сочетаются с какою-то казахской легендой, возможно услышанной во время того же похода. Записи этой народной легенды до сих пор неизвестны.

ВАРНАК

«Кобзарь», 1867, сс. 415—420. Русский перевод Н. Пушкирева — «Московское обозрение», 1877, № 10, сс. 81—86.

В поэме о «варнаке» (то есть каторжнике) использован ряд народных рассказов об Устиме Кармалюке (1787—1835). Образ этого, по новейшему выражению Шевченко, «славного рыцаря», овеян многочисленными преданиями и песнями, которыми поэт интересовался во время своих археологических экскурсий по Подолии (1846) и позднее. В 1854 г. Шевченко написал повесть «Варнак», близкую по сюжету одноименной поэме (см. т. 3 наст. изд.), черты Кармалюка в повести еще более явственны и очевидны.

Строка 2. *Елек* — приток Урала.

Строка 37. *Воды немало* || *Из Иквы <в море> утекло.* — Иква — река на Волыни, приток Стыря. Слова, взятые в угловые скобки, являются традиционной редакторской конъектурой: в автографе вместо этих слов стоят точки, — очевидно, поэт позабыл, куда впадает Иква, и предполагал позднее доработать строчку.

«ОЙ, ГЛЯНУ ДА ПОГЛЯЖУ Я...»

(«Ой, гляну я, подивлюся...»)

«Кобзарь», 1867, с. 422. Русский перевод В. Изгоева <Н. Д. Мизко> — «Дон», 1870, № 3, 10 января.

О настроениях, продиктовавших это и следующее стихотворения, красноречиво говорят одновременные письма поэта к немногим приятелям, имевшим мужество поддерживать сношения с политическим ссыльным (см., например, в т. 5 наст. изд. письмо к А. И. Лизогубу, 1 февраля 1848 г.). Как вспоминал позднее Н. Белозерский, после Кирилло-Мефодиевского дела, «все в провинции находилось под таким страхом и трепетом, что и помышлять не смели о переписке с Шевченко» («Киевская старина», 1882, № 10, с. 70). Попытки отдельных лиц поддерживать переписку с поэтом неизменно заканчивались очень недвусмысленным и строгим внушением III Отделения. Характерно в этом отношении, например, письмо шефа жандармов графа Орлова В. Н. Репниной от 27 июня 1850 г., в котором адресатка за выраженное ею участие к судьбе поэта, «не приличное по его порочным и развратным свойствам», по-солдафонски грубо предупреждалась от имени самого царя «как о неуместности такового участия вашего к рядовому Шевченко, так и о том, что вообще было бы для вас полезно менее вмешиваться в дела Малороссии, и что в противном случае вы сами будете причиною, может быть, неприятных для вас последствий». В таких обстоятельствах переписка поэта вскоре свелась к редким и случайным письмам, что вызывало неоднократные жалобы Шевченко в стихах и письмах.

«НЕ ДАЙ ТЫ НИКОМУ ТОГО ЖЕ...»

(«Та не дай, господи, нікому...»)

«Кобзарь», 1867, с. 423. Русский перевод В. Изгоева [Н. Д. Мизко] — «Дон», 1870, № 3, 10 января.

ЦАРИ

«Кобзарь», 1876, т. II, сс. 248—256. Русский перевод в кн. «Запретный Кобзарь в переводах, собрал И. А. Белоусов». М. 1918, сс. 39—45.

Стихотворение, не озаглавленное поэтом, состоит из четырех эпизодов-новелл, обрамленных прологом-запевкой (обращение к Музе — «девятой сестре Аполлона») и заключением («Чтоб палачи их покарали!»). Все эпизоды разоблачают существо царской власти. Переписывая стихотворение в 1858 г. в «Большую» книжку, Шевченко усилил революционно-демократическое его звучание, заведомо отказываясь от публикации «Царей» в подцензурной печати. В связи с этим представляет большой интерес творческая история стихотворения.

Поэт нарочито «снижает» традиционный образ Музы, как бы подсказывая читателям, что подобным образом будут развенчаны и «цари», о которых с такой торжественностью повествуют библейские и летописные легенды, не утрачивая высокого слога даже при упоминании самых постыдных, самых отвратительных их деяний. Однако в первоначальной редакции поэт слишком большое внимание уделил своей встрече с Музой, обрисовав ее же в стиле «Перелицованной Энеиды» Котляревского; вообще чуждый Шевченко бурлеск в данном случае притуплял сатирическое толкование образа, а многочисленные бытовые подробности заслоняли политический замысел пролога, ослабляя смысл всего задуманного стихотворения.

Поэтому, взявшись за переработку «Царей», Шевченко совершенно изменил стилистику пролога. Бурлескный тон был заменен подчеркнуто «высоким стилем» — очень тонким словесным узором, составленным из торжественно-патетических славянизмов, ироническое отношение к которым становится особенно ощутительным при сочетании их с обиходно-бытовыми словами и оборотами. Подобное, не совсем обычное сочетание двух противоположных стилистических систем проведено затем на всем протяжении стихотворения. Эти стилистические контрасты позволили поэту с большей выразительностью осуществить свой замысел.

Подобным же образом шла правка и остальных эпизодов стихотворения. Основной задачей этой правки было — усилить, подчеркнуть антимонархическую, антирелигиозную направленность «царей». Поэт систематически убирает бытовые детали и, наоборот, усиливает оценочные авторские ремарки, эпитеты. Показательна в этом отношении переработка заключительного раздела стихотворения.

Если ссыльному поэту в первый год ссылки казалось, что в условиях мрачной николаевской действительности трудно надеяться на изменение существующего общественно-политического

стройка («тебя все дурнем назовут»), то в 1858 г. поэт не только убежден в том, что «где люди,— хорошо там будет», но и делает из этого убеждения «вывод»:

Так будем жить, людей любить,
Святого господа хвалить!

Иронический смысл последних строк непосредственно вытекает из всего содержания стихотворения, направленного против «возлюбленных господом» тиранов.

Эпизод с женой Гурия (в библии — Урия) заимствован поэтом из библии, Вторая книга царств, гл. II, эпизод с «сунамитянкой» Ависагой — из Третьей книги царств, гл. I.

Последний эпизод взят поэтом из «Повести временных лет». «Повесть временных лет», под ред. В. П. Андриановой-Перетц, ч. 1, М.—Л. 1950, сс. 54, 56, 57.

«КОГДА ЕСТЬ ДОМ РОДНОЙ...»

(«Добро, у кого є господа...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 439. Русский перевод П. Тулуба — «Вестник Европы», 1904, № 8, с. 263 («Жизнь и радость тем, кому судьбою...»).

В июне 1848 г. Шевченко был прикомандирован в качестве художника к «описной» экспедиции А. И. Бутакова, изучавшей Аральское море. В продолжение полутора лет, вплоть до ноября 1849 г., поэт был фактически отрезан от мира, от друзей: помимо того, что почта вообще редко приходила в лагерь экспедиции, отъезд из Орской крепости оборвал налаживавшиеся было потаенные связи с внешним миром. Как писал Шевченко В. Н. Репниной, 14 ноября 1849 г., «обо мне никто не знал, где я прожил эти полтора года, я ни с кем не переписывался, потому что не было возможности, почта, ежели и ходит через степь, то два раза в год. А мне всегда в это время не случалось бывать в укреплении».

Строка 14. *Пришли в Дарью.* — Имеется в виду устье реки Сыр-Дарья, где, на острове Кос-Арал, была база экспедиции. Судно прибыло в устье Сыр-Дарья на зимовку 23 сентября 1848 г.

и 26 сентября ошвартовалось «против укрепления, находящегося подле рыболовной ватаги в небольшом заливе острова Кос-Арала, где течение реки едва заметно, следовательно осенний и зимний лед не может вредить судам» («Дневные записки плавания А. И. Бутакова на шкуне «Константин» для исследования Аральского моря в 1848—1849 гг.». Ташкент, 1953, с. 30). Эта запись уточняет датировку стихотворения: оно было написано в последних числах сентября 1848 г.

Строка 15. *С Ватаги письма принесли.*— Из рыбацкого поселка неподалеку от лагеря экспедиции.

Строка 17. *Мы с коллегой легли.*— «Коллегой» здесь назван геолог экспедиции, ссыльный поляк Томаш Вернер, бывший студент варшавского Технологического института.

ДОЧЬ КТИТОРА

(Титарівна)

«Кобзарь», 1867, сс. 565—572. Русский перевод П. Тулуба — в кн. «Кобзарь в переводе русских писателей», М. 1911, с. 94.

В основе поэмы лежат несколько фольклорных мотивов, из которых основной — песня о девушке-покрытке, утопившей ребенка, очень популярная в народном украинском песенном творчестве. К этой песне особенно близок был первоначальный замысел поэмы, от которого в альбоме поэта сохранился отрывок.

Сюжет народной песни Шевченко осложнил психологической мотивировкой событий: юноша соблазняет девушку из мести за то, что она некогда пренебрегла его бедностью; он же (а не девушка, как в народной песне) топит ребенка. Упомянув о позднейшей судьбе соблазнителя, поэт воспользовался народными преданиями о нераскаянном грешнике, которого земля не принимает из-за совершенных им страшных злодеяний (ср. использование этого же народного мотива в «Страшной мести» Гоголя).

Ктитор — церковный староста.

Строка 2. *Когда по деревьям ходили||Борцы.*— Имеется в виду старинный народный обычай (XVII—XVIII вв.), по которому парубки, переодетые татарами, либо с наброшенными на плечи

зверинными шкурами, ходили в соседние села меряться силами, бороться.

Строка 10. *В аренде* — то есть в шинке, который обычно сдавался владельцем села в аренду.

«НУ, ЧТО, КАЗАЛОСЬ БЫ, СЛОВА?..»

(«Ну що б, здавалося, слова?..»)

«Кобзарь», 1867, сс. 576—577. Русский перевод А. Колтоновского — «Вестник Европы», 1911, № 2, с. 290.

Строка 18. *Земляк из Островной*. — Кроме сделанного в тексте краткого примечания, Шевченко упоминает об этой станице в повести «Близнецы» (см. т. 4 наст. изд.).

«КАК ЗА ПОДУШНЫМ, ПРАВЫЙ БОЖЕ...»

(«Мов за подушне оступили...»)

«Основа», 1862, кн. VIII, с. 4. Русские переводы: Ф. Гаврилова — в кн. «Кобзарь в переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1911, с. 79; А. Колтоновского — в кн. «Кобзарь», СПб. 1911, с. 107.

П. С. («Я ВО ВСЕ НЕ СЕРЖУСЬ НА ЗЛОГО...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 463—464. Русский перевод Павла Тулуба — «Вестник Европы», 1907, № 11, сс. 116—117.

Заглавие стихотворения расшифровывается обычно как инициалы полтавского помещика Петра Скоропадского, владельца села Григорьевки и 522 «душ» крепостных, потомка «гетмана-глупца» И. И. Скоропадского. Ряд бытовых подробностей для его характеристики сообщает в своих «Записках» М. И. Глинка; он рассказывает, что П. Скоропадский «воспитан был в Московском университетском пансионе, был очень образован и доступен искусствам», хотя, в то же время, «в одежде и приемах подражал простым казакам» и, участвуя в музыкальных вечерах у соседних помещиков, пел украинские народные песни, «искусно подражая простолюдинам» (М. И. Глинка, Литературное наследие, т. 1, Л.—М. 1952, сс. 185—186). Шевченко дает обобщенный реалистический образ крепостника-лицемера.

Г. З. («НЕТ ГОРШЕ ДОЛИ, ЧЕМ В НЕВОЛЕ...»)

Г. З. (Немає гірше, як в неволі...»)

Альманах «Хата», СПб. 1860, сс. 80—83, под заглавием «На Україну»; заглавие дано редактором «Хаты» П. Кулишом. Русский перевод А. Доброхотова — в кн. «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербеля, изд. 4-е, М. 1905, с. 253.

Инициалы Г. З. расшифровываются как имя и фамилия Анны (Ганны) Ивановны Закревской, жены пирятинского помещика П. А. Закревского. С обоими супругами Шевченко познакомился в 1843 г. и тогда же написал их портреты. Воспоминания современников (например, А. Чужбинского и др.) намекают на влюбленность поэта в А. И. Закревскую (см. также Мариэтта Шагинян, Тарас Шевченко, М. 1946, сс. 152—183).

Строка 27. *Мать родная||Старая, седая.*— Имеется в виду помещица Татьяна Густавовна Вольховская, гостеприимно принимавшая поэта, хотя, по замечанию А. Чужбинского, не слишком ясно представляла себе, кто он таков и чем собственно занимается. На балу у Вольховской Шевченко познакомился с А. И. Закревской.

«КОГДА БЫ ВСТРЕТИЛИСЬ МЫ С НОВА...»

(«Як бы зустрілися ми знову...»)

«Кобзарь», 1867, с. 468. Русский перевод И. Белоусова — «Ежемесячные приложения к «Ниве», 1904, № 10, с. 273.

Можно подумать, что и это стихотворение, по связи с предыдущим, навеяно воспоминаниями об А. И. Закревской.

МАРИНА

«Кобзарь», 1867, сс. 513—523. Заглавие утверждено традицией; в автографе поэма заглавия не имеет. Русский перевод А. Доброхотова — в кн. «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербеля, изд. 4-е, М. 1905, с. 176.

В основе сюжета поэмы лежит услышанный некогда поэтом ужасный эпизод крепостнической действительности на Украине. Официальный отчет III Отделения за 1840 г. особо отмечал неуклонный рост «посягательств на жизнь самих помещиков и упра-

вителей именами», («Крестьянское движение в 1827—1869 гг.», вып. 1, М. 1931, с. 41).

Строка 199. *Как Кирик пьяный.*—Ив. Франко, высказывает предположение (в письме к В. Н. Доманицкому, 1907 г.), что это — «какая-то местная поговорка... вероятно, был какой-то всем известный пьяница Кирик в каком-то селе, где побывал Шевченко. Подобных локализмов в поговорках много» («За сто літ», сб. кн. V, Киев 1929, с. 293).

ПРОРОК

«Кобзарь», 1867, с. 470, без заглавия. Заглавие дано самим поэтом в позднейшем, исправленном по сравнению с предыдущими текстами, автографе (1859). Русский перевод в кн. «Маленький кобзарь из Т. Г. Шевченко. Переводы И. А. Белоусова», Киев 1892, сс. 50—52.

«НА РОЖЬ НЕСЖАТУЮ В НОЧИ...»

(«На ниві в жито уночі...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 582—583, под заглавием «Сичі». В автографе заглавие отсутствует. Русский перевод А. Колтоновского — в кн. «Кобзарь», СПб. 1911.

Стихотворение — единственный опыт Шевченко в жанре политической басни. По наиболее вероятному предположению исследователей поводом для создания басни послужили дошедшие с большим запозданием до ссыльного поэта (возможно, через его товарища по ссылке Томаша Вернера) известия о широком крестьянском восстании в Галиции в 1846 г. Слабая организация восстания привела к быстрому его подавлению. Возможно, конечной неудачей восстания объясняется то, что поэт не переписал позднее басни в «Большую» книжку.

«МЕЖ СКАЛАМИ ПОДОБНО ВОРУ...»

(«Між скалами неначе злодій...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 524—529. Поэма, видимо, не удовлетворила автора: он не перенес ее в «Большую» книжку и даже не исправил текста. Русский перевод Ады Чумаченко — в кн. «Кобзарь», М. 1911, с. 82.

Строка 7. *«Мутный Днестр, вода седая||Вынеси на волю! —* Через Днестр, в Бессарабию, так же как и в причерноморские («новороссийские») степи, бежали крепостные крестьяне с Правобережной Украины. Там, на «новых землях», они могли прикрепляться к помещикам по собственному желанию, выговаривая себе при этом некоторые льготы и пользуясь относительно бóльшей свободой.

«И СОННЫЕ ВОЛНЫ И МУТНОЕ НЕБО...»

(«І небо невмите, і заспані хвилі...»)

«Основа», 1861, кн. VIII, с. 16. Русские переводы: Илько — «Газета Гатцука», 1881, № 3, с. 50; А. Богданова — «Звезда», 1911, № 13, 12 марта.

Строка 7. *Над никудышным этим морем* — то есть Аральским морем.

«И ВЫРОС Я В КРАЮ ЧУЖОМ...»

(«І виріс я на чужині...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 530—531, с цензурным исключением последних строк. Русский перевод — в кн. «Кобзарь в переводе русских писателей», М. 1911, с. 75.

Строка 8 и сл. *В тяжкую годину.* — Шевченко посетил родное село, Кирилловку, в сентябре 1843 года.

Строка 18. *Славно, мама,||Что так рано спать легла.* — Мать поэта умерла 20 августа 1823 г., на тридцать втором году жизни.

«НЕ ДЛЯ ЛЮДЕЙ И НЕ ДЛЯ СЛАВЫ...»

(«Не для людей, тієї слави...»)

«Основа», 1861, кн. 1, сс. 1—2. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, с. 49.

«НА КУРГАНЕ ВОЗЛЕ РОЩИ...»

(«Коло гаю в чистім полі...»)

«Основа», 1862, кн. IX, сс. 1—2. Русский перевод Пр. Б. — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, с. 89.

Сюжет стихотворения заимствован из народных песен.

«МНЕ Б САПОЖКИ, Я БЫ ТОЖЕ...»

(«Якби мені черевики...»)

«Народное чтение», 1859, № 5, с. 168. Русский перевод Ф. Сологуба — в кн. «Кобзарь. Избранные стихотворения в переводе Ф. Сологуба», ГИХЛ, 1934, с. 249.

25 марта 1859 г. поэт включил в письмо к М. В. Максимович «эту небольшую... песенку», очевидно, подготавливая ее в это время для напечатания в журнале. Стихотворение является перепевом народной песни.

И БОГАТА Я

«Народное чтение», 1860, № 1, сс. 145—146. Русский перевод А. Плещеева — «Народное чтение», 1860, № 3, сс. 146—147.

Стихотворение является перепевом народной песни.

«ПОВСТРЕЧАЛАСЯ Я...»

(«Полюбилася я...»)

«Народное чтение», 1860, № 1, с. 147. Там же, 1860, № 3, сс. 147—148,— русский перевод А. Н. Плещеева:

Полюбила я
На печаль свою,
Сиротинушку
Бесталанного.
Уж такая мне
Доля выпала!
Разлучили нас
Люди сильные;
Увезли его,
Сдали в рекруты...
И солдаткой я,
Одинокой я
Знать в чужой избе
И состареюсь...
Уж такая мне
Доля выпала.

Текст перевода получил большое распространение благодаря написанному на него романсу С. В. Рахманинова. Стихотворение является перепевом народной украинской песни.

«МАТЬ МОЯ БЫЛА БОГАТА...»

(«Породила мене мати...»)

«Основа», 1862, кн. 1, сс. 2—3. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, с. 58.

Стихотворение — перепев народной украинской песни.

«МУЖЕНЬКА Я ДОРОГОГО...»

(«Ой, я свого чоловіка...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 532—533. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М. 1911, с. 117.

«ОЙ, НАТОЧУ ТОВАРИЩА...»

(«Ой вигострю товарища...»)

«Кобзарь», 1867, с. 534. Русский перевод Ф. Гаврилова («Я отправлюсь с верным другом...») — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, с. 110.

«НА УЛИЦЕ СНЕГ И ВЕТЕР...»

(«По улиці вітер віє...»)

«Основа», 1862, кн. 1, с. 3. Русский перевод И. Сурикова — «Развлечение», 1867, № 47, с. 344.

«ПРИСЯДУ Я НА КРЫЛЕЧКЕ...»

(«Ой, сяду я під хатою...»)

«Основа», 1862, кн. 1, с. 4. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, изд. 2-е, СПб. 1906.

Строка 6. В «хрещика» играют.— «Хрещик» — девичья игра. Гоголь записал следующее ее объяснение: «2 пары, взявшись за руки, и бегут одна против другой навкрест; кто кого поймает, тот и становится с тем» (Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., изд. Академии наук СССР, т. IX, М.—Л. 1952, с. 511).

«КУКОВАЛА КУКУШЕЧКА...»

(«Закувала зозуленька...»)

«Основа», 1862, кн. 1, с. 3—4. Русские переводы: Ив. Бунина — «Журнал для всех», 1900, № 12, с. 1423; П. Грабовского — «Сибирская жизнь», 1901, № 111.

ШВАЧКА

«Кобзарь», 1867, сс. 489—490:

Никита *Швачка* — один из гайдамацких руководителей («ватажков»), действовал в районах Белой Церкви, Василькова, Фастова. Народные предания и песни прославляли его как героя и защитника прав крепостного крестьянства. В июле 1768 г. его отряд был разгромлен, и сам Швачка схвачен и сослан в Сибирь; однако и позже многие повстанцы в разных местах Украины принимали имя Швачки, — это уже само по себе свидетельствует о большой его популярности в народе. С народными песнями о Швачке поэт был знаком, повидимому, с детства, и считал их особенно «любимыми». Об этом говорит и дневниковая запись поэта 11 июля 1857 г.

Шевченко допускает в своем стихотворении несколько фактических ошибок. Так, вместо Бышова, местечка под Киевом, поэт упоминает Быхов, город в Белоруссии, куда гайдамаки не доходили. Он упоминает также Левченко, одного из гайдамацких «ватажков», действовавшего на Уманщине, независимо от Швачки, очевидно имея в виду одного из товарищей Швачки — Бондаренко. Характерно, что те же ошибки содержатся в двух гайдамацких песнях о Бондаренко, вписанных Шевченко в свой альбом 1843 г., во время странствований по Украине.

Строка 17. *Полковника фастовского* — то есть Семена Палия. См. выше, примечание к поэме «Чернец», которое объясняет и дальнейшие строки (25—26): «Приди к нам из Межигорья, Палий, поскорее»; согласно народным преданиям, Палий окончил свои дни монахом в Межигорском монастыре.

Строка 21. *У Перепяту*. — Имеется в виду огромная скифская могила в Васильковском уезде Киевской губернии (Перепетиха); в ее раскопках Шевченко принимал участие летом 1846 г.

«ОИ, НЕ ПЬЮТСЯ МЕД И ПИВО...»

(«Ой, не п'ються пива, меди...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 535—536. Русский перевод В. Изгоева [Н. Д. Мизко] — «Дон», 1870, № 3, 10 января.

Стихотворение является свободным перепевом на темы любимых Шевченко чумацких песен, в частности песен о смерти чумака в пути (ср., например, М. Л и с е н к о, Збірник українських пісень, вып. IV, № 13, и др.).

«НА УЛИЦЕ НЕВЕСЕЛО...»

«Кобзарь», 1867, с. 537. Русский перевод И. Сурикова — «Иллюстрированная газета», 1871, № 23, с. 362.

«ХАТА КАТРИ-КАТЕРИНЫ...»

(«У тієї Катерини...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 221—223. Русский перевод В. Изгоева [Н. Д. Мизко] — «Дон», 1870, № 4, 15, янв. На слова стихотворения Н. В. Лысенко написал романс, пользующийся большой известностью.

Как указал Иван Франко, «Шевченко для написания небольшой своей поэмы, в которой он хотел охарактеризовать и глубину казацкого чувства и казацкую удаль в достижении поставленной перед собою цели и, наконец, казацкую гордость, которая не терпит ни тени лжи, воспользовался народной украинской песней, одной из самых популярных песен украинского народа, известной исследователям песней о «Тройзелье» (И в. Ф р а н к о, Студії над українськими народними піснями.— «Записки Наукового товариства ім. Шевченко», Львов, 1908, кн. III, с. 18). При этом, однако, Шевченко изменил основной мотив песни — добывание «тройзелья» — также в духе казачьих народных песен. Франко замечал, что «само перенесение мотива с тройзелья на освобождение казака из неволи делает честь живому поэтическому чувству Шевченко».

Строка 42. *Козлов* — старое казачье название Евпатории в Крыму, искаженное татарское название города — «Гезлеф».

«ИЗ-ЗА РОЩИ СОЛНЦЕ ВСХОДИТ...»

(«Из-за гаю сонце сходить...»)

«Кобзарь», 1867, с. 472. Русский перевод И. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, стр. 62.

«ОЙ, ПОШЛА Я В ОВРАГ ЗА ВОДОЮ...»

(«Ой, пішла я у яр за водою...»)

«Кобзарь», 1867, с. 538. Русские переводы: М. Козырева — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, с. 63; С. Дрожжина — в кн. «Кобзарь», СПб. 1911, с. 191.

«НЕ ТАК НЕДРУГИ ТВОИ...»

(«Не так тії вороги...»)

«Кобзарь», 1867, с. 539. Русские переводы: И. Р[одионов?] — «Пчелка», 1884, № 33, с. 226 («Друзья»); П. А. Тулуб — «Вестник Европы», 1904, № 8, сс. 263—264.

«ОЙ, БАЮ-БАЮ, КАЧАЮ СЫНА...»

(«Ой, люлі, люлі, моя дитина...»)

«Основа», 1862, кн. 1, с. 5. Русский перевод Ив. Родионова — «Грамотей», 1875, № 5, с. 46.

«ОТЧЕГО ТЫ ПОЧЕРНЕЛО...»

(«Ой, чого ти почорніло...»)

«Основа», 1861, кн. VII, с. 1. Русский перевод Н. Пушкирева — «Московское обозрение», 1877, № 26, с. 420.

Строка 5. *Вкруг местечка Берестечка* — см. т. 1 наст. изд., примечание к поэме «Подземелье».

«ТУМАН ПЛЫВЕТ ДОЛИНАМИ...»

(«Туман, туман долиною...»)

«Основа», 1862, кн. I, сс. 4—5; русский перевод в кн. «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М. 1911, с. 118.

«ТО ПАСХАЛЬНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ...»

(«У неділеньку у святую...»)

«Кобзарь», 1867, с. 233—235; русский перевод в кн. «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М. 1911, с. 123.

В стихотворении описывается казацкая «рада» (сход) для избрания нового гетмана. Материалом поэту в основном послужил рассказ «Истории Русов» о выборе Павлюка вместо Василия Томиленко. Эти сравнительно малоизвестные имена заменены в стихотворении именами более популярных Лободы (Григория, а не Ивана, как у Шевченко) и Наливайко (которого звали Северином, а не Павлом). Участие в раде принимала не вся масса казаков, но одни только «почтенные запорожцы», то есть казацкая старшина.

«В ЛЕС-ДУБРОВУ Я ХОДИЛА...»

(«У перетику ходила...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 540—541, Русский перевод Я. Лизина [И. Якунина] — «Будильник», 1874, № 42, с. 2.

«В ВОСКРЕСЕНИЕ ДА РАНЕШЕНЬКО...»

(«У неділеньку та ранесенько...»)

«Кобзарь», 1867, с. 542. Русский перевод И. Белоусова — в кн. «Из Кобзаря Т. Г. Шевченко и Украинские мотивы», Киев, 1887, сс. 11—12.

Стихотворение является свободной вариацией на темы чумацких народных песен.

Строки 19—20. *Копали... притыками яму.* — Притыки — деревянные колышки, прикрепляющие ярмо волов к дышлу.

«ТО НЕ БУЙНЫЙ ВЕТЕР В ПОЛЕ...»

(«Не тополю високою...»)

«Кобзарь», 1867, с. 543. Русский перевод И. Белоусова — в кн. «Из Кобзаря Т. Г. Шевченко и Украинские мотивы», Киев 1887, с. 19.

«ПРОТОПТАЛА ТРОПОЧКУ...»
(«Утоптала стежечку...»)

«Кобзарь», 1867, с. 486. Русский перевод А. Плещеева — «Московский вестник», 1859, № 4—5, с. 46 (перевод сделан по рукописи):

Проторила я дорожку
 Через яр,
Через горы, мой сердешный,
 На базар.
Парням бублики носила
 Вечерком;
Продала — и воротилась
 С пятаком.
Я два грóша, ох, два грóша
 Пропила,
На копейку музыканта
 Наняла.
Ты сыграй-ка мне на дудке
 На своей...
Чтоб забыла я кручину —
 Горе с ней.
Вот какая, мой сердешный,
 Девка я!
Сватай — выйду я, пожалуй,
 За тебя!

В начале января 1858 г. Шевченко переслал эту песню вместе с «В огороде возле брода» (см. ниже) Кулишу, прося передать их А. Н. Маркевичу («не положил ли бы он их на ноты»). Поводом для этой просьбы явилась «тетрадь первая» «Малороссийских народных песен, положенных на ноты для пения и фортепиано Андреем Маркевичем», — приложение к «Запискам о Южной Руси», т. II. В ответном письме (20 января 1858 г.) Кулиш замечал: «Песни твои очень хороши. Неужели обе сам сочинил? «Дуда» как будто мне знакома». Шевченко тотчас же поспешил объяснить (26 января 1858 г.):

«Заграй мені, дуднику,
 На дуду;
Нехай своє лишенько
 Забуду.

Это только не мое, а то вся песня моя».

Указанная Шевченко песня, из которой заимствованы приведенные четыре стиха — шутливая бытовая народная песня «Ой,

ходила дівчина бережком», известная в обработке Н. В. Лысенко. Слова песни Шевченко использовал также М. П. Мусоргский в «Сорочинской ярмарке» (песня Хиври), видимо, по памяти.

«И ПРОСТОР СТЕПНОЙ, ШИРОКИЙ...»

(«І широку долину...»)

«Народное чтение», 1860, № 1, с. 143. Там же, с. 144 — русский перевод А. Н. Плещеева.

Кому адресовано стихотворение — неизвестно.

«В ОГОРОДЕ ВОЗЛЕ БРОДА...»

(«Навгороді коло броду...»)

«Основа», 1861, кн. VII, с. 3. Русские переводы: Н. В. Гербеля — в кн. «Кобзарь Т. Шевченко в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербеля, изд. 2-е, СПб. 1869, с. 307; И. Сурикова — «Развлечение», 1869, № 39; К. Горюнова — «Иллюстрированная газета», 1870, № 22, с. 347. На слова этого стихотворения написана музыка П. И. Чайковским (для дуэта).

«КАБЫ МНЕ МОНИСТО, РОДНАЯ...»

(«Якби мені, мамо, наместо...»)

«Основа», 1861, кн. VII, с. 2. Русский перевод И. Белоусова — в кн. «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М. 1911, с. 120.

«НЕ ХОЧУ Я ОБРУЧАТЬСЯ...»

(«Не хочу я жениться...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 228—229. Русский перевод Н. Гербеля — в кн. «Кобзарь Т. Шевченко в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербеля, СПб. 1860, сс. 184—185 («Казацкая доля»); перевод сделан по рукописи, заголовок принадлежит переводчику.

ЧУМА

«Кобзарь», 1867, сс. 544—545. Русские переводы: Н. Пушкирева — «Московское обозрение», 1877, № 12—13, сс. 246—247; Л. Трефолева — «Будильник», 1878, № 17, сс. 238—239.

Стихотворение написано под впечатлением страшной холерной эпидемии 1848 г.; черновой вариант первой строки был: «Холера с заступом ходила».

«МНЕ ПОЧТА ВНОВЬ НЕ ПРИВЕЗЛА...»

(«І знов мені не привезла...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 546—547. Русский перевод И. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, с. 48.

«В НЕВОЛЕ Я ОДИН СКУЧАЮ...»

(«В неволі, в самоті немає...»)

«Основа», 1862, кн. VII, с. 7. Русский перевод И. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, с. 32.

«МОЙ ОТЕЦ СПИТ В МОГИЛЕ...»

(«Ой, умер старий батько...»)

«Основа», 1861, кн. VII, сс. 2—3. Русский перевод Ив. Родионова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, с. 58.

«ИЗ ПОХОДА НЕ ВЕРНУЛСЯ...»

(«Не вернувся із походу...»)

«Народное чтение», 1859, № 1, сс. 144—145. Русские переводы: А. Плещеева — «Народное чтение», 1859, № 3, с. 144; И. Сурикова — в кн. «Стихотворения Сурикова», СПб. 1875, с. 84.

«ВО ГРАДЕ ВИЛЬНО ДОСТОСЛАВНОМ...»

(«У Вільні, городі преславнім...»)

«Кобзарь», 1876, т. II, сс. 79—82. Русский перевод А. Доброхотова — в кн. «Кобзарь Т. Шевченко в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербеля, изд. 4-е, М. 1905, с. 192.

В 1829—1830 гг. Шевченко, будучи крепостным, прожил некоторое время в Вильно. Высказывалось предположение, что поэт мог слышать о легшем в основу сюжета стихотворения трагическом эпизоде, впоследствии, в ссылке, припомнившемся ему. Подобному предположению, однако, противоречит хронология событий стихотворения, происшедших в 1832 г. Возможно, поэт воспользовался рассказом одного из своих товарищей в Кос-Арале, Томаша Вернера.

Строка 3. *Но трудно мне || В поэму втиснуть это слово...*— университет. Речь идет о Виленском университете, закрытом 1 мая 1832 г. за «вольномудство» многих студентов и преподавателей и их причастность к польскому восстанию 1830—1831 гг. В здании университета была открыта Медико-хирургическая академия, или, как говорит поэт: «Тогда в просторный и суровый || Он превращен был лазарет» (строки 5—6).

Строка 9. *Пред Острой Брамой.*— Городские ворота в Вильно с якобы «чудотворным» изображением богородицы. Прохожие обязаны были снимать шапки перед ним.

Строка 87. *Вилия* — река, на которой стоит Вильно.

Строка 89. *Закрет* — пригород Вильно.

«ЗАВАЛИЛО ЧЕРНОЙ ТУЧЕЙ...»

(«Заступила чорна хмара...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 573—575. Русский перевод И. Белоусова — в кн. «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М. 1911, с. 125.

В стихотворении отразились события 70-х гг. XVII в., когда гетман П. Дорошенко заключил предательский договор с турецким султаном; население Украины фактически оказывалось беззащитным против турецко-татарских набегов, грабежей, насилий, захватов в рабство целых сел. Русское правительство послало на Украину войско под командованием боярина Ромодановского для защиты мирного населения; к этому войску присоединилось левобережное казачество, избравшее гетманом Ивана Самойловича. В 1676 г. Дорошенко капитулировал перед соединенными войсками Ромодановского («Ромодана») и Самойловича (происходившего из поповской семьи; поэтому поэт называет его «гетманом-поповичем»). Исторические факты и характеристики взяты поэтом из «Истории Русов», тенденциозно освещавшей историю Украины с позиций украинских дворянских националистов; отсюда — в сти-

хотворении неверные характеристики Самойловича и Дорошенко. Повидимому, и сам поэт понял порочность исторической концепции стихотворения: оно не было переписано в «Большую» книжку.

Строка 57. *С пан-Чернецким, || С поганым Степаном.*— Имеется в виду польский военачальник Степан Чернецкий, люто ненавидевший украинский народ; за несколько лет перед рассказанным в стихотворении событием, в 1664 г., он сжег в селе Субботове кости Богдана Хмельницкого; об этом Шевченко упоминает дальше.

Строка 68. *Шляхом Ромоданом.*— Так называлась большая дорога, соединявшая Украину (Полтавщину) с Москвою; по преданию, дорога эта была проложена Ромодановским.

Строка 71. *Дорошенко угасает.*— В действительности Дорошенко был назначен воеводой в Вятку; умер в 1698 г.

Строка 77. *Святой Ростовский* — Дмитрий Туптало, митрополит Ростовский, впоследствии признанный православной церковью «святым».

«КАК ДНЕМ ОСЕННИМ ЧУМАКИ...»

(«Неначе степом чумаки...»)

«Кобзарь», 1867, с. 444. Русский перевод Ив. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводах русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, изд. 2-е, СПб. 1906, с. 251.

Этим стихотворением начинается третья «захалавная» книжечка Шевченко.

СОТНИК

«Кобзарь», 1867, сс. 492—508; в автографе заглавие отсутствует. Русский перевод Н. Пушкарева — «Новое время», 1874, № 12.

Строка 1. *Оглав* — село неподалеку от Киева.

Строка 5. *Борисполь* — село в 30 км от Киева, на левом берегу Днепра.

Строка 27. *Он в бурсу сдал || Учиться, в Киев* — то есть в Киевскую Академию; см. выше, примечание к стихотворению «Чернец».

Строка 231. *Да еще и богословом* — то есть Петро перешел на старший курс Академии.

«ЗА СОЛНЦЕМ ОБЛАЧКО ПЛЫВЕТ...»

(«За сонцем хмаронька пливе...»)

«Основа», 1861, кн. XI—XII, сс. 4—5. Русский перевод И. Родионова — «Грамотей», 1873, № 10, с. 58.

«НЕ ДОМОЙ СПЕША...» («Не додому вночі йдучи...»)

Альманах «Хата», СПб. 1860, сс. 77—78, под заглавием «На різдво» («На рождество»); заголовок дан Кулишом. Русский перевод Н. В. Гербеля — в кн. «Кобзарь Т. Шевченко в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербеля, СПб. 1860, с. 180.

Стихотворение обращено к одному из ближайших друзей поэта времен ссылки, Федору Матвеевичу Лазаревскому (1820—1890); об этом говорилось в публикациях стихотворения в «Основе», 1862, кн. 1, сс. 1—2 и в «Кобзаре», 1867. В письме к В. Н. Репниной, 7 марта 1850 г., Шевченко так характеризовал своего друга: «Это один из самых благородных людей! Он первый не устыдился моей серой шинели и первый встретил меня по возвращении моем из Кирги<зской> степи и спросил, есть ли у меня что пообедать». По отдельным намекам в переписке поэта и в воспоминаниях о нем можно полагать, что Ф. М. Лазаревский был едва ли не единственным корреспондентом поэта во время Аральской экспедиции. Можно предположить также, что данное стихотворение, заканчивавшее вторую «захалавную» книжечку, было написано перед ее отправкой к Лазаревскому на сохранение в конце 1848 г.

«НЕ СТАНУ Я ПЕЧАЛИТЬСЯ...» («Як маю я журитися...»)

«Основа», 1861, кн. XI—XII, с. 5. Русский перевод И. Родионова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, с. 56.

Шевченко вписал это стихотворение в письмо к О. М. Бодянскому 3 января 1850 г. (см. в т. 5 наст. изд.). Естественно предположить, что как раз в это время поэт правил стихотворение либо переписывал его с черновых набросков в «захалавную» книжечку.

«ДЛЯ ЧЕГО ЖЕ МНЕ ЖЕНИТЬСЯ?...»

(«Нащо мені женитися?...»)

Альманах «Хата», СПб. 1860, сс. 79—80, под заглавием «Казачья доля» («Козацька доля»); заглавие дано Кулишом. Русский перевод Вл. Гиляровского — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, с. 128.

«ОЙ, СЕРЫЕ КРИЧАТ ГУСИ...»

(«Ой, крикнули сірі гуси...»)

«Основа», 1861, кн. III, с. 3. Русский перевод Ивана Белоусова — в его кн. «Из Кобзаря Т. Г. Шевченко и украинские мотивы», Киев, 1887, сс. 13—14.

«ЕСЛИ БЫ ТЕБЕ ДОСТАЛОСЬ...»

(«Якби тобі довелося...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 453—456. Русский перевод Пр. Б.— в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, с. 105.

«И ТЕРНИСТЫЙ И КОЛЮЧИЙ...»

(«Заросли шляхи тернами...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 509—510. Русский перевод И. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, с. 41.

«ЗАЦВЕЛА В ДОЛИНЕ...» («Зацвіли в долині...»)

«Основа», 1862, кн. I, сс. 5—6; по цензурным соображениям — без последних восьми строк. Русский перевод П. А. Тулуба — «Вестник Европы», 1904, № 8, с. 263.

«И В САМЫХ РАДОСТНЫХ КРАЯХ...»

(«У нашім раї на землі...»)

«Основа», 1862, кн. VIII, сс. 1—3, под заглавием «Мати-покрытка» (заглавие дано Кулишом). Русский перевод Павла Тулуба — «Вестник Европы», 1907, № 4, сс. 118—121.

«В СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК НА СОЛОМЕ...»

(«На великдень, на соломі...»)

«Основа», 1862, кн. II, с. 1. Русские переводы: К. Горюнова — «Иллюстрированная газета», 1870, № 22, с. 347; И. Сурикова — в кн. «Стихотворения Сурикова», СПб. 1871, с. 127.

«БЫВАЛО, ДУМАЮ, ГУЛЯЮ...»

(«Було роблю що, чи гуляю...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 511—512. Русский перевод И. Я[кунина] — «Будильник», 1875, № 2, с. 67.

«БЫВАЕТ, ИНОГДА СТАРИК...»

(«Буває іноді старий...»)

«Кобзарь», 1867, с. 440. Русские переводы: «Развлечение», 1890, № 11, с. 7 (анонимный); И. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», М. 1900, с. 46.

«НЕ САМОМУ ЛЬ МНЕ НАПИСАТЬ...»

(«Хіба самому написать...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 580—581. Русский перевод И. Белоусова — «Нижегородский сборник», СПб. 1905, сс. 72—73.

Строка 10. ...*Уж десять лет свой круг свершили, || Как свой «Кобзарь» я людям дал.*— Первое издание «Кобзаря» появилось в мае 1840 г. (цензурное разрешение 12 февраля 1840 г.).

Строка 31. ...*А иногда седой казак [...] Теперь в далекой стороне.*— Поэт имеет в виду то место из доклада начальника III Отделения графа Орлова Николаю I, в котором содержалась характеристика поэтического творчества Шевченко и устанавливалась его «вина». «В своих стихах», писалось в докладе, Шевченко «то выражал плач о мнимом порабощении и бедствиях Украины, то возглашал о славе гетманского правления и прежней вольности казачества, то с невероятною дерзостью изливал клеветы и желчь на особ императорского дома». Ср. также дневниковую запись 1 июля 1857 г. (т. 5 наст. изд.).

«МЫ ЧВАННЫЕ, ПУСТЫЕ ЛЮДИ...»

(«Дурні та гордії ми люди...»)

«Україна», 1907, кн. 7—8, сс. 11—12. Русский перевод А. Колтоновского — в кн. «Кобзарь», СПб. 1911.

Сохранился лишь черновой (возможно, незаконченный) набросок стихотворения в одном из двух альбомов поэта, отобранных у него при аресте в 1850 г. В III Отделении, куда альбомы были доставлены, они не привлекли к себе внимания; в докладе царю, составленном от имени графа Орлова и Дубельта, указывалось общо, что стихи и рисунки, помещенные в отобранных у Шевченко двух альбомах «не заключают в себе ничего преступного».

«МНЕ ЗОЛОТУЮ, ДОРОГУЮ...»

(«І золотої й дорогої...»)

«Кобзарь», 1867, с. 427. Русский перевод А. Доброхотова — в кн. «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербеля, изд. 4-е, М. 1905, с. 246.

«Малая» книжка свидетельствует о значительной творческой работе поэта над стихотворением при переписке его набело в 1858 году.

«МЫ ВМЕСТЕ НЕКОГДА РОСЛИ...»

(«Ми вкупочці колись росли...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 429—430. Русский перевод И. Белосова — «Русское дело», 1888, № 40, с. 12.

В стихотворении поэт возвращается к воспоминаниям о подруге своих детских лет, Оксане Коваленко; см. примечание к поэме «Марьяна-черница», в т. 1 наст. изд.

Строка 10. *Принесло || Уже седым к родному дому.*— Как указывалось выше, Шевченко побывал на Украине, в родной Кирилловке, и свиделся с родными своими после 14-летней разлуки, в сентябре 1843 г.

Строка 19. *Все выглядело, как всегда.*— В своем творчестве Шевченко неоднократно с любовью вспоминал пейзажи родного села; ср. начало повести «Княгиня» (т. 3 наст. изд.).

«ГОТОВО! ПАРУС РАСПУСТИЛИ...»

«Кобзарь», 1867, с. 441. Русский перевод Ф. Тищенко — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белюсова, М. 1900, с. 146.

Стихотворение отражает события и настроения последних дней Кас-аральской экспедиции; 20 сентября 1849 г. «после штиля, продолжавшегося почти до солнечного заката», суда экспедиции вошли в устье Сыр-Дарьи. 21 сентября «оба судна, выгрузившись, пошли к месту зимовки. Шкуна *Николай*, мелко сидящая в воде, под парусами; шкуну *Константин* приходилось протаскивать через мель силою, заводя становые якоря»; 22 сентября «утром пришел на место зимовки, а вечером спустил брейд-вымпел и флаги и кончил кампанию» («Дневные записки плавания А. И. Бутакова на шкуне «Константин» для исследования Аральского моря в 1848—1849 гг.», Ташкент 1953, с. 53). Как сообщал Бутаков в официальном рапорте, «в течение этих двух кампаний сделана съемка всех берегов Аральского моря, астрономическая установка его и промер глубины, достаточной для судоходства. [...] Описанные работы в нынешнем году весьма замедлились частыми и продолжительными крепкими ветрами и нередко жестокими штормами, ставившими суда наши в крайне опасное положение. Вообще большая часть сделанного нами сделана с опасностью и с риском, выходящим иногда из пределов благоразумия». Для Шевченко полуторагодовое пребывание в составе Аральской экспедиции было связано с неприятными воспоминаниями; встретившись, несколько лет спустя, во Владимире с Бутаковым, он с недоумением записывал в Дневнике своем: «Теперь он едет с женою в Оренбург, а потом на берега Сыр-Дарьи. У меня при одном воспоминании об этой пустыне сердце холодеет. А он, кажется, готов навсегда там поселиться. Понравилась сатана лучше ясна сокола» (10 марта 1858 г.). В письме к В. Н. Репниной, 14 ноября 1849 г., поэт рассказывал, что «лето проходило в море, зима в степи, в занесенной снегом джеломейке, вроде шалаша». Такая жизнь весьма неблагоприятно отразилась на здоровье поэта. «Я два года сряду страдал скорбутом и головою болью,— писал он А. О. Козачковскому 16 июля 1852 г.— Дальний поход (от Орской крепости до Аральского моря) и продолжительное купанье в море были причиною того, что показались у меня на всем теле, особенно на ногах, золотушные нарывы». Последствия перенесенных болезней (цынги, ревматизма)

подкосили железное здоровье поэта и явились первопричиною его преждевременной смерти.

Строка 2. *Баркас с байдарой заскользили.*— Так Шевченко называет суда, находившиеся в распоряжении экспедиции: шкуны «Константин» и «Николай». Кроме того, экспедиции было придано еще третье судно, «Михаил», принадлежавшее местным рыбопромышленникам.

Строка 5. *Прощай же, Кос-Арал убовий!* — Экспедиция покинула Кос-Арал 10 октября 1849 года.

Строка 8. *Сам себя хвали, || Что люди и тебя нашли.*— М. Шагинян справедливо догадывается, что поэт в данном случае имеет в виду значительные научные успехи экспедиции Бутакова: см. главу «Аральская экспедиция» в ее книге «Тарас Шевченко», М. 1946, сс. 225—284. Впоследствии Шевченко высоко оценивал и собственные познания об Аральском море, собранные во время экспедиции (в повести «Близнецы»; см. т. 4 наст. изд.).

«МЫ ОСЕНЬЮ И ВПРЯМЬ ПОХОЖИ...»

(«Ми восені такі похожі...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 431—432. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, изд. 2-е, СПб. 1906, с. 244.

«СЧИТАЮ В ССЫЛКЕ ДНИ И НОЧИ...»

(«Лічу в неволі дні і ночі...»)

«Основа», 1862, кн. III, с. 2. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М. 1911.

Этим стихотворением начинается четвертая «захалавная» книжечка, заполнявшаяся уже в Оренбурге, вплоть до обыска у Шевченко и его ареста, 27 апреля 1850 г. В 1858 г. поэт существенно переработал и значительно сократил стихотворение при переписке его в «Большую» книжку. Этот второй вариант дан в тексте.

«ЗАПЕЛИ МЫ И РАЗОШЛИСЬ...»

(«Ми заспівали, розійшлись...»)

«Кобзарь», 1867, с. 562. Русский перевод Н. Пушкирева — «Московское обозрение», 1877, № 27, с. 18.

Возможно, что стихотворение отражает настроения дружеских

вечеров, об одном из которых рассказал в своих воспоминаниях о Шевченко Ф. М. Лазаревский: «Шевченко прочел нам наизусть свою поэму «Кавказ», «Сон» и др., пропел несколько любимых своих песен: неизменную «Зіроньку», «Тяжко-важно в світі жити»; но с особенным чувством была исполнена им песня:

Забілили сніги,
Заболіло тіло
Ще й головонька.
Ніхто не заплаче
По білому тілу
По бурлацькому... и проч.

Мы все пели. <...> Были минуты, когда слезы сами собой катились из глаз, а гость наш [Шевченко.— И. А.] просто рыдал...» (М. Ч а л ы й, из воспоминаний Ф. М. Лазаревского о Шевченко; Киев 1899, сс. 3—4.)

«НЕ МОЛИЛАСЬ МАТЬ ЗА СЫНА...»

(«Не молилася за мене...»)

Альманах «Хата», СПб. 1860, сс. 83—84, под заглавием «Хатина» и с неверной пометой: «Над Каспием» (и то и другое сделано Кулишом). Кроме того, по цензурным соображениям, исключены последние одиннадцать строк, от слов: «Ты, господи, панам богатым...» Русский перевод Пр. Б.— в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900.

ПЕТРУСЬ

«Основа», 1862, кн. VII, сс. 1—5, под заглавием: «Из поемы «Петрусь», с большими пропусками, частью цензурного свойства, частью объяснимыми редакционным вмешательством Кулиша. Полностью — в брошюре «Т. Шевченко. Княжна. Варнак. Петрусь». Прага, 1876. Русский перевод Н. Пушкирева — «Московское обозрение», 1877, № 16, сс. 408—414.

Можно думать, что сюжет поэмы был использован Шевченко также в повести, которая в списке посмертных его прозаических произведений, оставшихся в рукописях, была обозначена: «*Повесть о безродном Петрусе*, неизвестно какого времени, переписанная не Шевченко, а им только исправленная» («Основа», 1862, кн. III, с. 143). Предположение о тождестве повести (рукопись которой была уже утрачена) с поэмой высказывала еще в 1888 году ре-

дакция «Киевской старины» (см. «Поэмы, повести и рассказы Т. Г. Шевченко, писанные на русском языке», Киев, 1888, с. V). О сюжете повести коротко упомянул Н. И. Костомаров, хранивший в продолжение многих лет рукопись шевченковских повестей. «Повесть о бедном Петрусе,— писал он,— переносит читателя в ту эпоху, когда казацкие старшины, преобразованные в русские чины и получившие вместе с ними потомственное дворянское достоинство, совершали крайние самоуправства, пользуясь крайнею продажною и мелкодушием судей. К сожалению, автор наложил без удержу слишком много густых чересчур красок, что вредит силе впечатления, производимого на читателя, и строгой исторической верности» («Русская старина», 1880, № 3, с. 609). Очевидно, сюжет небольшой поэмы был широко развернут в повести, подобно тому, как это было сделано в повестях «Княгиня», «Варнак», «Наймичка», сюжеты которых также восходят к соответствующим поэмам. Очевидно также, что историко-бытовой фон, несколько неопределенный в поэме, получил в повести существенное распространение и уточнение. Что же касается упреков Костомарова в «густых красках», вредящих «строгой исторической верности», то здесь сказалось прежде всего коренное различие исторических взглядов либерала-консерватора Костомарова и революционного демократа Шевченко. Отрицательное отношение Костомарова к повести определяло дальнейшую судьбу рукописи: среди автографов и списков повестей Шевченко, находившихся на сохранении у Костомарова и после Великой Октябрьской социалистической революции сделавшихся доступными для научного издания и изучения, «Повести о безродном Петрусе» не оказалось.

Строка 180. *И у Почаевской была.*— В Почаевском монастыре на Волыни находилась икона богородицы, считавшаяся чудотворной.

«МНЕ КАЖЕТСЯ — НО САМ НЕ ЗНАЮ...»

(«Мені здається, я не знаю...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 560—561. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900.

Вероятно, это послание навеяно чтением произведений М. Ю. Лермонтова, одного из любимейших поэтов Шевченко. Вскоре по приезде в Орскую крепость он просил своих корреспондентов (А. И. Лизогуба, М. М. и Ф. М. Лазаревских, вероятно, М. С. Щепкина) прислать ему, «ради поэзии святой», хотя один

том Лермонтова: «Превеликую радость пришлете с ним вашему благодарному и бесталанному земляку» (М. М. Лазаревскому, 20 декабря 1847 г.). 27 апреля 1848 г. Ф. М. Лазаревский известил поэта: «От Михайла Семеновича [Щепкина] получите Лермонтова и Гоголя «Выбранные места». Очевидно, письма и посылка с книгами прибыли в Орскую уже после того, как Шевченко уехал оттуда в экспедицию, и были переданы ему полтора года спустя, после возвращения в Оренбург. Следы усердного чтения Лермонтова явственно ощущаются в данном стихотворении. Вторую часть стихотворения можно рассматривать как послание к М. С. Щепкину.

«КОГДА Б ВЫ ЗНАЛИ, БАРЧУКИ...»

(«Якби ви знали, паничі...»)

«Т. Шевченко. Княжна. Варнак. Петрусь», Прага 1876, сс. 58—62. Русский перевод П. Грабовского; «Сибирский листок», 1900, № 22, 19 марта; включено также в статью П. Грабовского; «Памяти Т. Г. Шевченко» — «Сибирский листок», 1901, № 43, 3 июня. Полностью переведено В. Брюсовым — «Литературная газета», 1936, № 15, 10 марта.

Строка 3. *То вы б элегий не писали.* — Возможно, что Шевченко оговорился; вместо «элегий», следует читать: «идиллий». Подобное предположение подсказывают следующие строки стихотворения, говорящие именно об идиллических изображениях крепостного села и крепостнических отношений в художественной литературе.

«БЫВАЕТ, В НЕВОЛЕ МЕЧТАТЬ НАЧИНАЮ...»

(«Буває, в неволі іноді згадаю...»)

«Кобзарь», 1867; стихотворение здесь разорвано надвое: первая половина (до слов: «Но мне тот казак || Рассказывал вот что») — на сс. 563—564, вторая — на сс. 433—435. Произошло это по вине переплетчика, ошибочно подобравшего самодельные тетрадки при переплете их в «Малую» книжку, а также по небрежению Костомарова, редактировавшего «Кобзарь» 1867 г. Полный и исправный текст стихотворения восстановлен только в 1907 г. Русский перевод А. Доброхотова — в кн. «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербея, изд. 4-е, М. 1905, с. 253.

Строки 54—56. *Покуда третий Сигизмунд || В союзе с лютыми ксендзами || Нас не поссорили.*— Сигизмунд, король польский (1587—1632), жестокий фанатик, стремившийся подчинить украинское крестьянство католическому духовенству и польской шляхте.

«И СТАНОМ ГИБКИМ, И КРАСОЮ...»

(«І станом гнучим, і красою...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 425—426. Русский перевод Н. Пушкарёва — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, с. 120.

По возвращении в Оренбург поэт благодаря доброму отношению своего начальника А. И. Бутакова, поселился на частной квартире, под предлогом обработки материалов, собранных Аральской экспедицией. Как рассказывает Ф. М. Лазаревский, «в это время он почти никогда не носил солдатской шинели. Летом он ходил в парусиновой паре, а зимой в черном сюртуке и драповом пальто», которые ему одолжил Лазаревский. «Вечера наши проходили незаметно. Пили чай, ужинали, пели песни. [...] Изредка устраивались вечера с дамами, причем неизменной подругой Тарасовой была татарка Забаржада, замечательной красоты» (М. Ч а л ы й, Из воспоминаний Ф. М. Лазаревского о Шевченко, Киев 1899, сс. 7—8). Возможно, к этой «подруге Тарасовой» и обращено стихотворение.

«ОГНИ ГОРЯТ, ОРКЕСТР ИГРАЕТ...»

(«Огні горять, музика грає...»)

«Иллюстрация», 1861, № 177, с. 27. Русский перевод Николая Курочкина — «Народное чтение», 1860, № 4, с. 108. («Бал»; перевод сделан с рукописи).

По возвращении из ссылки Шевченко особенно охотно дарил автографы этого стихотворения (в числе еще нескольких, «любимых») друзьям и знакомым, записывал в альбомы. Впоследствии получил большую известность романс Н. В. Лысенко на слова стихотворения.

«НЕВОЛЯ, ИЛИ ГОРЕ ЗЛОЕ...»

(«Чи то недоля та неволя...»)

«Кобзарь», 1867, сс. 578—579. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, с. 137.

«КАКОГО ДЬЯВОЛА Я ТРАЧУ...»

(«На батька бісового я трачу...»)

«Кобзарь», 1867, с. 421. Русский перевод Е. Гославского — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, изд. 2-е, СПб. 1906, с. 233.

Трагическая безнадежность стихотворения, написанного, очевидно, весной 1850 г., объясняется тем, что поэту сделался известным ответ шефа жандармов графа Орлова на ходатайство Шевченко о снятии с него запрещения рисовать. Хотя ходатайство это было поддержано оренбургским военным начальством, Дубельт 20 февраля 1850 г. официально уведомил командира Оренбургского корпуса, что граф Орлов считает невозможным просить Николая за Шевченко.

«ВСЕ СНИТСЯ МНЕ: ВОТ ПОД ГОРОЮ...»

(«І досі сниться: під горою...»)

«Основа», 1861, кн. XI—XII, сс. 3—4. Русский перевод И. Сурикова — «Модный магазин», 1869, № 24, с. 385.

Этим стихотворением обрывается «захалавная» книжечка. Предупрежденный заблаговременно о поданном на него доносе, поэт, с помощью Ф. М. Лазаревского, сжег большую часть бумаг, писем, рисунков, которые могли его скомпрометировать либо обратить внимание военного начальства и жандармов на лиц, поддерживавших сношения с политическим ссыльным. Одновременно он передал Лазаревскому на сохранение и последнюю из «захалавных» книжечек.

«ОПЯТЬ НАСТАЛО ВРЕМЯ ЗЛОЕ...»

(«Мій боже милий, знову лихо!...»)

«Кобзарь», ч. I. Женева, 1876. Русский перевод (анонимный) — в кн. «Запретный кобзарь. В переводах, собранных И. А. Белоусовым», изд. 2-е, М. 1922, с. 89.

Опубликовавший это стихотворение (по черновому автографу, находившемуся в руках Ф. К. Вовка, одного из редакторов «Кобзаря», 1876, «пражского») М. П. Драгоманов отметил, что «трудно определить время, когда оно было написано». Содержание стихотворения намекает как будто на события 1853—1855 гг., точнее — на события Крымской войны. Таким образом, это — единственное стихотворение, написанное в Новопетровском укреплении в 1850—1857 гг.

СОЛДАТОВ КОЛОДЕЦ (Москалева криниця)

«Основа», 1861, кн. II, сс. 1—13. Русский перевод — в кн. «Кобзарь в переводе Н. А. Чмырева», М. 1874, сс. 125—138.

Поэма была первым произведением Шевченко на украинском языке, написанным вскоре по получении уведомлений о предстоящем освобождении. Сообщения эти почти совпали по времени с письмом от Я. Г. Кухаренко, который писал, как, будучи в Москве, слышал в чтении Щепкина несколько произведений Шевченко, как сразу же угадал их автора: «Разве удивительно узнать язык Тараса, зная Тараса хорошо?» В ответном письме, 5 июня 1857 г., Шевченко подробно рассказал, как после нескольких лет поэтического молчания он снова написал поэму на украинском языке (см. т. 5 наст. изд.).

Сам Шевченко остался доволен «небывалым рассказом мнимого варнака». «Стихи оказались почти одной доброты с прежними моими стихами,— записал он в Дневнике 20 июня 1858 г.— Немного упруге и отрывистее. Но это ничего, даст бог, вырвуся на свободу, и они у меня потекут плавнее, свободнее, и проще, и веселее».

На автографе поэмы, посланном Кухаренко, поэт сделал следующую надпись: «Батькові кошовому Я. Кухаренкові на пам'ять 7 апреля 1857», то есть на память о дне, когда было получено письмо Кухаренко.

«НЕОФИТЫ»

«Основа», 1862, кн. IV, сс. 1—17. Русский перевод Н. М[изко] — «Дон», 1869, № 48, 8 мая; № 49, 11 мая.

О работе над поэмой Шевченко записал в Дневнике 8 декабря 1857 г.: «В продолжение этих четырех дней писал поэму, назва-

ния которой еще не придумал. Кажется, я назову ее Неофиты, или первые христиане. Хорошо, если бы не обманул меня Щепкин (т. е. если бы приехал в Нижний.— И. А.), я ему посвящаю это произведение, и мне ужасно хотелось ему прочесть и услышать его верные дружеские замечания».

В поэме Шевченко продолжал использование «священного писания» и исторических фактов для зашифровки истории расправы николаевского самодержавия с декабристами. Этот политический, остро злободневный подтекст прекрасно понимали современники; идейный и политический антагонист Шевченко, Кулиш, всеми силами пытался отговорить поэта не только от печатания поэмы, но и от малейших попыток распространять ее в каком бы то ни было виде. «Твои «Неофиты», брат Тарас,— писал он 10 января 1858 г.,— хорошая вещь, но не для печати. Не годится напоминать сыну (то есть Александру II.— И. А.) об отце (Николае I.— И. А.), ожидая от сына какого бы то ни было добра! <...> Не только печатать эту вещь рано, но позволь мне, брат мой, не посылать ее и Щепкину, потому что он с нею повсюду будет носиться и пойдет о тебе такой слух, что и подавно не следует пускать тебя в столицу». Только после повторного настоятельного требования Шевченко рукопись поэмы была передана Щепкину, которому «Неофиты» и посвящены — «на память 24 декабря 1857 г.», то есть того дня, когда великий артист приехал к Шевченко в Нижний Новгород.

Строка 11. *Не потонет в водах Леты* — то есть не забудется: в греко-римской мифологии Лета — река забвения.

Строка 46. *Тот назарей* — Христос. В последующих строках упоминаются также по евангелию события жизни Христа.

Строка 93. *Деций-царь || Или Нерон — злой государь* — римский император Деций (249—251 гг. н. э.) и Нерон (54—68 н. э.), жестоко преследовавшие христиан.

Строка 106. *Гименей* — греческий бог, покровитель брака.

Строка 107. *Гинекей* — в древней Греции и Риме женская половина дома.

Строка 113. *Капитолий* — центр религиозного культа в древнем Риме.

Строка 119. *Пенаты* — в религии древнего Рима боги — хранители домашнего очага.

Строка 129. *Фарисеи* — религиозная каста в древней Иудее, объявлявшая себя строгой хранительницей религиозных традиций.

Строка 145. *Над самым Аппиевым трактом* — Аппиева дорога, одна из главнейших дорог, ведущих в Рим.

Строка 148. *Приап* — в греко-римской мифологии бог плодородия и сладострастия.

Строка 166. *И в термах оргия.* — Термы — общественные здания в древнем Риме, соединявшие теплые бани с помещениями для гимнастических упражнений, а также для бесед, пиршеств и т. д.

Строка 168. *Амфоры* — большие сосуды для воды, вина и др.

Строка 179. *Киприда* — один из эпитетов Афродиты — Венеры.

Строка 202. *Сиракузы* — город на острове Сицилия, в древности один из крупнейших центров греко-римской торговли.

Строка 234. *Медуза* — в греческой мифологии крылатая женщина-чудовище, со змеями вместо волос на голове, способных взглядом своим обращать в камень все живое.

Строка 254. *Преторианцы* — гвардия римских императоров.

Строка 255. *Ликторы* — почетная стража в древнем Риме.

Строка 307. *Аренда в Палестине* — то есть право пользоваться доходами с определенных государственных поместий, округов и областей в течение некоторого времени.

Строка 439. *Колизей* — громадный цирк, выстроенный в Риме в I веке н. э., вмещал до 80 000 зрителей. На арене Колизея происходили публичные казни христиан.

ЮРОДИВЫЙ

«Записки Наукового товариства імені Шевченка», Львов 1901, кн. 1, сс. 3—6. Русские переводы: Ф. Гаврилова — в кн. «Запретный Кобзарь в переводах, собрал И. А. Белоусов», М. 1918, сс. 36—39; Ф. Сологуба — в кн. «Кобзарь. Избранные стихотворения в переводе Ф. Сологуба», ГИХЛ, 1934, сс. 271—273. Стихотворение сохранилось в незаконченном черновике без даты; обращение к путеводной звезде указывает, что стихотворение написано по дороге из ссылки в Петербург, то есть в промежутке между августом 1857 г. и мартом 1858 г. Дневник поэта позволяет не только уточнить дату, но и восстановить контуры замысла Шевченко, отрывком которого является «Юродивый».

19 июля 1857 г. Шевченко записал в «Дневнике» сон, подсказавший ему сюжет нового произведения. «Морфей,— писал он,— перенес меня в какой-то восточный город, утыканный, как

иглами, высокими минаретами». «В тесной улице этого восточного города» поэт повстречал чиновника генерал-губернаторской канцелярии в Киеве, Писарева, страшного взяточника и негодяя, державшего в руках целый край, не побрезгавшего использовать ради собственной наживы свою жену, любовницу генерал-губернатора Бибикова; оба они также участвовали в шевченковском сне: «безрукий Бибиков и рядом с ним Софья Григорьевна (у Шевченко описка: Гавриловна.— И. А.) Писарева сидят на балконе и тоже в турецком костюме. Они что-то говорили о киевском пашалыке».

Сон был прерван, но дал пищу воображению: «У меня все вертелся перед глазами ренегат Писарев с своим всемогущим покровителем и с своей бездушной красавицей супругой. Где он? Что теперь с его гениальным взяточником и с его целомудренной помощницей? Я слышал, что здесь уже (то есть в Новопетровском укреплении.— И. А.), что он из Киева переведен был в Вологду (в Петрозаводск.— И. А.) гражданским губернатором и что в Вологде какой-то подчиненный ему чиновник публично в церкви во время обедни дал ему пощечину. И после этой истинно торжественной сцены неизвестно куда скрылся так громогласно уличенный взяточник. В ожидании утра я на этом полновесном фундаменте построил каркас поэмы вроде «Анжело» Пушкина, перенеся место действия на Восток, и назвал ее: «Сатрап и Дервиш». При лучших обстоятельствах я непременно исполню этот удачно проектированный план. Жаль, что я плохо владею русским стихом, а эту оригинальную поэму нужно непременно написать по-русски».

С этим основным замыслом Шевченко естественно должен был связать аналогичный случай, происшедший уже при нем в «Оренбургской сатрапии»: солдат-вестовой дал пощечину своему командиру, утаившему полученные солдатские деньги (см. дневниковую запись 8 июля 1857 г.). Оба случая свидетельствовали, что даже жестокая николаевская муштра не была в состоянии совершенно подавить в людях чувства собственного достоинства.

Отъезд из Новопетровского укрепления, поездка по Волге, пребывание в Нижнем-Новгороде значительно расширили круг наблюдений и впечатлений поэта, а также способствовали изменению первоначального замысла. Только что закончив «Неофитов», 8 декабря 1857 г. Шевченко снова вспоминает в «Дневнике» о своем замысле: «Не знаю, когда я примусь за «Дервиша и Сатрапа», а поползновение большое чувствую к [писанию]».

А в записи 13 декабря читаем: «Сегодня же принимаюсь за «Сатрапа и Дервиша», и если бог поможет окончить с успехом, то посвящу его честным, щедрым и благородным землякам моим. Мне хочется написать «Сатрапа» в форме эпопеи. Это форма для меня совершенно новая. Не знаю, как я с нею слажу?»

Эти данные показывают, что отрывок — начало осуществления замысла «эпопеи», замысла, который остался незаконченным. В «Юродивом» история пощечины, мыслившаяся первоначально основой сюжета, сведена к нескольким строкам; зато на первый план выступила история политических протестов против самодержавия, начиная с декабристов. Встречи Шевченко с возвращенными декабристами (напр., Анненковым), их примиренность со своей судьбой, отсутствие в них пламени революционного протеста, которым сам Шевченко после солдатчины и ссылки был охвачен в еще большей степени, нежели до ареста 1847 г., — все это требовало от поэта дальнейшего углубления и осмысления замысла, оборванного как раз на обращении к декабристской теме.

Строка 1. *Во дни фельдфебеля-царя* — то есть Николая; он же далее называется «Бывый фельдфебель ваш Сарданапал» (строка 52—53). Герцен неоднократно называл Николая фельдфебелем.

Строка 2. *Капрал Гаврилович Безрукий*. — Киевский генерал-губернатор Бибиков в Бородинском сражении лишился руки. «Капральство» Бибикова также подчеркивал Герцен, характеризуя его как «Цицерона николаевской эпохи», в котором «каждое слово — палка, ссновая, сухая, сучковатая палка!»

Строка 3. *Унтер пьяный Долгорукий*. — Харьковский генерал-губернатор Долгоруков, о котором современники запомнили лишь то, что он «любил <...> хорошо поесть, был не прочь и выпить, просиживать ночи за преферансом, умел браниться, особенно на тощак, когда был голоден» («Южный край», 1883, № 903).

Строка 9. *Вдвоем с ефрейтором своим* — то есть с упомянутым выше Писаревым.

Строка 14. *Благосклонны пребывали* — обычная формула подписи на так называемых царских «рескриптах». Герцен в «Полярной звезде на 1856 год» (ее читал в это время Шевченко) писал о Николае: «Я не верю, чтоб он когда-нибудь страстно любил какую-нибудь женщину, как Павел — Лопухину, как Александр — всех женщин, кроме своей жены: он *«пребывал к ним благосклонен»*, — не больше».

ДОЛЯ

Альманах «Хата», СПб. 1860, с. 59. Русские переводы: Л. П. Блюммера—«Светоч», 1860, № 4, отд. III, с. 77; Н. В. Гербеля — в кн. «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербеля, СПб. 1860, с. 177; Николая Курочкина — «Народное чтение», 1860, № 5, с. 103. Последний перевод, еще в рукописи, был сообщен поэту, с рядом поправок переводчика и с просьбой: «Доставь же мне еще что-нибудь из твоих заветных стихотворений» (недатированная записка; обычная датировка, 1859 г., ошибочна: записка написана в начале 1860 г.).

МУЗА

«Основа», 1862, кн. V, с. 24 (в тексте Дневника); по тексту «Большой книжки» — «Кобзарь», 1867, сс. 619—620. Русский перевод Николая Курочкина — «Народное чтение», 1860, № 5, с. 104; перевод сделан по рукописи.

По поводу «Доли» и «Музы» Н. С. Курочкин писал Шевченко в упомянутой выше недатированной записке: «Что это значит, Тарасенька, о тебе ни слуху, ни духу? Я толкался в академию раза три, стучался у дверей, на которых мелом начертана буква Ш., дверь не отворялась, и я обращался вспять.— А между тем я не знаю, по нраву ли тебе мои переводы: к «Музе» и к «Доле»? В «Музе» следует заменить строчку: На волю и простор просилась,— строкой:

На волю милую просилась.

А два заключительные стиха:

И пусть тогда твоя рука
С землею горсть на гроб мой бросит —

изменить:

И пусть тогда твоя ж рука
И горсть земли на гроб мой бросит,

ибо в словах «с землею гореть» — нет смысла».

СЛАВА

«Основа», 1862, кн. V, с. 25 (по тексту Дневника) по тексту «Большой книжки» — «Кобзарь», 1867, сс. 621—622. Русский пере-

вод И. А. Белоусова — в кн. «Запретный Кобзарь. В переводах, собранных И. А. Белоусовым», М. 1918, с. 46.

Строка 5. *С воров может быть в Версале* — то есть с Наполеоном III, который обманным образом объявил себя императором, использовав свое положение президента Французской республики и организовав государственный переворот 2 декабря 1851 г.

Строка 21. *С Николаем* ¶ *В Крыму...* — Имеется в виду Крымская война 1854—1855 гг.

СОН

«Русская беседа», 1859, № 3, с. 5. Русский перевод А. Н. Плещеева — «Московский вестник», 1859, № 4—5, с. 46.

Стихотворение было одним из любимейших для самого поэта; он особенно охотно дарил его на память друзьям и знакомым (М. А. Маркович, М. В. Максимович, Ф. И. Черненко и др.).

«Я НА ЗДОРОВЬЕ НЕ В ОБИДЕ...»

(«Я не нездужаю, нівроку...»)

Впервые — «Кобзарь», Львов 1867, т. I, с. 65; Русский перевод П. Тулуба, «Запретный кобзарь. В переводах, собранных И. А. Белоусовым», М. 1918, с. 47.

Стихотворение — первый отклик поэта на те громадные сдвиги в общественной жизни страны, с которыми он столкнулся после своего возвращения в Петербург. Если, как указывал В. И. Ленин, «пресловутая борьба крепостников и либералов... была борьбой внутри господствующих классов, большею частью внутри помещиков, борьбой исключительно из-за меры и формы уступок», то в головах массы крепостных крестьян бродили, не могли не бродить мысли о революции, о насильственном изменении существующего порядка вещей. «И если века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны... ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский»

(В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, с. 96). К числу этих, «крайне немногочисленных тогда, революционеров», примкнул также Шевченко вскоре после приезда в Петербург.

В шевченковской литературе данное стихотворение неоднократно сопоставлялось с известным «Письмом из провинции», напечатанным, за подписью «Русский человек», в листе 64 «Колокола» за 1860 г. и приписывавшимся до сравнительно недавнего времени Чернышевскому (авторство Чернышевского в настоящее время опровергнуто убедительными аргументами Б. П. Козьмина; см. его заметку «Был ли Н. Г. Чернышевский автором письма «Русского человека» к Герцену» — «Лит. наследство», т. 25—26, сс. 576—585). Особенно убедительным казалось исследователям-шевченковедам совпадение призывов «к топору» в стихотворении Шевченко и в «Письме из провинции», которое заканчивалось следующим призывом к немедленному восстанию: «Наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет! <...> Пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит набат! К топору зовите Русь».

Следует, однако, иметь в виду, что «Письмо из провинции» появилось в свет *после* написания стихотворения Шевченко. Речь, стало быть, идет не о каких-либо текстуальных «влияниях» и «заимствованиях», но о настроениях, характеризующих определенную общественную группу, — революционной демократии, — к которой принадлежал и Шевченко

ПОДРАЖАНИЕ 11 ПСАЛМУ

«Основа», 1861, кн. X, с. 1. Русские переводы: Анатолия Икарского <Н. Д. Мизко> — «Дон», 1870, № 17, 5 марта; Н. Пушкирева — «Московское обозрение», 1877, № 14, с. 321.

МАРКУ ВОВЧКУ

«Кобзарь», 1867, с. 627. Русский перевод И. Белоусова — «Народное благо», 1903, № 47, с. 15:

Еще недавно за Уралом
Блуждал я, бога умолял,
Чтоб наша правда не пропала,
Чтоб наша речь не умирала,
И вымблил! Господь послал
Тебя нам, кроткого пророка

И обличителя жестоких
И ненасытных. Жизнь моя!
Моя ты зоренька святая!
Моя ты сила молодая!
Свети и обогрей меня,
И оживи немолодое
Ты сердце бедное, больное,
Голодное. И оживу
И думу вольную на волю
Из гроба к жизни взову;
И думу вольную... О доля!
Пророк наш. Дочь моей юдоли!
Твоею думу назову!..

Марко Вовчок — псевдоним Марии Александровны Маркович (1834—1907), русско-украинской писательницы-демократки. Ее произведения чрезвычайно высоко ценились передовой революционно-демократической критикой, в частности Добролюбовым (статья «Черты для характеристики русского простонародья») и Чернышевским. Очень ценил их также Шевченко, считавший Марка Вовчка прекрасным знатоком народного слова и быта, замечательным художником. Тургенев в своих воспоминаниях о Шевченко рассказал, как «однажды, на мой вопрос, какого автора мне следует читать, чтобы поскорее выучиться малороссийскому языку? он с готовностью сказал: Марка Вовчка! он один владеет нашей речью!» (И. Тургенев, Сочинения, т. XII, ГИХЛ, 1933, с. 268.)

Дата посвящения — 24 января 1859 г. — определяет, очевидно, день личного знакомства поэта с М. А. Маркович. С ее произведениями (сборником «Народні оповідання», то есть «Народные рассказы», СПб, 1857) он познакомился еще в Нижнем Новгороде. 18 февраля 1858 г. он записал в «Дневнике» под свежим впечатлением от прочитанной книги: «Какое возвышенно прекрасное создание эта женщина! ... Необходимо будет ей написать письмо и благодарить ее за доставленную радость чтением ее вдохновенной книги».

ИСАИЯ. ГЛАВА 35

«Основа», 1861, кн. XI—XII, сс. 2—3, под заголовком «Прочитавши главу 35 Исаии»; заглавие дано Кулишом.

Исайя — мифический древнееврейский пророк, именем которого названа одна из книг Ветхого завета. Подобно другим кни-

гам, вошедшим в состав библии, это — сборник пророчеств, поведений, изречений, стносящихся к различным эпохам. Обращаясь к материалу библии, Шевченко рассчитывал в пересказе библейского пророчества частично выразить свои положительные взгляды на будущность человечества, освобожденного от пут угнетения и рабства. Несомненно учитывалась также возможность использования такого пересказа в политической и социальной пропаганде среди крестьянства.

Строка 4. *Крин* — лилия (церковнослав.).

Строка 6. *Иордан* — река в Палестине.

Строка 8. *И честь кармилова и слава* || *Ливанова* — горные местности в Палестине.

Строка 25. *За злая* — за зло (церковнослав.).

N. N. («КАК ТЫ, ЛИЛЕЕЮ ТАКОЮ Ж...»)

N. N. («Така, як ти, колись лілея...»).

«Кобзарь», 1876, т. II, с. 212. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь», М. 1919, сс. 278—279.

Лицо, к которому обращено стихотворение, неизвестно.

ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ ЧЕРНЕНКО

Альманах «Хата», СПб. 1860, с. 90, под заглавием «Пісня», без посвящений. Русский перевод Н. Гербеля — «Модный магазин», 1863, № 22, с. 259.

Федор Иванович Черненко — инженер, знакомый Шевченко, еще с 40-х гг. Поэт сблизился с ним после возвращения из ссылки, неоднократно посещал еженедельные собрания у него. Дата 22 сентября 1859 г. отмечает посещение поэтом Черненко после возвращения из поездки на Украину (конец мая — 7 сентября 1859 г.).

«ОЙ, МАМА, МАМА, КАК Я СТРАДАЮ!..»

(«Ой, маю, маю, я оченята!..»)

«Кобзарь», 1867, с. 632. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, с. 62.

СЕСТРЕ

«Основа», 1861, кн. VI, сс. 47—48. Русский перевод—в кн. «Маленький кобзарь. Из Т. Г. Шевченко. Переводы И. А. Белоусова», Киев 1892, сс. 34—37.

Стихотворение обращено к сестре поэта, Ярине Григорьевне Бойко (род. 1816), наиболее близкой ему из всех сестер и братьев. После многих лет разлуки поэт свиделся с нею во время поездки на Украину, летом 1859 г.; отголоском этой встречи недавнего ссыльного солдата с сестрой, крепостной крестьянкой, несчастливой в семейной жизни, и явилось это стихотворение. Возвратившись с Украины в Петербург, Шевченко принялся настойчиво хлопотать об освобождении из крепостной неволи своих сестер и братьев. В этих хлопотах активно участвовали многие передовые русские литераторы, деятели Литературного фонда, в частности Чернышевский и Тургенев. В письме к помещику Флиорковскому Литературный фонд писал: «Уважаемый и любимый сочлен нашего общества, известный всей России поэт Тарас Григорьевич Шевченко имеет между крепостными вашими крестьянами <...> двух родных братьев, Никиту и Иосифа, и сестру Ирину. Он очень желает, чтобы они получили свободу, и горюет в разлуке с ними. Не откажите, милостивый государь, великодушно исполнить это горячее желание Тараса Григорьевича и отпустите братьев его и сестру на волю. Хотя он и знает, что в скором времени, с прекращением крепостного состояния, они получают свободу, но так тоскует по ним, что готов даже, если вы потребуете, внести за них выкуп, лишь бы только скорее иметь их при себе». В заключительной части письма особо подчеркивалось: «Как бы вы ни отпустили их на волю, даром или за вознаграждение, во всяком случае и наше общество и все любители русской литературы были бы вам за это глубоко и искренно благодарны» («Киевская старина», 1890, № 2, с. 336).

О том, как близко принимал к сердцу поэт подневольное положение своих близких, рассказывает один из его знакомых, отправлявшийся на Украину для переговоров об «устройении судьбы» семейства Шевченко: «Я никогда не забуду нашего прощания — оно было последнее, ибо более я его уже в жизни не встречал,— когда Тарас, вновь повторяя свою просьбу похлопотать о его братьях и сестре Арине, с судорожным воплем: «О Арина, Арина!..» упал на убогий диванчик, стоявший в углу его убогой квартирнки, и истерически громко зарыдал, как ребенок» («Киевская старина», 1889, № 3, с. 732).

«Я, ГЛУПЫЙ, РАЗМЫШЛЯЛ ПОРОЮ...»

(«Колись, дурною головою...»)

«Основа», 1862, кн. I, с. 6. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М. 1911.

Стихотворение это (как и предшествующее стихотворение — «Сестре») написано во время кратковременного ареста поэта в Черкассах по обвинению в «богохульстве» и в революционной пропаганде среди крестьян. На этот арест в стихотворении содержатся реальные намеки, особенно в последних строках, в упоминании «распинающих пилатов», то есть жандармов.

«ВО ИУДЕЕ, ВО ДНИ ОНЫ...»

«Кобзарь», 1867, сс. 637—638 (с большими цензурными пропусками; в частности, вовсе отброшен конец стихотворения, начиная со слов: «О, спаси же нас...»). Русский перевод Ф. Сологуба — в кн. «Кобзарь. Избранные переводы в переводе Ф. Сологуба», Л. 1934, сс. 277—278.

Стихотворение связано с поэмой «Мария» (см. ниже) и должно рассматриваться как подготовительный к ней этюд, впоследствии получивший самостоятельное бытие.

МАРИЯ

«Кобзарь», 1876, т. II, сс. 215—235. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Запретный Кобзарь. В переводах, собранных И. А. Белоусовым», М. 1918, с. 48—68.

Написанная на евангельский сюжет поэма Шевченко лишает рассказ о рождении Иисуса Христа специфически религиозного колорита и, вместе с тем, является естественным дополнением галереи образов девушек-«покрыток», данной в поэмах «Катерина», «Наймичка» и др. Мысль о рационалистической и реалистической трактовке евангельских образов и событий возникла в представлении поэта, повидимому, не без воздействия Фейербаха; на это указывал А. И. Белецкий (в сборнике «Пам'яті Т. Г. Шевченка, Збірник статей до 125-річчя з дня народження», Київ, 1939, с. 226). Знакомство Шевченко не столько с самим Фейербахом, сколько с его русскими поклонниками и комментаторами, можно

думать, произошло в Оренбурге в 1849 г., при посредстве петрашевца А. В. Ханыкова, отбывавшего там ссылку. «Дельный человек, ужасный пропагандист», по характеристике Н. Г. Чернышевского, Ханыков был тем человеком, который способствовал революционизированию сознания юноши Чернышевского, знакомил его с произведениями Фурье, Фейербаха и с собственными комментариями к ним. О знакомстве Ханыкова с Шевченко сохранились упоминания Никиты Савичева («Кратковременное знакомство с Тарасом Григорьевичем Шевченко» — «Казачий вестник», 1884, №№ 53, 54; см. «Ученые записки Ленинградского Государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 67, 1948, сс. 102—107).

Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции поэма вызвала ненависть реакционно-поповских кругов, негодовавших за «искажение» «евангельского повествования», за изображение «божией матери» в таком виде, что «должно содрогнуться от негодования и омерзения сердце всякого верующего христианина». Черносотенец М. Лободовский даже «исправил» поэму и пытался выдать эту бесталанную стряпню за вновь найденную рукопись Шевченко. Иван Франко считал, что поэму «следует отнести к лучшим, наиболее глубоко задуманным и гармонически завершенным поэмам Шевченко. Она занимает выдающееся, а в некотором отношении даже первостепенное место между такими перлами поэтического творчества Шевченко, как «Княжна», «Ведьма», «Петрусь», «Сотник», и «Неофиты» («Шевченкова «Марія» — «Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка», Львов, 1917, т. СХІХ—СХХ, с. 348).

ПОДРАЖАНИЕ.

«Основа», 1862, кн. II, с. 2, под заглавием «Подражаніє польському поетові Антонію Сові». Русские переводы: И. Кондратьева — «Волна», 1885, № 3, с. 2 («На память. Из Антония Сова»); И. А. Белоусова — в кн. «Из Кобзаря Т. Г. Шевченко и Украинские мотивы», Киев, 1887, с. 31 («Из Антония Сова. С малорусского перевода Т. Шевченко»).

Антоний *Сова* — псевдоним польского поэта Эдварда Желиговского (1816—1864). За участие в тайном польском обществе, за литературные свои выступления он был в 1851 г. выслан в Петрозаводск, а затем в Оренбург и Уфу. В Оренбурге, через общих друзей, заочно познакомился с Шевченко и даже затеял перевод

его произведений на польский язык. В 1857 г. был возвращен из ссылки и поселился в Петербурге; здесь он лично познакомился с украинским поэтом — на следующий же день после его приезда, 28 марта 1858 г. 13 мая 1858 г. он вписал в «Дневник» Шевченко стихотворение «Брату Тарасу Шевченко» («Do brata Tarasa Szewczenki»). Шевченко к литературному псевдониму Желиговского (Сова) присоединил подлинное его имя и не обозначил имя поэта или название стихотворения, которым подражал; все это и послужило причиной того, что в течение многих лет стихотворение считалось подражанием Антонию Сове.

В действительности образцом для «Подражания» явилось стихотворение польского поэта Яна Чечота, проведенного более двадцати лет в оренбургской ссылке, где он и умер (1847). Приехав в Оренбург, Шевченко застал еще свежие воспоминания о нем. Спустя одиннадцать лет, по возвращении в Петербург, Шевченко познакомился (или наново перечитал) со сборником стихотворений Чечота «Веснянки с Немана, Днепра и Днестра» (Piosnki wieśniacze znad Niemna, Dniepra i Dniestra, Вильно, 1845), в котором он и нашел заинтересовавшую его песню (№ LXXIV):

Ej posadzę ja przy chatce
Gruszę i jabłonkę,
Na pamiątkę, żem w tym roku
Pojął miłą żonkę.

Gdyby wszyscy tak mężowie
Drzewka posadzili,
Toby w miłej naszej wiosce
Jako w raju żyli.

Gdy się dziątek dohoduję,
Jabłek i gruszeczek,
To za rękę tu przywiodę
Żonkę wśród dziatczek.

Poczęstuję jabłuskami
Powiem lubej żonce:
Ilem z tobą lat szczęśliwy,
Tyle tej jabłonce.

Poczęstuję gruszeczkami,
Powiem mej duszeczce:
Ilem z tobą lat szczęśliwy,
Tyle tej gruszecze.

A do dzieci tak się ozwę:
Mi'e me dziateczki,
Sadźcie również na pamiątkę
Jabłoń i gruszcзки.

Стихотворение Чечота привлекло к себе внимание Шевченко, так как живо соответствовало тяге к собственному семейному очагу, владевшей им в последние годы жизни; ср. ниже, примечание к стихотворению «Вот если мне бы все же хлеба». Ср. также распоряжение поэта в письме к В. Г. Шевченко, 22 августа 1860 г.: «Осенью, как управишься с полем и окопаешь наш будущий участок (клочок земли, приобретенный поэтом на Украине, куда он предполагал перебраться на жительство.— И. А.), выбери на этом участке лучшее место и посади яблоню и грушу на память о 1860 году 28 июля».

ПОДРАЖАНИЕ ИЕЗЕКИИЛЮ. ГЛАВА 19

«Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка», Львов, 1901, кн. 1, сс. 1—2. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М. 1911, стр. 153.

Иезекииль — мифический библейский пророк, один из знатных иудейских мужей, которых вавилонский царь Навуходоносор увел с собою в плен. «Пророчества» Иезекииля, в большей своей части, предрекают грядущие беды израильскому народу, как кару за деяния неправедных царей и вельмож. В своем «подражании» поэт особенно подчеркивает мотив справедливого возмездия, ожидающего князей, вельмож и царей.

ОСИИ. ГЛАВА XIV. ПОДРАЖАНИЕ

«Кобзарь», 1876, т. II, сс. 236—237. Русский перевод Ф. Сологуба — в кн. «Кобзарь. Избранные стихотворения в переводе Ф. Сологуба», ГИХЛ, 1934, сс. 279—280.

Осия — легендарный библейский пророк; приписываемые ему пророчества о наказаниях израильтян за беззакония составляют особую книгу библии.

«ДЕВУЩКА МИЛА, КРАСИВА...»

(«Дівча любе, чорнобриве...»)

«Кобзарь», 1867, с. 640. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь, в переводах И. А. Белоусова», М. 1911.

«ОЙ ТЫ, ТЕМНАЯ ДУБРОВА!..»

(«Ой, дїброво, темний гаю...»)

«Кобзарь», 1867, с. 640. В «Большую книжку» стихотворение, вместе с предыдущим, вписано посторонней рукой; оба стихотворения, написанные в один день, обозначены римскими цифрами: I, II. В тексте рукою Шевченко сделаны поправки. Русские переводы: Пр. Б.— в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, с. 115.

Стихотворение является переделкой следующего стихотворения Я. Чечота (см. цит. соч., № LXII):

O dąbrowo, dąbroweczko,
Masz dobrego pana;
Trzema barwy w jednym roku
Bywasz przyodziana.

Jedna barwa zieleniutka,
Wszemu światu łuba;
Druga zò ta, smutna światu,
Jak załoba gruba.

Trzecia barwa białusieńka,
Ch odem światu znana;
Oj dąbrowo, dąbroweczko,
Masz dobrego pana.

Это стихотворение, в свою очередь, является переделкою западноукраинской народной песни.

ПОДРАЖАНИЕ СЕРБСКОМУ

«Кобзарь», 1867, с. 641.

Текст сербской народной песни, подражанием которой является данное стихотворение, до сих пор не установлен. Не установлен также источник знакомства с нею Шевченко.

МОЛИТВА

«Кобзарь», 1876, т. II, сс. 239—240. Русские переводы И. Белоусова, («Мне зла желающим, о боже») — «Ежемесячные приложения к «Ниве», 1904, № 10, с. 274; полный перевод Николая Анушкина — в кн. «Запретный Кобзарь в переводах, собрал И. А. Белоусов», М. 1918, сс. 70—72.

«Молитва», состоящая из четырех частей, написанных на протяжении недели, является собственно вариациями на одну тему —

о бесспорном праве трудящегося народа на все земные блага, присвоенные сильными мира, во главе с «царями, всесветными шинкарями». «Молитвы» эти сочинялись для задуманного им «Букваря», который должен был явиться первой книжкой для народа. Об этом замысле поэт писал 4 января 1861 г. М. К. Чалому (см. т. 5 наст. изд.). Просветительство Шевченко теснейшим образом связывалось с революционной пропагандой: задуманная им серия книг должна была не только знакомить крестьян с элементами грамотности и общего образования, но также способствовать складыванию в народе политического и социального сознания. Цензурные обстоятельства не позволили выполнить намеченную программу; вышедший в свет «Букварь» из произведений поэта содержал один только «Псалом 132».

«В БЫЛЫЕ ДНИ, ВО ВРЕМЯ ОНО...»

(«Колись то ще, во время оно...»)

«Кобзарь», 1867, с. 642. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», М. 1911, стр. 122.

Строка 2. *Нума Помпилий* — легендарный римский царь; с его именем связывалось установление «справедливых» законов, упорядочение религиозных обрядов и т. д. Под Нумою Помпилием Шевченко, очевидно, разумел Александра II, которого консерваторы и либералы единодушно прославляли как «тишайшего, кроткого государя», пекущегося о благе подданных, сочиняющего для них благие законы, провозглашающего пресловутые «реформы».

Строка 14. *Дриады* — лесные нимфы у древних греков.

Строка 17. *Эгерия* — нимфа, которая, по древнеримской легенде, витала над Нумою Помпилием, когда он писал свои законы.

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

«Кобзарь», 1867, сс. 643—644.

Переведенные Шевченко два отрывка из «Слова о полку Игореве» и ряд незавершенных черновых набросков говорят о давнем творческом замысле поэта. Еще в 1854 году (14 апреля) он сообщал А. О. Козачковскому о своем желании «перевести на наш прекрасный украинский язык «Слово о полку Игореве» и просил своего корреспондента прислать ему хотя на время экземпляр

«Слова». С аналогичной просьбой Шевченко обращался тогда же к О. М. Бодянскому (письмо 1 мая 1854 г.; см. т. 5 наст. изд.).

Задуманный перевод «Слова» не был осуществлен в ссылке. По возвращении в Петербург, готовясь к переводу, Шевченко проделал большую и кропотливую работу, борясь с тенденциями некоторых своих предшественников заменить перевод знаменитого памятника приблизительным пересказом, безответственным «подражанием» оригиналу. Сохранившиеся черновые наброски убедительно показывают стремление Шевченко добиться наибольшей сжатости, точности и вместе с тем языковой выразительности перевода. Переведя «Плач Ярославны» 4 июня 1860 г., поэт снова возвращается к нему 14 сентября и набрасывает новый вариант, оставшийся, однако, незаконченным.

С РАССВЕТА И ДО ВЕЧЕРА

(З передсвіта до вечора)

«Кобзарь», 1867, сс. 645—646.

Отрывок из «Слова о полку Игореве», известный под условным названием «Битва на реке Каяле». В бумагах поэта сохранился черновой набросок еще одного эпизода «Слова», точнее самого его начала.

«УМРЕ МУЖ ВЕЛИЙ В ВЛАСЯНИЦЕ»

«Кобзарь», 1876, т. II, с. 241. Русский перевод И. Белоусова в кн. «Запретный Кобзарь», изд. 2, М. 1922, с. 79.

Стихотворение написано по поводу смерти митрополита петербургского Григория, реакционность и мракобесие которого доходили до анекдота. Он выступал, например, против геологии, так как она противоречит «священному писанию»; он предлагал предать церковной анафеме Герцена и т. д. В мае 1858 г. он обратил внимание петербургского генерал-губернатора Игнатьева на картинку мод, разосланную при № 19 журнала «Сын отечества». Там была изображена женщина в платье, отделанном крестообразной вышивкой. Митрополит требовал воспретить портнихам «устройство означенных платьев и принять другие меры, чтобы платья эти не были в употреблении». Игнатьев ответил, что ничего в данном случае сделать не может, но «успокоил» своего корреспондента,

что кресты на вышивках можно понимать как знаки умножения. Эта переписка попала в руки Герцена и была им опубликована в «Колоколе», 1858, лл. 23—24, с издевательской припиской, в которой между прочим говорилось: «Высокопреосвященный владыко, разоблача по картинке женщину, власы плетущую и драгие ткани носящую, совлек с нее одежду соблазнительную, несмотря на то, что она лицемерно якобы отжениется знамением креста от похоти греховной. Газетоборче, юбкоборче, модоненавистнику, землезнания гонителю, моли бога о нас» (А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. IX, Пб. 1919, с. 344).

Шевченко воспользовался материалом «Колокола» как для самой характеристики Григория, так и в стилистическом оформлении стихотворения. Одновременно Шевченко разоблачает реакционные силы, поддерживавшие «почившего» митрополита: мракобеса В. И. Аскоченского, славянсфила А. С. Хомякова, славянофильский журнал «Русскую беседу»

В. И. Аскоченский — реакционнейший журналист, издатель журнала «Домашняя беседа», в котором бралась под подозрение вся демократическая литература и подвергались преследованиям малейшие проявления самого благонамеренного либерализма; журнал с подозрительностью относился даже к периодическим изданиям православно-духовного содержания. Н. С. Лесков упоминает о «грубости» и «неистовости» писаний Аскоченского, о «трагикомических» скачках в его жизни — «от наглости к пресмыкательству» («Исторический вестник», 1882, № 8, с. 442). Шевченко познакомился с Аскоченским в Киеве, в 1846 году; встречались они также в Петербурге, по возвращении поэта из ссылки. По признанию самого Аскоченского, Шевченко не скрывал резкой антипатии к нему, неизменно издеваясь над его мракобесием.

Строка 5. Алексей Степанович Хомяков — реакционный публицист, философ и поэт.

Строка 8. «Русская беседа» — славянофильский журнал, выходивший в Москве в 1856—1860 гг. В марте 1858 г., во время пребывания Шевченко в Москве, руководители «Русской беседы» настойчиво старались привлечь его к активному участию в журнале, используя его добрые отношения к С. Т. Аксакову, М. А. Максимовичу. Однако Шевченко вскоре разгадал реакционный характер журнала и от сотрудничества в нем отказался.

ГИМН ЧЕРНИЦ

«Кобзарь», 1876, т. II, с. 211. Русские переводы: И. А. Белоусова — в кн. «Запретный Кобзарь в переводах, собрал И. А. Белоусов», М. 1918, сс. 72—73; Ф. Сологуба — в кн. «Кобзарь. Избранные стихотворения в переводе Ф. Сологуба», Л. 1934, с. 288.

Стихотворение, повидимому, связано с предыдущим.

«НАД ДНЕПРОВСКОЮ ВОДОЮ...»

(«Над Дніпровою сагою...»)

«Основа», 1861, кн. X, с. 2. Русский перевод Ф. Сологуба — в кн. «Кобзарь. Избранные стихотворения в переводе Ф. Сологуба», ГИХЛ, 1934, с. 285.

«ИГРАЛИ ВМЕСТЕ, ПОДРОСЛИ...»

(«Росли укупочі, зросли...»)

«Основа», 1862, кн. V, с. 1. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, с. 45.

«СВЕТЕ ТИХИЙ! СВЕТЕ ЯСНЫЙ!..»

В кн. Ол. Партицького «Провідні ідеї в письмах Тараса Шевченка» («Основные идеи в произведениях Тараса Шевченко»), Львов, 1872, с. 29. В 1873 г. напечатано в львовском журнале «Правда», № 16, сс. 542—544, как окончание отрывка из поэмы «Иван Гус» («Еретик»). Начиная с 1876 г., входит в издания произведений Шевченко как самостоятельное стихотворение. Русский перевод И. Белоусова в кн. «Запретный Кобзарь», изд. 2, М. 1922, с. 80.

Строка 12. *На онучи будем, милый, || Смело рвать покров постылый* — перифраза восходящего к народной песне эпиграфа к главе «Гайдамаков» — «Гонта в Умани».

Строка 14. *Печь топить святыми* — то есть иконами.

ЛИКЕРИИ

«Основа», 1862, кн. V, сс. 1—2 (без названия). Русский перевод в кн. «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М. 1911, с. 155.

Гликерия (Ликера) *Полусмакова* — крепостная девушка, служанка знакомых Шевченко, Макаровых. К ней, в конце лета 1860 г., посватался поэт, вызвав этим сильное возмущение своих знакомых помещиков, всяческих «доброжелателей», которые приложили много усилий, чтобы расстроить сватовство и уже назначенную было свадьбу. Так, П. В. Анненков 5 сентября 1860 г. сообщал И. С. Тургеневу, что хозяин Ликеры, Макаров, «собирался ехать (из-за границы) расстраивать свадьбу Шевченко, потому что он женится на Лукерье, той толстой Лукерье... которая выходит за Шевченко, чтобы *раздразнить горничных — девчат Карташевских*» («Труды Публичной библиотеки СССР имени Ленина», вып. III, Academia, 1934, с. 93). О сватовстве своем и возникших интригах сам поэт так писал В. Г. Шевченко: «Я это собрался жениться... Будущую жену мою зовут Ликерия, крепостная, сирота... Здешние земляки наши (особенно барышни), как услышали, что мне бог такую благодать послал, то еще немного поглупели. В один голос кричат: «Не пара, не пара!» (22 августа 1860 г.). Очень скоро, однако, обручение было расторгнуто самим поэтом; см. примечание к следующему стихотворению.

Подзаголовок стихотворения — «На память 5 августа 1860 г.» — объяснен в воспоминаниях Н. Кибальчич, в семье которой была поселена невеста поэта, когда ее хозяева выехали за границу. «Однажды он <Шевченко> написал матери, прося ее отпустить с ним Лукерью в город за покупками. Мать отказала... Тогда Шевченко приехал сам и лично стал просить мать об этом. Она и тут ему категорически отказала. Он рассердился и иронически спросил: «А якби ми повінчані були, то пустили б?» — «Конечно, — возразила мать, — какое бы я тогда имела право удерживать ее...» Страшно рассерженный Шевченко присел тут же к столу и сразу, сгоряча, экспромтом набросал известное стихотворение:

Моя ти лобо, мій ти друже!
Не ймуть нам віри без хреста...—

направленное против моей матери» («Киевская старина», 1890, № 2, с. 178).

Н. Я. МАКАРОВУ

«Основа», 1862, кн. V, с. 2. Русский перевод Н. А. Чмырева — в кн. «Кобзарь Т. Г. Шевченко в переводе А. А. Чмырева», М. 1874, с. 160.

Николай Яковлевич Макаров (1828—1892), состоятельный по-

мещик, был близок к украинским литературным кругам 50—60-х гг., считал себя, в частности, «приятелем» Шевченко. Он принимал деятельное, хотя и закулисное участие в расстройстве свадьбы поэта с Ликерою, служившей у его брата, А. Я. Макарова. Дата 14 сентября, очевидно, отмечает день разрыва Шевченко с невестой. Точные причины разрыва остаются неизвестными, но поэт был настолько потрясен какими-то словами или поступками Ликеры, что, в письмах к Макарову и другим лицам, настойчиво требовал уничтожения всех вещей, подаренных ей. «Души своей не жаль было для Ликеры, а теперь жаль нитки! — писал он Н. М. Белозерской 18 сентября 1860 г.— Странное что-то творится со мною?»

«И АРХИМЕД И ГАЛИЛЕЙ...»

«Кобзарь», 1876, т. II, с. 243. Русский перевод Ф. Сологуба — в кн. «Кобзарь. Избранные стихотворения в переводе Ф. Сологуба», Л. 1934, с. 290.

Л. «ПОСТАВЛЮ ХАТУ — НЕ ПАЛАТЫ...»

(Л. «Поставлю хату і кімнату...»)

«Основа», 1862, кн. V, с. 3. Русский перевод Ф. Сологуба — в кн. «Кобзарь. Избранные стихотворения в переводе Ф. Сологуба», ГИХЛ, 1934, с. 291.

Стихотворение написано под свежим впечатлением от разрыва с Ликерией, инициал имени которой стоит и в заголовке. Разрыв с невестой усилил стремление поэта к созданию собственного очага. В письме к Ф. Ткаченко 28 сентября 1860 г. он жаловался: «Одиночество меня донимает!»

«НЕТ, БОГА Я НЕ УПРЕКАЮ...»

(«Не нарікаю я на бога...»)

«Основа», 1862, кн. VI, сс. 3—4. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, М. 1900, сс. 44—45.

САУЛ

«Кобзарь», 1876, т. II, сс. 244—247. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Запретный Кобзарь, в переводах», М. 1918, сс. 73—76.

Довольно близко пересказывая библейское повествование о первом израильском царе Сауле, Шевченко явно имеет в виду «неудобозабываемого Тормаза», Николая I. В этом поэт следует традициям революционно-демократической публицистики, в частности, Герцену. Ср., например, упоминание о «нашем Сауле», который «совсем сошел с ума после 1848» — в «Былом и думах» (ч. VI, гл. IV; А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XIV, Пб., 1920, сс. 457—458).

«И МОЛОДОСТЬ МОЯ МИНУЛА...»

(«Минули літа молодії...»)

«Основа», 1861, кн. V, сс. 1—2. Русский перевод Н. Пушкарева — «Московское обозрение», 1877, № 14, с. 322.

«ТИТАРИВНА-НЕМИРИВНА...»

«Основа», 1861, кн. VIII, с. 2.

Титаривна — дочь ктитора, церковного старосты.

«ХОТЯ ЛЕЖАЧЕГО НЕ БЬЮТ...»

(«Хоча лежачого й не б'ють...»)

«Кобзарь», 1876, т. II, с. 256. Русский перевод П. Тулуба — в кн. «Запретный Кобзарь, в переводах. Собрал И. А. Белоусов», М. 1918, с. 78.

Высказывались предположения, что в стихотворении этом имеется в виду Екатерина II, что написано оно было в мастерской скульптора М. О. Микешина, работавшего в это время над известным памятником Тысячелетия России в Новгороде. Однако самая дата стихотворения подсказывает иную его расшифровку: утром 20 октября 1860 г. умерла «вдовствующая императрица» Александра Федоровна, вдова Николая I, мать Александра II. В свое время (см. т. I наст. изд.) карикатурно-сатирическое ее изображение в поэме «Сон» явилось одним из основных поводов для жестокой резолюции Николая. После смерти последнего, по ее настоянию поэт был исключен новым царем из списков амнистируемых «политических преступников». Шевченко, конечно,

хорошо знал репутацию «палача в юбке», которой пользовалась умершая императрица в демократическом лагере русской общест-венности.

«НИГДЕ НИ В ЧЕМ ОТРАДЫ НЕТУ...»

(«І тут, і всюди — скрізь погано...»)

«Основа», 1861, кн. V, с. 2, без последних трех строк. Русские переводы: Анатолия Икарского <Н. Д. Мизко> — «Дон», 1870, № 17, 5 марта; И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», изд. 2-е, СПб. 1906, с. 351.

«О ЛЮДИ! БЕДНЫЕ, СЛЕПЫЕ!...»

(«О люди! люди небораки!...»)

«Основа», 1861, кн. V, сс. 2—3. Из цензурных соображений редакция журнала совершенно обкарнала стихотворение: выброшенными оказались строки 1—4, 19—20, а строка 23 была «отредактирована»: вместо «Царям, царятам на землі» — напечатано: «Усім неправдам на землі». Русский перевод Ф. Сологуба — в кн. «Кобзарь. Избранные стихотворения в переводе Ф. Сологуба», ГИХЛ, 1934, с. 300.

Стихотворение написано по поводу похорон императрицы Александры Федоровны (см. выше примечание к стихотворению «Хотя лежачего не бьют...»). Она считалась попечительницей приютов и воспитательных домов, отсюда — ироническая характеристика ее как «матери» «сирот голодных, чуть не голых», которых в ненастье гонят «последний долг отдать» свсей «покровительнице».

«ВОТ ЕСЛИ БЫ МНЕ ВСЕ ЖЕ ХЛЕБА...»

(«Якби з ким сісти, хліба з'їсти»)

«Основа», 1861, кн. VI, с. 4. Русский перевод Ф. Гаврилова — в кн. «Кобзарь в переводе русских писателей», М. 1911, с. 124.

В стихотворении этом с особенной силой выражено ощущение семейной неустрсенности, которое не оставляло поэта после его возвращения из ссылки. Этими настроениями было вызвано неудачное сватовство поэта к актрисе Пиуновой, шутливая по форме просьба к молодой жене М. А. Максимовича подыскать ему невесту. 22 ноября 1858 г. он напоминал М. В. Максимович об этом (см. т. 5 наст. изд.). Подобные просьбы не раз повторяются в письмах поэта последних лет к разным лицам.

«И ДЕНЬ ИДЕТ, И НОЧЬ ИДЕТ...»

«Основа», 1861, кн. V, с. 3. Русские переводы: Анатолия Икарского <Н. Д. Мизко> — «Дон», 1870, № 17, 5 сентября; С. Ш<ашкова> — «Дело», 1876, № 4, отд. II, с. 154; Илько — «Русское богатство», 1882, № 3, с. 95 («Мотивы из Шевченко, 1»).

Это стихотворение упомянул Горький в своих каприйских лекциях по истории русской литературы, заметив, что «Шевченко — все знал или, по крайней мере, все чувствовал: он, взглянув на жизнь народа оком поэта и провидца, воскликнул: «І день іде» и т. д.» (М. Горький, История русской литературы. М. 1939, с. 188).

«ТЕЧЕТ ВОДА ОТ ЯВОРА...»

(«Тече вода з-під явора...»)

«Основа», 1861, кн. VI, с. 48. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Из Кобзаря Т. Г. Шевченко и Украинские мотивы», Киев, 1887, сс. 25—26.

«ОДНАЖДЫ НАД НЕВОЙ ИДУ...»

(«Якось-то йдучи уночі...»)

«Кобзарь», 1876, т. II, с. 259. Русский перевод Павла Тулуба — «Вестник Европы», 1907, № 11, с. 122.

Строка 19. «*То фонари горят || Возле апостольского храма*» — то есть у ворот Петропавловской крепости, неподалеку от собора в честь апостолов Петра и Павла.

«СРАЖЕНЬЯ БЫЛИ, РАСПРИ — ВСЕ БЫВАЛО...»

(«Бували війни й військові свари...»)

«Кобзарь», 1876, т. II, сс. 259—260. Русский перевод Ф. Сологуба — в кн. «Кобзарь. Избранные стихотворения в переводе Ф. Сологуба», Л. 1934, с. 302.

Строка 2. *Галаганы, и Кисели, и Кочубеи-Ногаи* — фамилии богатейших украинских помещиков-магнатов, огромные богатства которых были созданы жестоким угнетением крестьянства на протяжении многих десятилетий. Род Кочубеев генеалогия выводила из Орды; поэтому Шевченко называет их «Ногаями», имея в виду погайских татар.

Н. Т. («ВЕЛИКОМУЧЕНИЦА-ДЕВА...»)

(Н. Т. «Великомученице куме»)

«Кобзарь», 1876, т. II, сс. 260—261. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Запретный Кобзарь», М. 1918, с. 88.

Стихотворение обращено к Н. В. Тарновской, сестре богатого черниговского помещика и буржуазного общественного деятеля В. В. Тарновского. В их имении Потоки поэт бывал еще до ссылки (впервые в 1845 г.). По сообщению современника, Шевченко к Н. В. Тарновской «крестил ребенка у дьяка и всегда ее потом называл «дорогая кумася» («Киевская старина», 1897, № 2, документы, сс. 31—32). Знакомство возобновилось после возвращения поэта из ссылки в Петербург, где проживало зимами семейство Тарновских. Отношения Шевченко к своей «куме» были окрашены значительной долей иронии.

«И ВСТРЕТИЛИСЬ, И ОБВЕНЧАЛИСЬ...»

(«Зійшлись, побрались, поєднались...»)

«Основа», 1861, кн. VIII, сс. 1—2. Русский перевод П. Тулуба — «Вестник Европы», 1908, № 11, сс. 89—90.

Стихотворение это — последнее, переписанное начисто поэтом в «Большую книжку». На следующей странице он синим карандашом написал «1861», однако более ни одного стихотворения вписать не успел.

КУМА МОЯ И Я

«Записки Наукового товариства ім. Шевченко», Львов, 1913, кн. III, с. 176. Сохранился лишь черновой набросок стихотворения, карандашом на листке почтовой бумаги; стихотворение имеет незавершенный вид. Посвящено оно Н. В. Тарновской (см. выше, примечание к стихотворению «Н. Т.»).

Строка 4. *Заглянем ... в пирамиду* — то есть Петропавловский собор, где погребались российские императоры, начиная с Петра I, подобно тому, как в пирамидах погребались египетские фараоны.

Строка 13. *Рванул Бортнянского.* — Имеется в виду один из духовных концертов композитора Д. С. Бортнянского (1751—1826).

«ТАК НЕ ПОРА ЛИ ПОНЕМНОГУ...»

(«Чи не покинуть нам, небого...»)

«Основа», 1861, кн. V, сс. 3—5. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, изд. 2-е, СПб. 1906, сс. 354—356.

В «Основе» стихотворение было снабжено следующим примечанием: «Это стихотворение (вероятно, «К Музе»), кажется, последнее поэтическое слово нашего вечнопамятного Тараса. На подлиннике под первой его половиной (после стиха: «Славою святою») стоит «14 февраля»; под второй половиной дата не обозначена». Автограф стихотворения в настоящее время утрачен.

**УКРАИНСКО-РУССКИЙ АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
СТИХОТВОРЕНИЙ И ПОЭМ,
ПОМЕЩЕННЫХ В ПЕРВОМ И ВТОРОМ ТОМАХ**

- «*А нумо знову віршувать...*» —
«Давайте вновь стихи пи-
сать» — 2, 60
- «*Бандуристе, орле сизий...*»
(Маркевичу Н.) «Хорошо
тебе, орел мой» — 1, 159
- «*Барвинок цвів і зеленів...*»
(Н. Я. Макарову) — «Барви-
нок цвел и зеленел...» (Н. Я.
Макарову) — 2, 340
- «*Буває, в неволі іноді зга-
даю...*» — «Бывает в неволе
мечтать начинаю...» — 2, 236
- «*Буває, іноді старий...*» — «Бы-
вает иногда старик...» — 2, 205
- «*Бували війни й військовій сва-
ри...*» — «Сраженья были, рас-
при — все бывало...» — 2, 357
- «*Було, роблю що, чи гуляю...*» —
«Бывало, думаю, гуляю...» —
2, 203
- «*Б'ють пороги; місяць схо-
дить...*» (До Основ'яненка) —
«Бьют пороги; всходит ме-
сяц...» (К Основьяненку) —
1, 148
- «*В неволі, в самоті немає...*» —
«В неволе я один скучаю...» —
2, 159
- «*В неволі тяжко — хоча й во-
лі...*» — «В неволе тяжко —
хоть и воли...» — 1, 469
- Варнак* — 2, 65
- Великий льох* — Подземелье —
1, 369
- «*Великомученице кумо!...*»
(Н. Т.) — «Великомученица -
дева!..» (Н. Т.) — 2, 358
- «*Веселе сонечко ховалось...*»
(Костомарову Н.) — «Играя,
солнышко скрывалось...» — 1,
465
- Відьма* — Ведьма — 1, 440
- «*Вітер з гаєм розмовляє...*» —
«Ветер веет, повеваает...» — 1,
232
- «*Вітре буйний, вітре буйний...*» —
«Ветер буйный, ветер буй-
ный...» — 1, 103
- «*Во Іудеї, во дні они...*» — 2, 295
- Г. З. («*Немає гірше, як в нево-
лі...*») — Г. З. («Нет горше
доли, чем в неволе...») — 2, 93

- Гайдамаки* — 1, 162
Гамалія — 1, 281
Гімн черничий—Гімн черниц — 2, 335
Гоголю («За думою дума роєм вилітає...») — Гоголю («За думою дума летит, вилітає...») — 1, 336
«Гори мої високії...» (Сон) — «Горы мои высокие...» — 2, 24
«Готово! Парус розпустили...» — «Готово! Парус распустили...» — 2, 213
- Давидові псалми* — 1, 419
«Давно те діялось...» (А. О. Козачковському) — «Бывало в школе я когда-то...» — 2, 45
Дівчії ночі — 1, 314
«Дівча любе, чорнобриве...» — «Девушка мила, красива» — 2, 323
- До Основ'яненка* («Б'ють пороги; місяць сходить...») — К Основьяненко («Бьют пороги; всходит месяц...») — 1, 148
«Добро, у кого є господа...» — «Когда есть дом родной, а дома...» — 2, 80
Доля — 2, 279
«Думи мої, думи мої! Ві мої єдині!..» — «Думы мои, думы мои, самые родные» — 2, 7
«Думи мої, думи мої, лихо мені з вами...» — «Думы мои, думы мои, горе, думы, с вами...» — 1, 112
«Дурні та гордії ми люди...» — «Мы чванные, пустые люди...» — 2, 208
- Еретик* — 1, 339
- «З передсвіта до вечора...»* — «С рассвета и до вечера...» — 2, 332
«За байраком байрак...» — «Лес, овраг, буерак...» — 1, 456
«За думою дума роєм вилітає (Гоголю) «За думою дума летит, вилітає...» — 1, 336
«За сонцем хмаронька пливе...» — «За солнцем облачко плывет...» — 2, 183
«Заворожи мені, волхве...» — «Зачаруй меня, волшебник...» — 1, 335
«Закувала зозуленька...» — «Куковала кукушечка...» — 2, 129
Заво́віт («Як умру, то поховайте...») — Завещание («Как умру, похороните...») — 1, 434
«Заросли шляхи тернами...» — «И тернистый и колючий...» — 2, 195
«Заступила чорна хмара...» — «Завалило черной тучей...» — 2, 165
«Зацвіла в долині червона калина...» — «Зацвела в долине красная калина...» — 2, 197
«Згадайте, братія моя...» — «Припомним, братия моя...» — 1, 454
«Зійшлись, побрались, повднались...» — «И встретились, и обвенчались...» — 2, 360
- «І Архімед і Галілей»* — 2, 341
«І багата я» — 2, 121
«І виріс я на чужині...» — «И

- вырос я в краю чужом...» — 2, 114
- «*І день іде, і ніч іде...*» — «И день идет, и ночь идет...» — 2, 354
- «*І досі сниться: під горою...*» — «Все снится мне: вот под горою...» — 2, 246
- «*І знов мені не привезла...*» — «Мне почта вновь не привезла...» — 2, 157
- «*І золотої, й дорогої...*» — «Мне золотую, дорогую...» — 2, 210
- І мертвим, і живим, і ненародженим землякам моім...* — И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим... — 1, 409
- «*І небо невміте, і заспані хвилі...*» — «И сонные волны, и мутное небо...» — 2, 113
- «*І станом гнучим і красою...*» — «И станом гибким и красую...» — 2, 240
- «*І тут і всюди — скрізь погано...*» — «Нигде ни в чем отрады нету...» — 2, 351
- «*І широку долину...*» — «И простор степной, широкий...» — 2, 150
- Иван Підкова — 1, 151
- «*Из-за гаю сонце сходить...*» — «Из-за роши солнце всходит...» — 2, 136
- Иржавец — 2, 29
- Ісаія. Глава 35 — 2, 288
- Кавказ — 1, 404
- Катерина — 1, 119
- Княжна — 2, 8
- Козачковському А. О. («Давно те діялось») — А. О. Козачковському («Бывало, в школе я когда-то...») — 2, 45
- «*Колись дурною головою...*» — «Я, глупый, размышлял порою...» — 2, 294
- «*Колись то ще, во время оно...*» — «В былые дни, во время оно...» — 2, 329
- «*Коло гаю, в чистім полі...*» — «На кургане, возле роши» — 2, 118
- Косар — Косарь — 1, 470.
- Костомарову Н. («Веселе сонечко ховалось...») — Костомарову Н. («Играя, солнышко скрывалось...») — 1, 465
- «*Кума моя і я*» — 2, 361
- Л. (*Поставлю хату і кімнату...*) — Л. («Поставлю хату — не палаты...») — 2, 342
- Лілея — 1, 435
- «*Лічу в неволі дні і ночі...*» (1850 р.) — «Считаю в ссылке дни и ночи...» (1850) — 2, 216
- «*Лічу в неволі дні і ночі* (1850—1858 рр.) «Считаю в ссылке дни и ночи...» (1850—1858) — 2, 219
- Ликері («Моя ти любо! Мій ти друже!...») — Ликерии («Моя голубка! Друг мой милый...») — 2, 339
- Макарову Н. Я. («Барвінок цвів і зеленів») — Н. Я. Макарову («Барвинок цвел и зеленел...») — 2, 340
- Маленькій Мар'яні — 1, 428
- Марина — 2, 96

- Марія* — 2, 297
- Маркевичу Н.* («Бандуристе, орле сизий...») — Маркевичу Н. («Хорошо тебе, орел мой...») — 1, 159
- Марку Вовчку* — 2, 287
- Мар'яна-черниця* — 1, 233
- «Мені здається, я не знаю...» — «Мне кажется, но сам не знаю...» — 2, 231
- «Мені однаково, чи буду...» — «Мне, право, все равно, я буду...» — 1, 458
- «Мені тринадцятий минало...» (N. N.) — «Тогда мне лет тринадцать было...» (N. N.) — 2, 21
- «Між скалами, неначе злодій...» — «Меж скалами, подобно вору...» — 2, 108
- «Мій боже милий, знову лихо...» — «Опять настало время злое...» — 2, 247
- «Ми вкупочці колись росли...» — «Мы вместе некогда росли...» — 2, 211
- «Ми восени таки похожи...» — «Мы осенью и впрямь похожи...» — 2, 214
- «Ми заспівали, розійшлись...» — «Запели мы и разошлись...» — 2, 221
- «Минають дні, минають ночі...» — «Проходят дни, проходят ночи...» — 1, 429
- «Минули літа молодії...» — «И молодость моя минула...» — 2, 348
- «Мов за подушне, оступили...» — «Как за подушным, правый боже...» — 2, 90
- Молитва* — 2, 326
- Москалева криниця* (1847) — Солдатов колодец (1847) — 2, 50
- Москалева криниця* (1857) — Солдатов колодец (1857) — 2, 248
- «Моя ти любо! Мій ти друже!...» (Ликері) — «Моя голубка! Друг мой милый!...» (Ликерии) — 2, 339
- Муза* — 2, 280
- «На батька бісового я трачу...» — «Какого дьявола я трачу...» — 2, 245
- «На великдень на соломі...» — «В светлый праздник, на соломее...» — 2, 202
- На вічну пам'ять Котляревському* — Вечной памяти Котляревского — 1, 105
- На забудь Штернбергу* — На память Штернбергу — 1, 161
- «На ниву в жито у ночі...» — «На рожь несжатую в ночи...» — 2, 106
- «На панщині пшеницю жала...» (Сон) — «На барщине пшеницу жала...» (Сон) — 2, 283
- «На улиці невесело...» — 2, 133
- «Навгороді коло броду...» — «В огороде, возле брода...» — 2, 151
- «Над Дніпровою сагою...» — «Над днепровскою водою...» — 2, 336
- «Нащо мені женитися?...» — «Для чего же мне жениться?...» — 2, 187
- «Нащо мені чорні брови...» —

- «На что черные мне брови...» — 1, 146
- «Не вернувся із походу...» — «Из похода не вернулся...» — 2, 161
- «Не грів сонце на чужині...» — «Не греет солнце на чужбине...» — 2, 23
- «Не для людей, тієї слави...» — «Не для людей и не для славы...» — 2, 116
- «Не додому вночі йдучи...» — «Не домой спеша, расставшись...» — 2, 184
- «Не жаль на злого: коло його...» (П. С.) — «Я не досажаю на злого...» (П. С.) — 2, 91
- «Не женися на багатій...» — «Не женися на богатой...» — 1, 338
- «Не завидуй багатому...» — «Не завидуй богатому...» — 1, 337
- «Не кидай матері! — казали...» — «Останься с матерью — сказали...» — 1, 459
- «Не молилася за мене...» — «Не молилась мать за сына...» — 2, 222
- «Не нарікаю я на бога...» — «Нет, бога я не упрекаю...» — 2, 343
- «Не спалося, — а ніч, як море...» — «Не спится мне, а ночь — как море...» — 1, 472
- «Не так тії вороги...» — «Не так недруги твои...» — 2, 138
- «Не тополю високою...» — «То не буйный ветер в поле...» — 2, 148
- «Не хочу я женитися...» — «Не хочу я обручаться...» — 2, 153
- Невольник (Сліпий) — 1, 359
- «Немав гірше, як в неволі...» (Г. З.) — «Нет горше доли, чем в неволе...» (Г. З.) — 2, 93
- «Неначе степом чумаки...» — «Как днем осенним чумаки...» — 2, 168
- Неофіти — 2, 260
- N.N. («Мені тринадцятий минало...») — N.N. («Тогда мне лет тринадцать было...») — 2, 21
- N.N. («О думи мої, о славо злая!..») — N.N. («О думы мои, о слава злая!..») — 2, 32
- N.N. («Сонце заходить, гори чорніють...») — N.N. («Солнце заходит, горы чернеют...») — 2, 20
- N.N. («Така, як ти, колись лілея...») — N.N. («Как ты, лилею такую ж...») — 2, 290
- Н. Т. («Великомученице кумо!..») — Н. Т. («Великомученица-дева!..») — 2, 358
- «Ну що б, здавалося, слова?...» — «Ну, что, казалось бы, слова?...» — 2, 88
- «О думи мої! О славо злая!..» (N.N.) — «О думы мои, о слава злая» (N.N.) — 2, 32
- «О люди! люди небораки!..» — «О люди, бедные слепые!..» — 2, 352
- «Огні горять, музика грає...» — «Огни горят, оркестр играет...» — 2, 242
- «Один у другого питаєм...» — «А мы все думаем, решаем...» — 2, 39
- «Ой, вигострю товарища...» — «Ой, наточу товарища...» — 2, 126

- «Ой, гляну я, подивлюся...» —
«Ой, гляну да погляжу я...» —
2, 71
- «Ой, діброво—темний гаю!...» —
«Ой, ты темная дуброва...» —
2, 324
- «Ой, крикнули сірії гуси...» —
«Ой, серые кричат гуси...» —
2, 189
- «Ой, люлі, люлі моя дитино...» —
«Ой, баю-баю,— качаю сына» — 2, 139
- «Ой, маю, маю я оценьята...» —
«Ой, мама, мама, как я страдаю...» — 2, 292
- «Ой, не п'ються пива, меди...» —
«Ой, не пьются мед и пиво...» — 2, 132
- «Ой, одна я, одна...» — 1, 455
- «Ой, пішла я у яр за водою...» —
«Ой, пошла я в овраг за водою...» — 2, 137
- «Ой, по горі ромен цвіте...»
(Федору Івановичу Черненку) — «Ой, на горе яр-хмель цветет...» — 2, 291
- «Ой стрічку до стрічки...» —
«Ой, строчечку да к строчечке...» — 2, 41
- «Ой, сяду я під хатою...» —
«Присяду я на крылечке...» —
2, 128
- «Ой, три шляхи широкії...» —
«Три широкие дороги...» — 1, 463
- «Ой, умер старий батько...» —
«Мой отец спит в могиле...» —
2, 160
- «Ой, чого ти почорніло...» —
«Отчего ты почернело...» — 2, 140
- «Ой, я свого чоловіка...» — «Му-
женька я дорогого...» — 2, 125
Осії. Глава XIV — 2, 320
- П. С. («Не жаль на злого: коло
його...») — П. С. («Я не до-
сажую на злого...») — 2, 91
- Перебендя — 1, 116
- Песня караульного у тюрми —
1, 251
- Петрусь — 2, 224
- Плач Ярославни — 2, 330
- «По улиці вітер віє» — «На
улице снег и ветер...» — 2, 127.
- Подражанія — 2, 317
- Подражанія Ізекілію. Гла-
ва 19 — 2, 318
- Подражанія 11 псалму — 2, 285
- Подражанія сербському — 2,
325
- «Полюбилася я, одружилася
я...» — «Повстречалася я, об-
венчалася я...» — 2, 122
- «Породила мене мати...» —
«Мать моя была богата...»
2, 123
- «Поставлю хату і кімнату...»
(Л.) — «Поставлю хату — не
палаты...» (Л.) — 2, 342
- Причинна — Порченя — 1, 97
- Пророк — 2, 105
- «Рано вранці новобранці...» —
«Рано встали, выступали...» —
1, 467
- Розрита могила — Разрытая мо-
гила — 1, 302
- «Росли укупочці, зросли...» —
«Играли вместе, подрос-
ли...» — 2, 337
- Русалка — 1, 438
- «Садок вишневий коло ха-

- ти...» — «Вишневий садикazole хаты...» — 1, 466
- «Самому чудно. А де ж дітись?..» — «Сам удивляюсь. Кто ответит...» — 2, 40
- Саул — 2, 345
- «Світе ясний! Світе тихий!..» — «Свете тихий! Свете ясний!..» — 2, 338
- Сестрі — Сестре — 2, 293
- Слава — 2, 282
- Слепая — 1, 252
- Сліпий (Невольник) — 1, 350
- Сова — 1, 307
- Сон («Гори мої високії!..») — 2, 24
- Сон («На панщині пшеницю жала...») — Сон («На барщине пшеницю жала...») — 2, 283
- Сон («У всякого своя доля...») — 1, 316
- «Сонце заходить, гори чорніють...» (N. N.) — 2, 20.
- Сотник — 2, 169
- «Стоїть в селі Субботові...» — 1, 386
- «Та не дай, господи, нікому...» — «Не дай ты никому того же...» — 2, 72
- «Така, як ти, колись ліля...» (N. N.) — «Как ты, лилею такою ж...» (N. N.) — 2, 290
- «Тарасова ніч...» — «Тарасова ночь» — 1, 154
- «Тече вода в синє море...» — 1, 109
- «Тече вода з-під явора...» — «Течет вода от явора...» — 2, 355
- Титарівна — Дочь ктитора — 2, 81
- Титарівна-Немирівна — 2, 349
- Тополя — Тополь — 1, 139
- «То так і я тепер пишу...» — «Вот так и я теперь стро-чу...» — 2, 59
- Тризна — 1, 287
- Три літа — Три года — 1, 431
- «Туман, туман долиною...» — «Туман плывет долинами...» — 2, 141
- «Тяжко, важко в світі жити...» — «Тяжко, тяжело жить на свете...» — 1, 110
- «У бога за дверми лежала сокира...» — «Топор был за дверью у господи бога...» — 2, 62
- «У Вільні, городі преславнім...» — «Во граде Вильно достославном...» — 2, 162
- «У всякого своя доля...» (Сон) — 1, 316
- «У нашім раї на землі...» — «И в самых радостных краях...» — 2, 199
- «У неділеньку та ранесенько...» — «В воскресенье да ранешенько...» — 2, 147
- «У неділеньку у святую...» — «То пасхальное воскресенье...» — 2, 142
- «У неділю не гуляла...» — «В воскресенье не гуляла...» — 1, 331
- «У перетику ходила...» — «В лес-дуброву я ходила...» — 2, 145
- «У тієї Катерини...» — «Хата Катри-Катерины...» — 2, 134
- «Умре муж велій в власяниці...» — 2, 334

Утоплена — Утопленница — 1,
245

«Утоплала стежечку...» — «Прото-
топлала тропочку...» — 2, 149

Федору Івановичу Черненко
(«Ой, по горі ромен цві-
те...») — («Ой, на горе яр-
хмель цветет...») — 2, 291

«Хіба самому написать...» —
«Не самому ль мне напи-
сать...» — 2, 206

Холодный Яр — 1, 416

«Хоча лежачого й не б'ють...» —
«Хотя лежачего не бьют...» —
2, 350

Хустина — Платок — 2, 42

Царі — 2, 73

Чернець — 2, 35

«Чи ми ще зійдемося знову...» —
«Сойдемся ли мы с вами сно-
ва...» — 1, 471

«Чи не покинуть нам, небо-
го...» — «Так не пора ли по-
немногу...» — 2, 362

«Чи то недоля та неволя...» —
«Неволя или горе злое...» — 2,
243

Чигрине, Чигрине — 1, 304

«Чого мені тяжко, чого мені
нудно?...» — 1, 334

«Чого ти ходиш на могилу?...» —
«Зачем ты ходишь на моти-
лу?...» — 1, 461

Чума — 2, 155

Швачка — 2, 130

«Ще як були ми козаками...» —
«Когда мы были казака-
ми...» — 2, 33

Юродивий — 2, 276

«Я не нездужаю, нівроку...» —
«Я на здоровье не в оби-
де...» — 2, 284

«Як маю я журитися...» — «Не
стану я печалиться...» — 2, 186

«Як умру, то поховайте...» (За-
повіт) — «Как умру, похоро-
ните...» (Завещание) — 1, 434

«Якби ви знали, паничі...» —
«Когда б вы знали, барчу-
ки...» — 2, 233

«Якби з ким сісти хліба з'і-
сти...» — «Вот если мне бы
все же хлеба...» — 2, 353

«Якби зустрілися ми знову...» —
«Когда бы встретились мы
снова...» — 2, 95

«Якби мені, мамо, намисто...» —
«Кабы мне монисто, род-
ная...» — 2, 152

«Якби мені черевики...» — «Мне
б сапожки, я бы тоже...» — 2,
120

«Якби тобі довелось...» — «Если
бы тебе досталось...» — 2, 191

«Якось то йдучи уночі...» —
«Однажды над Невой иду...» —
2, 356

**РУССКИЙ АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
СТИХОТВОРЕНИЙ И ПОЭМ,
ПОМЕЩЕННЫХ В ПЕРВОМ И ВТОРОМ ТОМАХ**

- «А мы все думаем, решаем...» — 2, 39
- «Барвинок цвет и зеленел...»
(Н. Я. Макарову) — 2, 340
- «Бывает, в неволе мечтать начинаю...» — 2, 236
- «Бывает, иногда старик...» — 2, 205
- «Бывало, в школе я когда-то»
(А. О. Козачковскому) — 2, 45
- «Бывало, думаю, гуляю...» — 2, 203
- «Бьют пороги; всходит месяц...»
(К Основьяненко) — 1, 148
- «В былые дни, во время оно...» — 2, 329
- «В воскресенье да ранешенько...» — 2, 147
- «В воскресенье не гуляла...» — 1, 331
- «В лес-дуброву я ходила» — 2, 145
- «В неволе тяжело — хоть и воли...» — 1, 469
- «В неволе я один скучаю...» — 2, 159
- «В огороде, возле брода...» — 2, 151
- «В светлый праздник, на соломе...» — 2, 202
- Варнак — 2, 65
- Ведьма — 1, 440
- «Великомученица-дева!...» (Н. Т.) — 2, 358
- «Ветер буйный, ветер буйный...» — 1, 103
- «Ветер веет, повеваает...» — 1, 232
- Вечной памяти Котляревского — 1, 105
- «Вишневый садик возле хаты...» — 1, 466
- «Во граде Вильно достолавном...» — 2, 162
- «Во Иудее, во дни оны...» — 2, 295
- «Вот если мне бы все же хлеба...» — 2, 353

- «Вот так и я теперь строю» — 2, 59
- «Все снится мне: вот под горою...» — 2, 246
- Г. З. («Нет горше доли, чем в неволе...») — 2, 93
- Гайдамаки — 1, 162
- Гамалия — 1, 281
- Гимн черниц — 2, 335
- Гоголю («За думою дума летит-вылетает...») — 1, 336
- «Горы мои высокие...» (Сон) — 2, 24
- «Готово! Парус распустили...» — 2, 213
- «Давайте вновь стихи писать...» — 2, 60
- Давидовы псалмы — 1, 419
- Девичьи ночи — 1, 314
- «Девушка мила, красива...» — 2, 323
- «Для чего же мне жениться?..» — 2, 187
- Доля — 2, 279
- Дочь ктитора — 2, 81
- «Думы мои, думы мои, горе, думы, с вами!..» — 1, 112
- «Думы мои, думы мои, самые родные...» — 2, 7
- Еретик — 1, 339
- «Если бы тебе досталось...» — 2, 191
- «За думою дума летит-вылетает!..» (Гоголю) — 1, 336
- «За солнцем облачко плывет...» — 2, 183
- Завещание («Как умру, похороните...») — 1, 434
- «Завалило черной тучей...» — 2, 165
- «Запели мы и разошлись...» — 2, 221
- «Зачаруй меня, волшебник...» — 1, 335
- «Зачем ты ходишь на могилу...» — 1, 461
- «Зацвела в долине красная калина...» — 2, 197
- И Архимед и Галилей — 2, 341
- «И богата я» — 2, 121
- «И в самых радостных краях...» — 2, 199
- «И встретились, и обвенчались...» — 2, 360
- «И вырос я в краю чужом...» — 2, 114
- «И день идет и ночь идет...» — 2, 354
- И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим... — 1, 409
- «И молодость моя минула...» — 2, 348
- «И простор степной, широкий...» — 2, 150
- «И сонные волны, и мутное небо...» — 2, 113
- «И станом гибким и красую...» — 2, 240
- «И тернистый и колючий...» — 2, 195
- Иван Подкова — 1, 151
- «Играли вместе, подросли...» — 2, 337
- «Играя, солнышко скрывалось...» (Н. Костомарову) — 1, 465

- «Из-за рощи солнце восходит...» — 2, 136
 «Из похода не вернулся...» — 2, 161
 Иржавец — 2, 29
 Исая. Глава 35 — 2, 288
- К Основьяненко («Бьют пороги, всходит месяц...») — 1, 148
 «Кабы мне монисто, родная...» — 2, 152
 Кавказ — 1, 404
 «Как днем осенним чумаки...» — 2, 168
 «Как за подушным, правый боже...» — 2, 90
 «Как ты, лилеею такую ж...» — (N. N.) — 2, 290
 «Как умру, похороните...» (Завещание) — 1, 434
 «Какого дьявола я трачу...» — 2, 245
 Катерина — 1, 119
 Княжна — 2, 8
 «Когда б вы знали, барчуки...» — 2, 233
 «Когда бы встретились мы снова...» — 2, 95
 «Когда есть дом родной, а дома...» — 2, 80
 «Когда мы были казаками...» — 2, 33
 Козачковскому А. О. («Бывало, в школе я когда-то...») — 2, 45
 Косарь — 1, 470
 Костомарову Н. («Играя, солнышко скрывалось...») — 1, 465
 «Кума моя и я...» — 2, 361
 «Куковала кукушечка...» — 2, 129
- Л. («Поставлю хату — не палаты...») — 2, 342
 «Лес, овраг, буерак...» — 1, 456
 Ликерии («Моя голубка! Друг мой милый...») — 2, 339
 Лилея — 1, 435
- Макарову Н. Я. («Барвинок цвел и зеленел...») — 2, 340
 Маленькой Марьяне — 1, 428
 Марина — 2, 96
 Мария — 2, 297
 Маркевичу Н. («Хорошо тебе, орел мой...») — 1, 159
 Марку Вовчку — 2, 287
 Марьяна-черница — 1, 233
 «Мать моя была богата...» — 2, 123
 «Меж скалами, подобно воруху...» — 2, 108
 «Мне б сапожки, я бы тоже...» — 2, 120
 «Мне золотую, дорогую...» — 2, 210
 «Мне кажется, — но сам не знаю...» — 2, 231
 «Мне почта вновь не привезла...» — 2, 157
 «Мне, право, все равно, я буду...» — 1, 458
 «Мой отец спит в могиле...» — 2, 160
 Молитва — 2, 326
 «Моя голубка! Друг мой милый...» (Ликерии) — 2, 339
 «Муженька я дорогого...» — 2, 125
 Муза — 2, 280
 «Мы вместе некогда росли...» — 2, 211

- «Мы осенью и впрямь похожи...» — 2, 214
- «Мы чванные, пустые люди...» — 2, 208
- «На барщине пшеницу жала...» (Сон). — 2, 283
- «На кургане возле рощи...» — 2, 118
- На память Штернбергу — 1, 161
- «На рожь несжатую в ночи...» — 2, 106
- «На улице невесело...» — 2, 133
- «На улице снег и ветер...» — 2, 127
- «На что черные мне брови...» — 1, 146
- «Над днепровскою водою...» — 2, 336
- Наймичка — 1, 388
- «Не греет солнце на чужбине...» — 2, 23
- «Не дай ты никому того же...» — 2, 72
- «Не для людей и не для славы...» — 2, 116
- «Не домой спеша, расставшись...» — 2, 184
- «Не женися на богатой...» — 1, 338
- «Не завидуй богатому...» — 1, 337
- «Не молилась мать за сына...» — 2, 222
- «Не самому ль мне написать...» — 2, 206
- «Не спится мне, а ночь — как море...» — 1, 472
- «Не стану я печалиться...» — 2, 186
- «Не так недруги твои...» — 2, 138
- «Не хочу я обручаться...» — 2, 153
- Неофиты — 2, 260
- Невольник (Слепой) — 1, 359
- «Неволя или горе злое...» — 2, 243
- «Нет, бога я не упрекаю...» — 2, 343
- «Нет горше доли, чем в неволе...» — (Г. 3.) — 2, 93
- «Нигде ни в чем отрады нету...» — 2, 351
- N.N. («Как ты, лилею такую ж...») — 2, 290
- N.N. («О думы мои! О слава злая...») — 2, 32
- N.N. («Солнце заходит, горы чернеют...») — 2, 20
- N.N. («Тогда мне лет тринадцать было...») — 2, 21
- H. T. («Великомученица-дева!..») — 2, 358
- «Ну что, казалось бы, слова...» — 2, 88
- «О думы мои! О слава злая...» (N.N.) — 2, 32
- «О люди, бедные, слепые...» — 2, 352
- «Огни горят, оркестр играет...» — 2, 242
- «Однажды над Невой иду...» — 2, 356
- «Ой, баю-баю, качаю сына...» — 2, 139
- «Ой, гляну да погляжу я...» — 2, 71

- «Ой, мама, мама, как я страдаю...» — 2, 292
- «Ой, на горе яр-хмель цветет...» (Федору Ивановичу Черненко) — 2, 291
- «Ой, наточу товарища...» — 2, 126
- «Ой, не пьются мед и пиво...» — 2, 132
- «Ой, одна я, одна...» — 1, 455
- «Ой, пошла я в овраг за водою...» — 2, 137
- «Ой, серые кричат гуси...» — 2, 189
- «Ой, строчечку да к строчечке...» — 2, 41
- «Ой ты, темная дуброва...» — 2, 324
- «Опять настало время злое...» — 2, 247
- Осии. Глава 14 — 2, 320
- «Останься с матерью! — сказали...» — 1, 459
- «Отчего ты почернело...» — 2, 140
- П. С. («Я не досажаю на злого...») — 2, 91
- Перебендя — 1, 116
- Петрусь — 2, 224
- Платок — 2, 42
- Плач Ярославны — 2, 330
- Песня караульного у тюрьмы — 1, 251
- «Повстречалася я...» — 2, 122
- Подземелье — 1, 369
- Подражание — 2, 317
- Подражание Иезекиилю. Глава 19 — 2, 318
- Подражание 11 псалму — 2, 285
- Подражание сербскому — 2, 325
- Порченая — 1, 97
- «Поставлю хату — не палаты...» (Л.) — 2, 342
- «Припомним, братия моя...» — 1, 454
- «Присяду я на крылечке...» — 2, 128
- Пророк — 2, 105
- «Протоптала тропочку...» — 2, 149
- «Проходят дни, проходят ночи...» — 1, 429
- Разрытая могила — 1, 302
- «Рано встали, выступали...» — 1, 467
- Русалка — 1, 438
- «С рассвета и до вечера...» — 2, 332
- «Сам удивляюсь. Кто ответит...» — 2, 40
- Саул — 2, 345
- «Свете тихий! Свете ясный!...» — 2, 338
- Сестре — 2, 293
- Слава — 2, 282
- Слепая — 1, 252
- Слепой (Невольник) — 1, 350
- Сова — 1, 307
- «Сойдемся ли мы с вами снова...» — 1, 471
- Солдатов колодец (1847) — 2, 50
- Солдатов колодец (1857) — 2, 248
- «Солнце заходит, горы чернеют...» (N.N.) — 2, 20
- Сон («Горы мои высокие...») — 2, 24
- Сон («На барщине пшеницу жала...») — 2, 283

- Сон («У всякого своя доля...») — 1, 316
- Сотник — 2, 169
- Стоит в селе Субботове — 1, 386
- «Сраженья были, распри — все бывало...» — 2, 357
- «Считаю в ссылке дни и ночи...» (вариант 1850 г.) — 2, 216
- «Считаю в ссылке дни и ночи...» (вариант 1858 г.) — 2, 219
- «Так не пора ли понемногу...» — 2, 362
- Тарасова ночь — 1, 154
- «Течет вода в сине море...» — 1, 109
- «Течет вода от явора...» — 2, 355
- «Титаривна-Немиривна...» — 2, 349
- «Тогда мне лет тринадцать было...» (N.N.) — 2, 21
- «То не буйный ветер в поле...» — 2, 148
- «То пасхальное воскресенье...» — 2, 142
- Тополь — 1, 139
- «Топор был за дверью у господа бога...» — 2, 62
- Три года — 1, 431
- «Три широкие дороги...» — 1, 463
- Тризна — 1, 287
- «Туман плывет долинами...» — 2, 141
- «Тяжко, тяжело жить на свете...» — 1, 110
- «У всякого своя доля...» (Сон) — 1, 316
- «Умре муж велий в власянице...» — 2, 334
- Утопленница — 1, 245
- Федору Ивановичу Черненко («Ой на горе яр-хмель цветет...») — 2, 291
- «Хата Катри-Катерины...» — 2, 134
- Холодный Яр — 1, 416
- «Хорошо тебе, орел мой...» (Н. Маркевичу) — 1, 159
- «Хотя лежачего не быют...» — 2, 350
- Цари — 2, 73
- Чернец — 2, 35
- «Чигрине, Чигрине...» — 1, 304
- «Что же мне так тяжело...» — 1, 334
- Чума — 2, 155
- Швачка — 2, 130
- Юродивый — 2, 276
- «Я, глупый, размышлял порою...» — 2, 294
- «Я не досажую на злого...» (П. С.) — 2, 91
- «Я на здоровье не в обиде...» — 2, 284

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТ И Х О Т В О Р Е Н И Я И П О Э М Ы

1847—1861

«Думы мои, думы мои, самые родные!...» <i>Перевел А. Сурков</i>	7
Княжна. <i>Перевел В. Гиппиус</i>	8
NN («Солнце заходит, горы чернеют...»). <i>Перевел Г. Владимирский</i>	20
NN («Тогда мне лет тринадцать было...»). <i>Перевел А. Твардовский</i>	21
«Не греет солнце на чужбине...» <i>Перевел А. Безыменский</i>	23
Сон («Горы мои высокие!...»). <i>Перевел А. Сурков</i>	24
Иржавец. <i>Перевел В. Державин</i>	29
NN («О думы мои! О слава злая!...»). <i>Перевел А. Чаичков</i>	32
«Когда мы были казаками...» <i>Перевел Н. Браун</i>	33
Чернец. <i>Перевел Н. Асеев</i>	35
«А мы всё думаем, решаем...» <i>Перевел В. Луговской</i>	39
«Сам удивляюсь. Кто ответит...» <i>Перевел Н. Ушаков</i>	40
«Ой, строчечку да к строчечке...» <i>Перевела В. Звягинцева</i>	41
Платок. <i>Перевела М. Комиссарова</i>	42
А. О. Козачковскому («Бывало, в школе я когда-то...»). <i>Перевел Л. Вышеславский</i>	45
Солдатов колодец (вариант 1847 года). <i>Перевел А. Сурков</i>	50
«Вот так и я теперь строчу...» <i>Перевел Л. Пеньковский</i>	59
«Давайте вновь стихи писать...» <i>Перевел Н. Сидоренко</i>	60
«Топор был за дверью у господа бога...» <i>Перевел Н. Ушаков</i>	62
Варнак. <i>Перевел Я. Городской</i>	65
«Ой, гляну да погляжу я...» <i>Перевел Н. Сидоренко</i>	71
«Не дай ты никому того же...» <i>Перевел Н. Сидоренко</i>	72

Цари. Перевел Л. Вышеславский	73
«Когда есть дом родной, а дома...» Перевел Л. Длигач	80
Дочь ктитора. Перевел С. Липкин	81
«Ну что, казалось бы, слова?...» Перевел Н. Сидоренко	88
«Как за подушным, правый боже...» Перевел Н. Ушаков	90
П. С. («Я не досажаю на злого...»). Перевела В. Звягинцева	91
Г. З. («Нет горше доли, чем в неволе...»). Перевела В. Звягинцева	93
«Когда бы встретились мы снова...» Перевел Н. Браун	95
Марина. Перевел В. Бугаевский	96
Пророк. Перевел Н. Браун	105
«На рожь несжатую в ночи...» Перевел А. Сурков . .	106
«Меж скалами подобно вору...» Перевел В. Цвелев . .	108
«И сонные волны, и мутное небо...» Перевел Н. Ушаков	113
«И вырос я в краю чужом...» Перевела М. Комиссарова	114
«Не для людей и не для славы...» Перевел Н. Ушаков	116
«На кургане возле рощи...» Перевел Н. Ушаков . . .	118
«Мне б сапожки, я бы тоже...» Перевел Н. Ушаков . .	120
«И богата я...» Перевел А. Прокофьев	121
«Повстречался я...» Перевела В. Инбер	122
«Мать моя была богата...» Перевела В. Инбер	123
«Муженька я дорогого...» Перевел Н. Ушаков	125
«Ой, наточу товарища...» Перевел Г. Петников	126
«На улице снег и ветер...» Перевела В. Звягинцева . .	127
«Присяду я на крылечке...» Перевела В. Инбер	128
«Куковала кукушечка...» Перевела М. Комиссарова . .	129
Швачка. Перевел Л. Длигач	130
«Ой, не пьются мед и пиво...» Перевел Н. Ушаков . .	132
«На улице невесело...» Перевел Л. Елисеев	133
«Хата Катри-Катерины...» Перевел Н. Ушаков	134
«Из-за рощи солнце всходит...» Перевел Н. Ушаков . .	136
«Ой, пошла я в овраг за водою...» Перевел Н. Ушаков	137
«Не так недруги твои...» Перевел Н. Ушаков	138
«Ой, баю-баю, качаю сына...» Перевела В. Звягинцева	139
«Отчего ты почернело...» Перевел Н. Браун	140
«Туман плывет долинами...» Перевела В. Инбер	141
«То пасхальное воскресенье...» Перевел А. Тарковский	142
«В лес-дуброву я ходила...» Перевел Н. Ушаков	145
«В воскресенье да ранешенько...» Перевел Г. Петников	147
«То не буйный ветер в поле...» Перевел Н. Сидоренко	148

«Протоптала тропочку...» Перевел Н. Ушаков	149
«И простор степной, широкий...» Перевела Н. Славинская	150
«В огороде, возле брода...» Перевел А. Сурков	151
«Кабы мне монисто, родная...» Перевел П. Панченко	152
«Не хочу я обручаться...» Перевел И. Сельвинский	153
Чума. Перевела М. Комиссарова	155
«Мне почта вновь не привезла...» Перевел Н. Ушаков	157
«В неволе я один скучаю...» Перевел Л. Озеров	159
«Мой отец спит в могиле...» Перевела В. Звягинцева	160
«Из похода не вернулся...» Перевел Н. Браун	161
«Во граде Вильно достославном...» Перевел В. Бугаевский	162
«Завалило черной тучей...» Перевел И. Сельвинский	165
«Как днем осенним чумаки...» Перевел Н. Браун	168
Сотник. Перевел Б. Турганов	169
«За солнцем облачко плывет...» Перевел Н. Браун	183
«Не домой спеша, расставшись...» Перевел С. Олендер	184
«Не стану я печалиться...» Перевела М. Замаховская	186
«Для чего же мне жениться?...» Перевел Г. Петников	187
«Ой, серые кричат гуси...» Перевел А. Сурков	189
«Если бы тебе досталось...» Перевел Д. Бродский	191
«И тернистый и колючий...» Перевел С. Гордеев	195
«Зацвела в долине красная калина...» Перевел Е. Незжинцев	197
«И в самых радостных краях...» Перевел А. Твардовский	199
«В светлый праздник, на соломе...» Перевела М. Комиссарова	202
«Бывало, думаю, гуляю...» Перевел В. Бугаевский	203
«Бывает, иногда старик...» Перевел Н. Ушаков	205
«Не самому ль мне написать...» Перевел М. Магусовский	206
«Мы чванные, пустые люди...» Перевел А. Ойслендер	208
«Мне золотую, дорогую...» Перевела В. Звягинцева	210
«Мы вместе некогда росли...» Перевел Н. Ушаков	211
«Готово! Парус распустили...» Перевел Н. Ушаков	213
«Мы осенью и впрямь похожи...» Перевел А. Шпирт	214
«Считаю в ссылке дни и ночи...» (Вариант 1850 г.) Перевел Я. Городской	216
«Считаю в ссылке дни и ночи...» (Вариант 1858 г.) Перевел Н. Ушаков	219

«Запели мы и разошлись...» Перевел Н. Браун . . .	221
«Не молилась мать за сына...» Перевела В. Звягинцева	222
Петрусь. Перевел М. Зенкевич	224
«Мне кажется,— но сам не знаю...» Перевел Е. Долма- товский	231
«Когда б вы знали, барчуки...» Перевел А. Дейч . . .	233
«Бывает, в неволе мечтать начинаю...» Перевел Л. Пень- ковский	236
«И станом гибким и красую...» Перевела В. Инбер . .	240
«Огни горят, оркестр играет...» Перевел Н. Ушаков . .	242
«Неволя, или горе злое...» Перевел А. Ойслендер . .	243
«Какого дьявола я трачу...» Перевел Н. Сидоренко . .	245
«Все снится мне: вот под горою...» Перевела Т. Вол- гина	246
«Опять настало время злое!..» Перевел С. Олендер . .	247
Солдатов колодец. (Вариант 1857 г.) Перевел Ф. Соло- губ	248
Неофиты. Перевел Г. Островский	260
Юродивый. Перевел А. Сурков	276
Доля. Перевела С. Вышеславцева	279
Муза. Перевел М. Рыльский	280
Слава. Перевел М. Голодный	282
Сон («На барщине пшеницу жала...») Перевела М. Ко- миссарова	283
«Я на здоровье не в обиде...» Перевел Н. Ушаков . .	284
Подражание 11 псалму. Перевел М. Голодный	285
Марку Вовчку. Перевела И. Воробьева	287
Исайя. Глава 35. Перевел П. Антокольский	288
NN («Как ты, лилеею такую ж...»). Перевел Ф. Сологуб	290
Федору Ивановичу Черненко («Ой на горе яр-хмель цветет...»). Перевел Б. Турганов	291
«Ой, мама, мама, как я страдаю!..» Перевел Н. Ушаков	292
Сестре. Перевел В. Саянов	293
«Я, глупый, размышлял порою...» Перевел А. Ойслен- дер	294
«Во Иудее, во дни оны...» Перевел Г. Владимирский . .	295
Мария. Перевел Б. Пастернак	297
Подражание. Перевел М. Фроман	317
Подражание Иезекиилю. Глава 19. Перевел А. Безы- менский	318
Осии. Глава 14. Подражание. Перевел М. Зенкевич . .	320
«Девушка мила, красива...» Перевела В. Звягинцева . .	323

«Ой ты, темная дуброва!..» <i>Перевела В. Звягинцева</i> . . .	324
Подражание сербскому. <i>Перевел И. Сельвинский</i> . . .	325
Молитва. <i>Перевел П. Карабан</i>	326
«В былые дни, во время оно...» <i>Перевел А. Миних</i> . . .	329
Плач Ярославны. <i>Перевел А. Тарковский</i>	330
«С рассвета и до вечера...» <i>Перевел А. Тарковский</i> . . .	332
«Умре муж велий в власнице...» <i>Перевел Н. Сидоренко</i>	334
Гимн черниц. <i>Перевела С. Вышеславцева</i>	335
«Над днепровскою водою...» <i>Перевел Л. Вышеславский</i>	336
«Играли вместе, подросли...» <i>Перевела Т. Волгина</i> . . .	337
«Свете тихий! Свете ясный!..» <i>Перевела С. Вышеслав-</i> <i>цева</i>	338
Ликерии («Моя голубка! Друг мой милый!..»). <i>Перевел</i> <i>М. Фроман</i>	339
Н. Я. Макарову («Барвинок цвел и зеленел...»). <i>Пере-</i> <i>вел Н. Сидоренко</i>	340
«И Архимед и Галилей...» <i>Перевел В. Бугаевский</i> . . .	341
Л. («Поставлю хату — не палаты...»). <i>Перевела В. Звя-</i> <i>гинцева</i>	342
«Нет, бога я не упрекаю...» <i>Перевел Л. Озеров</i> . . .	343
Саул. <i>Перевел Г. Владимирский</i>	345
«И молодость моя минула...» <i>Перевел В. Луговской</i> . . .	348
«Титаривна-Немиривна...» <i>Перевела В. Инбер</i>	349
«Хотя лежачего не бьют...» <i>Перевел А. Сурков</i>	350
«Нигде ни в чем отрады нету...» <i>Перевел Н. Ушаков</i>	351
«О люди! бедные, слепые!..» <i>Перевела С. Вышеславцева</i>	352
«Вот если мне бы все же хлеба...» <i>Перевела В. Инбер</i>	353
«И день идет и ночь идет...» <i>Перевел С. Гордеев</i> . . .	354
«Течет вода от явора...» <i>Перевела М. Комиссарова</i> . . .	355
«Однажды над Невой иду...» <i>Перевел Н. Браун</i> . . .	356
«Сраженья были, распри — все бывало...» <i>Перевел</i> <i>Л. Вышеславский</i>	357
Н. Т. («Великомученица-дева»). <i>Перевел А. Безымен-</i> <i>ский</i>	358
«И встретились и обвенчались...» <i>Перевела В. Инбер</i>	360
«Кума моя и я...» <i>Перевел С. Олендер</i>	361
«Так не пора ли понемногу...» <i>Перевел К. Симонов</i> . . .	362
Комментарии.— Составил <i>И. Айзеншток</i>	367
<i>Украинско-русский алфавитный указатель стихотворений</i> <i>и поэм, помещенных в 1 и 2 томах</i>	437
<i>Русский алфавитный указатель стихотворений и поэм,</i> <i>помещенных в 1 и 2 томах</i>	445

Редактор *Е. Цинговатова*
Оформление художника *Г. Фишера*
Художественный редактор
Т. Кудрявцев
Технический редактор *Ф. Артемьева*
Корректор *А. Сабадаш*

•

Сдано в набор 17/V 1955 г. Подписано
к печати 26/VIII 1955 г. А 02996.
Бумага $84 \times 108^{1/32}$ —28,5 печ. л. =
= 23,4 усл. печ. л. 18,91 уч.-изд. л. +
+ 1 вкл. = 18,96 л. Тираж 75 000 экз.
Заказ № 487. Цена 10 руб.

Гослитиздат,
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

•

3-я типография
«Красный пролетарий»
Главполиграфпрома
Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.